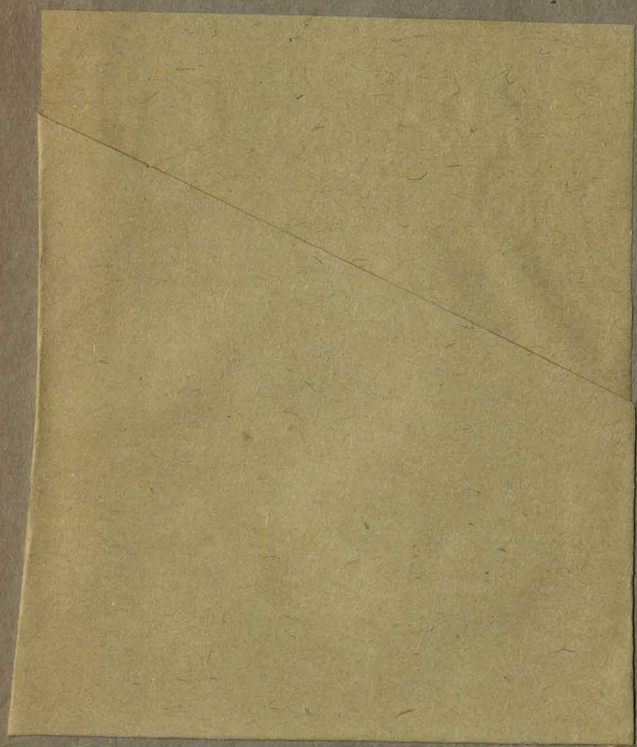

Воспоминания
Стрелка.

$\triangle \frac{360}{167}.$

Генерал-майоръ Графъ Павелъ Петровичъ Шуровъ
онъ авторъ

360
14

ВОСПОМИНАНІЯ СТРѢЛКА.

РАЗСКАЗЪ

О походѣ лейбъ-гвардіи 1-го Его Величества Стрѣлковаго баталіона
въ войну съ турками 1877—1878 годовъ.

Съ одиннадцатью рисунками.

(Посвящается боевымъ товарищамъ, Стрѣлкамъ Его Величества.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Редакціи журнала «Чтеніе для Солдатъ».

1886.

Государственный Книжный Фонд

№

Шуб

Вой подъ Правцемъ 11-го ноября 1877 года. — Послѣдній ударъ въ штыки.

Книга имеет:

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служеб. №	Наклад и исписка
1871 13					4	117	38 645

Δ $\frac{360}{164}$

Бит
В774ср

ВОСПОМИНАНІЯ

СТРѢЛКА.

РАЗСКАЗЪ

о походѣ лейбъ-гвардіи 1-го Его Величества Стрѣлковаго баталіона
въ войну съ турками 1877—1878 годовъ.

Съ одиннадцатью рисунками.

Посвящается боевымъ товарищамъ, Стрѣлкамъ Его Величества.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Редакціи журнала «Чтеніе для Солдатъ».

1886.

Екатерининский кан., д. № 78.
2648

2020229558

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 31-го октября 1885 года.

ВОСПОМИНАНІЯ СТРѢЛКА.

(Разсказъ о походѣ л.-гв. 1-го Его Величества Стрѣлковаго баталіона
въ войну съ турками 1877—78 годовъ.)

I.

Причины войны 1877—1878 гг. — Высочайшій Манифестъ. — Началъ военныхъ дѣйствій. — Выступленіе гвардейскихъ стрѣлковъ на театръ войны. — Передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ. — Походныя движенія. — Гор. Студень. — Эни-Баркачъ. — Бой подъ Горнимъ Дубнякомъ 12-го октября 1877 года.

Подъ властью турецкаго султана, уже болѣе 400 лѣтъ, находятся народы, родственные намъ по своей Вѣрѣ и даже по языку. Народы эти всегда мы считали своими братьями, и всѣ притѣсненія, которымъ подвергались они отъ турокъ за свою Православную Вѣру, живо отзывались въ сердцѣ русскаго православнаго народа.

Въ 1876 году, одинъ изъ этихъ народовъ—*Сербы*, рѣшились наконецъ отдѣлаться отъ турецкихъ мученій и начали съ ними войну. Но такъ какъ войскъ у нихъ было мало, а денегъ еще меньше, то имъ однимъ и трудно было справиться съ многочисленной турецкой арміей, подступившей уже къ предѣламъ отечества и

страшно неистовствовавшей по пути слѣдованія. Россія и русскій народъ вѣвремя пришли на помощь изнемогавшимъ братьямъ, боровшимся за Вѣру Православную. Со всѣхъ концовъ обширнаго нашего отечества потекли въ Сербію пожертвованія деньгами, вещами; а кто не могъ подѣлиться этимъ, тотъ самъ шелъ жертвовать своею жизнью. Кто изъ насъ не помнитъ этого замѣчательнаго времени. Нѣтъ деревушки, которая не слышала-бы о «добровольцахъ»; нѣтъ города, въ которомъ толпы народа не провожали-бы ихъ съ благословеніями и пожеланіями. Помѣщикъ, мужикъ отъ сохи, оставшей солдатъ, офицеръ—всѣ потянулись на войну, гдѣ, рядомъ съ кровью братьевъ—сербовъ, лилась уже русская кровь. Гвардейскіе стрѣлки не остались безучастными къ общему движенію. Кромѣ вещей и денегъ, отъ нихъ отправились на войну офицеры: шт.-кап. графъ Тизенгаузенъ и подпоручикъ Савримовичъ 1-й. Графъ Тизенгаузенъ вернулся, по окончаніи войны, израненный 9-ю пулями, а подпоручикъ Савримовичъ остался тамъ, замученный турками. Говорятъ, они разрѣзали ему животъ и разложили въ немъ огонь, отчего онъ и умеръ самой мучительной, медленной смертью.

Между тѣмъ, какъ все это происходило въ Сербіи, другой родственникъ намъ народъ, *Болгары*, претерпѣвалъ невообразимыя страданія. Разъяренные сербскою войною, турки вымѣщали всю свою дикую злобу на болгаряхъ. Грабили и жгли ихъ имущества, рѣзали и убивали самымъ звѣрскимъ образомъ, ни въ чемъ не повинныхъ дѣтей, замучивали и безчестили женщинъ, уродовали и истребляли все мужское населеніе. Всѣ эти извѣстія, приходившія въ Россію, глубоко возмущали

русскую душу. Видѣть свою Вѣру поруганною, слышать стоны несчастныхъ мучениковъ, было болѣе не подь силу. И вотъ, все чаще и чаще начинается раздаваться голосъ народа, требующій войны съ турками. «Гласъ народа—гласъ Божій», говоритъ пословица, и этотъ гласъ, раздавшійся скоро по всей Россіи, широкой волной прокатившійся по всему ея обширному пространству, достигъ Царя, и 12-го апрѣля 1877 года была объявлена война туркамъ. Радость и ликование были всеобщія. Громкимъ «ура» встрѣтили Царскій манифестъ о войнѣ. На улицахъ и площадяхъ городовъ, въ тѣсныхъ переулкахъ селъ и деревень кричали «ура», пѣли «Боже Царя храни» и поздравляли другъ друга съ общей радостью. Наболѣвшему сердцу русскаго человѣка было дано удовлетвореніе!

Между тѣмъ, какъ русскій народъ восторженно приветствовалъ манифестъ Царя, наши передовые кавалерійскіе отряды перешли границу и направлялись къ рѣкѣ Дунаю, за которымъ ждала ихъ турецкая армія. Два мѣсяца войска стягивались къ Дунаю и располагались вблизи этой рѣки въ ожиданіи переправы, а 15-го іюня была совершена молодецкая переправа, почти неожиданно для турокъ, и наши войска очутились въ странѣ непріятеля, на родинѣ тѣхъ самыхъ болгаръ, за которыхъ шли проливать кровь. Не прошло недѣли со дня переправы, какъ мы уже владѣли широкой полосой вражеской земли и съ каждымъ днемъ подвигались все дальше и дальше, оттѣсняя непріятеля въ глубь страны. Черезъ мѣсяцъ, уже одинъ изъ нашихъ отрядовъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Гурко, перешелъ неприступныя Балканскія горы

и появился въ виду второй столицы турецкаго султана, города Адрианополя. Это было на нашемъ лѣвомъ флангѣ; на правомъ дѣла шли не такъ успѣшно: здѣсь, передъ нами, въ гор. Плевнѣ, стояла 60-ти-тысячная армія Османа-паши, засѣвшая въ сильныхъ укрѣпленіяхъ и не позволявшая намъ двигаться впередъ. Два раза, 8-го и 18-го іюля, мы напрасно пытались выгнать турокъ изъ Плевны. Атаки наши, по причинѣ нашей малочисленности, были неудачны, и съ громадными потерями мы принуждены были отступить и ожидать прибытія свѣжихъ войскъ изъ Россіи.

Въ числѣ этихъ войскъ, призывавшихся на войну, былъ и Гвардейскій корпусъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ намъ объявили объ этомъ; а 14-го августа, въ 8 час. утра, изъ Царскаго села выступилъ нашъ баталіонъ на станцію Колпино, Николаевской желѣзной дороги. Двѣ недѣли ѣхали мы по желѣзнымъ дорогамъ, пересаживаясь съ дороги на дорогу, изъ вагона въ вагонъ. 25-го августа переѣхали русскую границу и очутились въ Румыніи. Тяжело сжалось сердце, когда мы оставили за собой дорогую родину. Перекрестились и, съ надеждой на Бога, двинулись далѣе. Здѣсь все перемѣнилось: не видно русскаго мужика, не слышно роднаго говора; даже деньги наши пришлось мѣнять на иностранныя. Въмѣсто рублей да копѣекъ, пошли какіе-то *франки* да *бани*. Первое время стрѣлки никакъ не могли уразумѣть, что это за франки и бани, но потомъ попривыкли и уже не давали себя въ обманъ всякому проходимцу, спѣшившему надуть и обобрать солдата. На станціяхъ, обыкновенно, собирался хоръ пѣсенниковъ и затягивалъ пѣсню. Пѣсня эта—то заунывная, хватающая за душу

то бѣшено-развеселая, далеко разносилась по воздуху, привлекая толпу слушателей. Не рѣдко, растроганный слушатель просилъ разрѣшенія угостить пѣсенниковъ чаркой водки, или же просто давалъ деньги, зная, что солдату въ такомъ дальнемъ и трудномъ пути онѣ не разъ пригодятся.

Не долго, однако, приходилось оставаться на мѣстѣ. Приготовили поѣздъ, размѣстились — и снова въ дорогу. Съ каждымъ шагомъ впередъ, все чаще попадаются признаки близкой войны: везутъ раненыхъ, снаряды, провіантъ. Тамъ и сямъ, въ облакахъ пыли, виднѣются отряды пѣхоты, за ней, длинной вереницей, тянется артиллерія. По сторонамъ дороги бѣлѣются палатки, громадные шатры торговцевъ разной разности и пр. и пр. Въ 10 часовъ утра, 30-го августа, поѣздъ подошелъ къ станціи Фратешти. Здѣсь кончилась желѣзная дорога и дальнѣйшее движеніе нужно было продолжать пѣшкомъ.

Въ 7-ми верстахъ отъ станціи Фратешти, на р. Дунаѣ, стоитъ городъ Журжево, а противъ него, по другую сторону, — Руцукъ. Журжево занятъ нашими войсками, Руцукъ — непріателемъ. Стоять они другъ противъ друга, на ширину рѣки только, и каждый день перестрѣливаются со всѣхъ батарей. Летитъ, этакая, 3-хъ-пудовая бомба, на что ни упадетъ, — все разобьетъ въ дребезги. Не удивительно послѣ этого, что городъ Журжево, ко времени нашего прибытія, обратился въ груду развалинъ. Любопытство заставляло насъ ближе посмотреть на пострадавшій городъ, и на другой же день, утромъ, нѣсколько офицеровъ отправились туда по желѣзной дорогѣ. Издали это былъ городъ, какъ городъ; но лишь только мы въѣхали въ него и двинулись по улицамъ,

какъ сейчасъ-же увидѣли, что тутъ что-то не ладно. И дѣйствительно: улицы завалены всякимъ мусоромъ, дома исковерканы, съ выбитыми стеклами и проломанными крышами. Попадались даже такіе, въ которыхъ не хватало цѣлой стѣны и они, съ минуты на минуту, грозили рухнуть и завалить улицу. Осторожно пробираясь межъ этихъ развалинъ, добрались мы наконецъ до нашихъ батарей, расположенныхъ на самомъ берегу Дуная. Офицеръ-артиллеристъ чрезвычайно намъ обрадовался, да и не удивительно: онъ поселился на этихъ батареяхъ съ самаго начала войны и, кромѣ своихъ солдатъ, да непріятеля, не видалъ никого. Солдаты тоже окружили насъ тѣсной кучей и съ любопытствомъ осматривали наши новые гвардейскіе мундиры и прислушивались къ разговорамъ о Россіи, а мы, какъ новички на войнѣ, не нюхавшіе еще пороха, спрашивали ихъ о войнѣ и объ этихъ мѣстахъ. И много любопытнаго поразсказали они намъ. «Сидимъ, говорятъ, тутъ, вотъ уже четыре мѣсяца и никого не видимъ, ни о комъ не слышимъ и только и занятія, что стережемъ непріятельскіе корабли, да пострѣливаемъ изъ своихъ пушекъ. Два ужъ потопили, а все нѣтъ, нѣтъ, да и выйдетъ какой на чистую воду. А то начнемъ по городу стрѣлять. Пустимъ бомбу, другую, — смотришь — и непріятель тѣмъ же заплатитъ. И такъ каждый Божій день». Пока мы разговаривали такимъ образомъ съ кучкой артиллеристовъ, окружавшихъ насъ, отъ батареиннаго командира пришло приказаніе начать бомбардировку Рущука. Не успѣли мы еще понять хорошенько въ чемъ дѣло, какъ нашъ извозчикъ засуетился, заговорилъ

что-то на непонятномъ намъ языкѣ, задергалъ вожжами и, кажется, хотѣлъ уѣхать, оставивъ насъ на произволъ судьбы. Мы быстро вскочили въ коляску и, маршъ-маршъ, полетѣли къ вокзалу. Всю дорогу извозчикъ кричалъ что-то попадавшимся на встрѣчу прохожимъ, тѣ поворачивали и бѣжали за нами. Съ опасностью ежеминутно свернуть себѣ шею, мы проѣхали почти весь городъ и очутились у вокзала. Поѣздъ былъ уже готовъ, мы сѣли въ вагонъ и тронулись. Минуть черезъ десять раздался страшный, громовый выстрѣлъ. Еще черезъ минуту, выстрѣлъ повторился и громадная бомба, на нашихъ глазахъ, шлепнулась въ только что оставленный нами вокзалъ. Чѣмъ дальше мы удалялись отъ города, тѣмъ чаще и чаще раздавались выстрѣлы и мелькали въ воздухѣ дымки отъ разрывовъ.

«Скорѣй, скорѣй впередъ», думали мы. Туда, гдѣ ждутъ давно нашей помощи, гдѣ мы сами увидимъ непріятеля и отомстимъ ему за наши неудачи подъ Плевной».

Рано утромъ, 31-го августа, мы двинулись далѣе, къ Горному Студеню, болгарской деревушкѣ, гдѣ жилъ въ это время Государь Императоръ и ожидалъ свою гвардію. Жара стояла невыносимая. Пыль столбомъ поднималась надъ нашими головами, залѣпляла глаза, ротъ и уши, толстымъ слоемъ ложилась на платѣ и дѣлала насъ неузнаваемыми. То и дѣло, попадались намъ на встрѣчу громадные обозы раненыхъ изъ подъ Плевны. Отъ нихъ мы узнали, что наканунѣ было горячее дѣло. Мы еще разъ старались выбить изъ укрѣпленій армію Османа-паши и опять наша попытка окончилась неудачей.

«Вы-ли это, чудо-богатыри?—думали мы, глядя на исхудалых, запыленных лицъ раненыхъ. — Сослужили вы свою службу Царю и Отечеству, пострадали за Вѣру православную!»

— Не велика ранка, а много силъ уносить! Ишь, проклятые, какъ изуродовали, серденныхъ!—говорили стрѣлки, заботливо вглядываясь въ изнуренныя лица раненыхъ и предлагая имъ хлѣбъ и воду.

Два дня шли мы такимъ образомъ, и наконецъ на третій (2-го сентября) подошли къ рѣкѣ Дунаю, къ тому самому мѣсту, гдѣ, 15-го іюня, наши войска переправились на ту сторону и прогнали турокъ. Глядя на эту бурную рѣку, на этотъ гористый, крутой берегъ, невольно думаешь: какимъ образомъ переправились здѣсь наши войска подъ непріятельскими пулями и гранатами? Какимъ образомъ, переправившись, они овладѣли этими сильными непріятельскими позиціями? Какимъ образомъ, наконецъ, такъ мало людей погибло при переправѣ? Видно,—на все воля Божья, да русская беззавѣтная храбрость! Завидно было намъ смотрѣть на эти славныя мѣста, облитыя родной кровью, и сознавать, что сами не участвовали въ этой дивной переправѣ; ну, да не всѣмъ-же быть вездѣ и, какъ мы увидимъ дальше, и на нашу долю пришлось не менѣе славныя, не менѣе трудныя дѣла. 2-го сентября, перейдя Дунай по мосту, мы сами были уже въ странѣ непріятеля, а 4-го, около обѣда, подходили къ Горному Студеню. Не успѣли мы еще хорошенько устроиться на новомъ мѣстѣ, какъ вдругъ, по дорогѣ изъ Плевны, показалась коляска, а въ коляскѣ самъ Государь Императоръ. Поровнявшись съ нами, коляска остановилась

и Государь, радостный и довольный, подошелъ къ правому флангу баталіона. Давно не видали стрѣлки своего Шефа и теперь радость и счастье были видны въ глазахъ каждаго.

— Здорово, молодцы-стрѣлки! поздоровался Государь.

— Здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству! громкимъ крикомъ прокатилось по всему фронту и баталіонъ плотной толпой окружилъ Государя. Государь спрашивалъ начальника бригады—хорошо-ли мы дошли, много-ли было слабыхъ, отсталыхъ. Затѣмъ, пожелалъ намъ всего хорошаго, приказалъ стать бивуакомъ на видѣвшемся не вдалекѣ бугрѣ и, при громкихъ, неумолкаемыхъ крикахъ «ура», уѣхалъ въ деревню.

Обрадованные милостивой встрѣчей Государя Императора, стрѣлки быстро принялись устраиваться на бивуакѣ и, немного спустя, на пустынномъ мѣстѣ уже бѣлѣлись палатки, дымились костры и все приняло такой мирный видъ, что хотъ-бы и не въ Турціи на войнѣ, а гдѣ-нибудь около Краснаго Села, на маневрахъ. Тамъ и сямъ, смотришь, ужъ собралась кучка стрѣлковъ у костра, что-то кипятятъ въ манеркахъ и громко разговариваютъ.

— Вотъ и добрались, слава Богу! Куда-то теперь пошлютъ?

— Куда?—Извѣстно, къ Плевнѣ. Затѣмъ и привели, чтобы Плевну брать, да Османа вонъ выгнать. Говорятъ, до нея отсюда всего 60 верстъ,—изъ пушекъ стрѣляютъ, такъ тутъ все слышно!

Между тѣмъ, какъ дѣлались подобныя предполо-

женія и мы устраивались на занятомъ мѣстѣ, изъ Россіи подходили остальные части гвардейскаго корпуса и располагались въ окрестностяхъ Горнаго Студеня. Къ 7-му числу большая часть гвардіи была уже тутъ и участвовала на общемъ парадѣ. Становилось холодно. Начались дожди. Взамѣнъ палатокъ, приказано было выстроить шалаши, и всѣ съ радостью принялись за эту работу. Шалаши росли не по днямъ, а по часамъ, и каждый старался устроиться поудобнѣе и потеплѣе. Вмѣстѣ съ шалашами, общими усиліями стрѣлковъ, была устроена, изъ хвороста и вѣтвей, баталіонная церковь, въ которой, по воскресеньямъ, служилась обѣдня. Скучно и однообразно проходили дни. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали дальнѣйшаго движенія и когда на бивуакъ пріѣзжалъ Государь,—а пріѣзжалъ Онъ довольно часто,—то каждый разъ думали, вотъ-вотъ объявить походъ. Долго пришлось ждать напрасно, но вотъ, въ одинъ прекрасный для насъ день, 23-го сентября, Государь объявилъ, что на слѣдующій день мы идемъ подъ Плевну. Невозможно описать радости и восторга, съ которыми было встрѣчено это извѣстіе. «Ура! ура!» изъ всѣхъ силъ кричали обступившіе Государя стрѣлки и тысячи шапокъ взвились надъ головами.

— Дай Богъ, чтобы васъ побольше и поскорѣе вернулось въ родное отечество! сказалъ на прощанье Государь, садясь въ коляску, и крупная слеза скатилась по щекѣ.

Не разъ потомъ вспоминалась намъ эта Царская слеза и, въ трудныя минуты, укрѣпляла въ насъ сознаніе своего долга.

Лишь только улеглась первая радость и мы успокоились, — начались приготовленія къ походу. Стрѣлки вытащили ранцы, уложили въ нихъ весь свой маленький запасъ бѣлья, получили сухари и стали спокойно ожидать слѣдующаго утра.

Шелъ мелкій осенній дождикъ, когда мы двинулись въ дальнѣйшій путь (24-го сентября, въ 12 часовъ 30 мин. утра). Порывистый сѣверный вѣтеръ пронизывалъ насквозь. Хмурое небо все больше и больше покрывалось парами, а дождикъ усиливался. Пыль замѣсилась въ грязь и громадными, тяжелыми комьями, приставала къ сапогамъ. Съ трудомъ передвигая ноги, дотащились мы къ вечеру до перваго ночлега и принялись разбивать палатки прямо на грязи. Ни соломы, ни дровъ по близости не оказалось. Кое-гдѣ подобрали гнилушекъ, разложили плохенькіе костры, вскипятили въ манеркахъ желтую отъ грязи воду, заварили чаю, да съ тѣмъ и заснули. Наступила длинная, темная ночь. Между тѣмъ, дождь не унимался и съ тою-же силою продолжалъ лить и весь слѣдующій день. Этотъ день на долго остался у насъ въ памяти. Выступили мы въ 8 часовъ утра и должны были пройти 35 верстъ. За ночь грязи и воды еще больше прибавилось. Ранцы промокли, бѣлье въ нихъ тоже, а о шинеляхъ и говорить нечего. Все это вмѣстѣ значительно увеличило ношу солдата и затруднило движеніе. Не смотря на всѣ усилія, черезъ 5—6 верстъ начали появляться отсталые. Лазаретный фургонъ, всегда почти пустой, теперь былъ переполненъ и еще бѣлая кучка шла около. Совершенно обезсилившіе и не помѣстившіеся въ фургонъ, ложились прямо на дорогѣ и оставались

на произволь судьбы. Такимъ-то образомъ, уже совсѣмъ ночью, притащились мы на второй ночлегъ, въ деревню Порадимъ. Здѣсь день передохнули и пошли къ деревни Эни-Баркачъ, находящейся уже совсѣмъ близко отъ Плевны.

Первое время, въ Эни-Баркачъ жилось плохо: обозы отстали, табакъ выкурили, хлѣбъ поѣли, а достать ничего нельзя. Дня два или три питались одной жареной кукурузой *), курили сухія листья и проч. Это, однако, продолжалось недолго. Были приняты всѣ мѣры къ скорѣйшему доставленію обозовъ, а за неимѣніемъ хлѣба и сухарей, заказали болгарамъ печь хлѣбъ изъ кукурузы. Хлѣбъ пекли въ видѣ большихъ лепешекъ, которые отличались слащавымъ, непріятнымъ вкусомъ. Мы долго не могли привыкнуть къ нему, но голодъ не свой братъ,—привыкли и ѣли съ удовольствіемъ. Впрочемъ, не смотря на всѣ эти лишенія, никто не унывалъ. Мы стояли теперь вблизи непріятеля и со дня на день ожидали вступить съ нимъ въ бой.

Чтобы понять все то, что я намѣренъ описывать дальше, нужно вернуться немного назадъ и посмотрѣть, что дѣлалось вокругъ насъ, когда Гвардейскій корпусъ собирался въ Эни-Баркачъ. Мы уже знаемъ, что 30-го августа въ третій разъ пытались овладѣть Плевной. Атака не удалась и мы принуждены были, съ большими потерями, отступить на свои позиціи. Тѣмъ не

*) Въ Болгаріи, вмѣсто нашей пшеницы, сѣютъ кукурузу, или, какъ зовутъ ее въ нашихъ южныхъ губерніяхъ,—початки. Плодъ кукурузы состоитъ изъ крупныхъ зеренъ, величиной съ горошину, и сидятъ они всѣ вмѣстѣ на общемъ мясистомъ стержнѣ. Горошины эти перемалываютъ въ муку и пекутъ изъ нея хлѣбъ.

менѣе, въ настоящее время, Плевна была окружена нашими войсками съ трехъ сторонъ; четвертая еще оставалась открытою. Съ этой стороны въ Плевну шла шоссейная дорога изъ главнаго болгарскаго города, Софіи. По ней турки подвозили провіантъ и подводили свѣжія войска, а для того, чтобы наша кавалерія не мѣшала имъ это дѣлать, по всей дорогѣ, въ различныхъ мѣстахъ, были построены укрѣпленія: Дольній Дубнякъ, Горный Дубнякъ, Телишъ и др., въ которыхъ стояли войска. Наше дѣло заключалось теперь, слѣдовательно, въ томъ, чтобы запереть Плевну съ 4-й стороны, лишить ее провіанта и свѣжихъ войскъ и заставить сдаться голодомъ. Но прежде, чѣмъ сдѣлать это, мы должны были взять укрѣпленія Горнаго Дубняка и Телиша, стоявшія на шоссе и занятыя сильными отрядами войскъ. Эта трудная задача и была возложена на Гвардейскій корпусъ. Пока мы стояли въ Эни-Баркачѣ, Гвардейскій корпусъ подтягивался, запасался силами, сухарями и патронами. А главный начальникъ нашего отряда, генераль-адъютантъ Гурко, осматривалъ мѣстность и придумывалъ, какъ лучше исполнить задачу. Было рѣшено: выступить съ бивуака въ ночь съ 11-го на 12-е октября, чтобы турки не замѣтили нашего движенія. Направить гвардейскую пѣхоту, за исключеніемъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, на Горный Дубнякъ, взять его приступомъ и окружить Плевну. Для того-же, чтобы турки не мѣшали брать намъ Горный Дубнякъ, Егерскій полкъ направить на укрѣпленія Телиша, а Плевну, съ утра 12-го октября, начать усиленно бомбардировать съ трехъ сторонъ. 10-го октября на бивуакъ пріѣхалъ генераль-адъютантъ Гурко, объ-

явилъ выступленіе на слѣдующій день и, прощаясь, сказалъ:

— Итакъ, до счастливаго свиданія подъ турецкими пулями.

Наступила послѣдняя ночь передъ боемъ, ночь, въ которую не разъ приходилъ на умъ вопросъ: что-то будетъ завтра? Суждено-ли выйти невредимымъ изъ этого перваго боя, или нѣтъ? Суждено-ли когда-либо снова увидѣть дорогую родину, или навсегда остаться на чужбинѣ? Эти вопросы невольно заставляли обращаться мыслью ко всему дорожному, далекому, заставляли оглянуться на свою прошлую жизнь, вспомнить ее и съ чистымъ сердцемъ и спокойной совѣстью рѣшить побѣдить или умереть за родину и Царя.

Полночь. Бивуакъ спитъ. Лишь изрѣдка слышенъ тихій говоръ. Шаги часоваго звучно раздаются въ ночной тишинѣ, да гдѣ-то, далеко-далеко, слышенъ лай собаки или ржанье лошади. Въ сторонѣ Плевны также все тихо. Отдѣльные ружейные выстрѣлы, долетавшіе до насъ въ прежніе дни, — смолкли; наступила зловѣщая тишина, предвѣщавшая скорую бурю. Каждому изъ насъ случалось, конечно, видѣть такую тишину. Въ особенности хорошо знакомъ съ ней нашъ мужикъ-хлѣбопашецъ. Стоитъ жаркій лѣтній день. Но вотъ, солнце сѣло и только кровавые лучи его широкими полосами прорѣзываютъ небо; а съ другаго конца его ползетъ темная, свинцовая туча. Листъ не шелохнетъ. Замолкли птицы, даже неугомонныя собаки перестали лаять; а черезъ минуту, смотришь, налетѣла буря, полилъ дождь. Деревья гнутъ свои вершины чуть не до земли, кругомъ темно отъ пыли и летящихъ листьевъ. Жутко.

На душѣ становится какъ-то тяжело... Богъ знаетъ, чѣмъ кончится буря. Точно такое-же чувство испытываешь наканунѣ боя...

День 11-го октября прошелъ въ приготовленіяхъ. Укладывались, получали сухари, патроны, чистили винтовки и писали письма къ роднымъ.

Былъ часъ ночи, когда баталіонъ Его Величества, впереди всей стрѣлковой бригады, двинулся въ путь. Длинной, черной вереницей потянулись баталіонъ за баталіономъ по холмистой мѣстности, кое-гдѣ покрытой кустарникомъ. Ночь ясная, лунная. Въ строю наблюдается полная тишина; курить запрещено, а разговаривать можно только шопотомъ, чтобы преждевременно не обнаружить своего движенія непріятелю. Около 4-хъ часовъ утра, баталіонъ подошелъ къ рѣчкѣ Видь, черезъ которую нужно было переправиться въ городъ на ту сторону и за которой находились укрѣпленія Горнаго Дубняка. Перейдя рѣчку, баталіоны расположились для отдыха.

Начинало свѣтать. Свѣжій вѣтерокъ октябрьскаго утра пронизывалъ насквозь и заставлялъ плотнѣе жаться другъ къ другу растянувшихся на травѣ стрѣлковъ. Утомленные бессонной ночью и теперь согрѣвшіеся, многіе спали глубокимъ сномъ, не думая ни о чемъ; хотя въ это время непріятель находился не болѣе какъ въ 3—4 верстахъ.

Отдыхать пришлось не долго. Переодѣвшись въ мундиры и помолившись въ послѣдній разъ Богу, при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, мы двинулись въ бой. Подвигаясь баталіонными колоннами, по небольшой покатости, мы старались выйти на шоссе и ужъ от-

туда начать правильное наступленіе. Въ это время, генераль Эллісъ подозвалъ къ себѣ подпоручика Холявко и приказалъ ему, взявъ нѣсколько казаковъ, скакать на шоссе и постараться перерубить телеграфную проволоку, соединяющую Горній Дубнякъ съ Плевной, чтобы помѣшать некріятелю дать знать въ Плевну о нашемъ приближеніи. Скоро порученіе было исполнено и подпоручикъ Холявко возвратился съ кускомъ проволоки въ рукахъ.

Между тѣмъ, колонны продолжали двигаться и, дойдя до перевала, развернулись по ротно, въ двѣ линіи.

Лѣвѣе насъ, раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой; гдѣ-то слышались турецкіе рожки, трубившіе тревогу и нѣсколько пуль просвистѣло у нашихъ колоннъ. Откуда летѣли эти пули мы не могли понять, ибо не видѣли передъ собой никого.

— Вывели на стрѣльбу, а мишеней не видно, — сказалъ кто-то изъ стрѣлковъ, поднимая шлепнувшуюся о землю пулю.

Мало-по-малу, однако, передъ нами неясно начали вырисовываться турецкія укрѣпленія, и пули свистѣли все чаще и чаще. Одна изъ такихъ пуль, не смотря на громадное еще разстояніе въ 2,500 ш., ранила въ ногу стрѣлка 2-й роты. Схватившись за ногу и скорчившись, онъ со стономъ поползъ назадъ.

«Началось!» — подумали мы и какое-то странное чувство охватило насъ. Это не было чувство страха — нѣтъ! Мы такъ же бодро продолжали подвигаться впередъ, съ такимъ же любопытствомъ смотрѣли по сторонамъ, стараясь поскорѣе увидѣть непріятеля и самимъ

открыть по немъ стрѣльбу; но теперь каждый изъ насъ сознавалъ, что это не шутка и нужно быть готовымъ ко всему.

Правѣ насъ шелъ 4-й баталіонъ Императорской Фамиліи, лѣвѣ—3-й Финскій.

Мы уже ясно видѣли теперь передъ собою рядъ ложементовъ, а за ними громадный, дымящійся редуть. Ложементы были не заняты. Съ трудомъ подвигаясь по цѣпкимъ виноградникамъ и кукурузѣ, мы, наконецъ, очутились на совершенно открытой, ровной мѣстности, но стрѣлять не могли, потому что видѣли передъ собою одни черные валы редута и длинную полосу пороховаго дыма.

Вдругъ, раздался страшный трескъ и осколки турецкой гранаты, со свистомъ и визгомъ, разлетѣлись во всѣ стороны, оставивъ на землѣ выбоину и черную опаленную траву.

— Ишь, анафемы, изъ пушекъ начали по насъ стрѣлять!—сказалъ кто-то.

Но въ это время, другая граната, съ такимъ же трескомъ и визгомъ, шлепнулась о шоссе, рикошетировала и, не разорвавшись, пролетѣла надъ головами.

Свистъ пуль все учащался, но теперь не такъ былъ слышенъ за ревомъ и визгомъ гранатъ, ежеминутно рвавшихся то тамъ, то сямъ. Появились раненые, забѣгали санитары съ носилками, слышались стоны умирающихъ и все обширное пространство обратилось въ какой-то адъ. Скоро съ нашей стороны, молодецки маршъ-маршъ, вылетѣла артиллерія и начала громить залпами непріятельскій редуть. Появленіе артиллеріи значительно подбодрило стрѣлковъ и, не обра-

щая уже вниманія на свинцовый дождь, лившійся на насъ изъ редута, мы безъ выстрѣла подошли къ непріятелю шаговъ на 400 и залегли за валиками шоссе и въ оставленныхъ турецкихъ ложементахъ. Впрочемъ, закрытія эти мало спасали насъ отъ пуль, туркамъ отлично были извѣстны разстоянія до нихъ и они громили насъ залпами. Въ сторонѣ редута, обращенной къ намъ, были небольшія воротца. Въ этихъ воротцахъ, время отъ времени, показывались фигуры перебѣгающихъ турокъ, и вотъ, стрѣлки, отъ нечего дѣлать, подстерегали такихъ перебѣжчиковъ и стрѣляли по нимъ. Случалось, что мѣткая пуля попадала въ цѣль и вызывала крикъ одобренія со стороны окружавшихъ. Случалось также, что мѣткій стрѣлокъ падалъ самъ, сраженный отвѣтной пулей.

Во время этого послѣдняго передвиженія, были ранены: командиръ роты Его Величества, капитанъ Скарятинъ—въ ногу, баталіонный адъютантъ, поручикъ Савримовичъ 1-й—въ руку, и командиръ 2-й роты, поручикъ Арсеньевъ—также въ руку. Перевязавъ наскоро раненую руку, поручикъ Арсеньевъ остался въ строю и лежалъ среди кучки стрѣлковъ своей роты. Такъ какъ мѣсто было открытое, а пули и гранаты не переставали свистать и ежеминутно грозили вторичной раной командиру роты, то кто-то изъ стрѣлковъ снялъ съ себя скатанную шинель и положилъ ее, въ видѣ закрытія, передъ головой поручика Арсеньева, говоря:

— Ваше высокоблагородіе, прикройтесь шинелью, а то, того и гляди, другая ранить.

— Нѣтъ, братъ, возьми шинель, да закрой себя,

возразилъ на это поручикъ Арсеньевъ, отодвигая ее раненой рукой прочь отъ себя.

Это были послѣднія слова командира второй роты. Пуля ударила въ голову и разомъ прекратила страданія.

— Господи Боже! вырвалось невольно у окружающихъ стрѣлковъ, при видѣ бездыханнаго тѣла своего командира.

Между тѣмъ, громадныя потери, понесенныя уже баталіономъ, заставляли скорѣе идти въ атаку, и вотъ, командиръ баталіона, флигель-адъютантъ полковникъ Эбелингъ встаетъ и съ крикомъ «ура» и поднятой саблей выбѣгаетъ передъ цѣпью. Стрѣлки рванулись за нимъ. Но лишь только турки замѣтили наше движеніе, какъ тысячи пуль и ядеръ полетѣли въ нашу сторону. Почти половина бросившихся на «ура» осталась на мѣстѣ, убитыми и ранеными, и въ числѣ ихъ лежалъ съ прострѣленной ногою полковникъ Эбелингъ. Атака прекратилась. Истекавшій кровью, командиръ остался лежать на томъ же мѣстѣ и никакими силами невозможно было вынести его изъ огня на перевязочный пунктъ: санитаровъ по близости не было, а стрѣлкамъ онъ самъ не позволялъ отвлекаться отъ ихъ дѣла.

Въ такомъ положеніи оставался баталіонъ до 4-хъ часовъ, когда назначена была атака редута со всѣхъ сторонъ. Сигналомъ этой атаки долженъ былъ служить 9-й орудійный залпъ. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались къ залпамъ и считали ихъ. Прогремѣлъ первый залпъ нашей батареей. Масса земли, сора, пыли взвилась надъ редутомъ и бѣлое облачко отъ

лопнувшихъ гранатъ повисло въ воздухѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, залпъ повторился дальше, затѣмъ еще дальше... наконецъ, гдѣ-то, совсѣмъ далеко грянули орудія...—«Шестой!»—«Нѣтъ, кажется, седьмой!»—«Восьмой!»—слышится въ сторонѣ. Ясно было, что каждый считалъ залпы по своему. «Ура! ребята!» крикнулъ кто-то. Цѣпь съ страшнымъ крикомъ рванулась впередъ, пробѣжала шаговъ 100, но, не видя поддержки сосѣднихъ частей, остановилась. Редутъ дымился. Пули свистали по всѣмъ направленіямъ. Раненые и убитые валялись какъ снопы. Раздался еще залпъ. «Ура!» послышалось съ противоположной стороны и смолкло. Общая атака не удалась.

Прошелъ еще часъ. Короткій октябрьскій день клонился къ вечеру; говорятъ, генераль Турко рѣшился ужъ, съ наступленіемъ темноты, вывести войска изъ подъ огня и возобновить атаку на слѣдующій день. Къ тому же, съ минуты на минуту можно было ожидать выхода намъ въ тылъ изъ Плевны арміи Осман-паши.

Вдругъ, гдѣ-то въ отдаленіи послышалось «ура». Все громче, громче; стрѣлки подхватили его и грозной массой, съ нависшими штыками бросились къ редуту. Еще минута—и мы на краю рва его. Но въ это время непріятельскія толпы въ страшномъ безпорядкѣ и побросавъ оружіе, бросились къ намъ на встрѣчу. На валу появилось нѣсколько бѣлыхъ флажковъ, означавшихъ сдачу, а турецкіе барабанщики и горнисты немолкая били «отбой». Между тѣмъ, пальба не умолкала. Зажженные нашей артиллеріей, шалаши пылали и густые клубы черного дыма застилали редутъ. Пат-

роны и гранаты, попавшіе въ огонь, съ страшнымъ трескомъ рвались, разбрасывая искры и горячія головни. Наконецъ, общее «ура», непрерывно перекатываясь отъ полка къ полку, отъ баталіона къ баталіону, возвѣстило сдачу непріятеля.

Степнѣло. Яркое пламя пожарища освѣщало поразительную картину: плѣнный непріятель, оцѣпленный нашими войсками, уныло расположился близъ редута, среди поломаннаго оружія и труповъ. Раненые стонали и въ страшныхъ мукахъ умирали. Обезображенные трупы грудami наполняли редутъ и его рвы. Разбѣжавшіяся лошади и волы бродили среди войскъ. И надъ всѣмъ этимъ гремяло торжественное «ура» ликующаго побѣдителя. Тамъ и сямъ слышались поцѣлуи, поздравленія. Всѣ наперерывъ старались высказать ощущенія пережитаго дня и, занятые собственной побѣдой, равнодушно шагали черезъ остывшіе трупы.

Взошла луна. Разбросанныя по разнымъ мѣстамъ, части войскъ собирались и располагались на бивуакахъ. Но не успѣли мы еще придти въ себя отъ непрерывнаго, 10-ти часоваго боя, какъ вдругъ, раздался сигналъ «тревоги». Черезъ минуту всѣ горнисты и барабанщики подхватили ее и сдѣлался невообразимый шумъ и трескъ. Войско всполошилось.

— Что? Что это? слышались тревожные вопросы.

— Османъ-паша вышелъ изъ Плевны! говорили одни.

— Напали баши-бузуки и черкесы! кричали рядомъ.

— Плѣнные взбунтовались и взяли за оружіе! — рассказывали третьи.

Словомъ, слухамъ и догадкамъ не было конца; но

къ счастію нашему, замѣшательство продолжалось не долго. Оказалось, причиной тревоги были дѣйствительно баши-бузуки, бѣжавшіе изъ редута и спрятавшіеся въ лѣсу. На нихъ наткнулись наши казаки и произошла маленькая стычка, принятая ошибочно за сигналъ тревоги.

Когда все успокоилось, развели костры, и вотъ, у одного изъ такихъ костровъ, собралась небольшая кучка нашихъ офицеровъ. Изъ 12-ти человѣкъ, вышедшихъ въ бой, насъ осталось только 8. Трое перенесены на перевязочный пунктъ, четвертый погребенъ тутъ-же и впослѣдствіи тѣло его перевезено на родину, въ Царское Село.

Гвардейскому корпусу, съ перваго же раза, пришлось совершить одно изъ трудныхъ и блестящихъ дѣлъ минувшей кампаніи. Подъ Горнымъ Дубнякомъ было взято нами въ плѣнъ: 1 паша, 53 офицера, 2,335 нижнихъ чиновъ, и кромѣ того, 1 знамя, 4 орудія и огромное количество ружей и боевыхъ припасовъ.

Къ сожалѣнію, эта блестящая побѣда досталась намъ не дешево. Въ одномъ нашемъ баталіонѣ выбыло изъ строя: убитыми: 1 офицеръ, 10 нижнихъ чиновъ, ранеными: 3 офицера и 71 нижній чинъ. Весь же отрядъ, сражавшійся подъ Горнымъ Дубнякомъ, потерялъ: генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ 107; нижнихъ чиновъ 3,195 человѣкъ.

За то, Плевна была теперь окружена со всѣхъ сторонъ.

II.

Утро послѣ боя. — Извѣстія о сраженіи у Телиша. — Взятіе Телиша артиллеріей 16-го октября. — Движеніе къ Дольнему Дубняку. — Занятіе его. — Смерть полковника Эбелинга. — Пріѣздъ Государя Императора. — Препровожденіе времени у Дольняго Дубняка. — Дальнѣйшее движеніе по софійскому шоссе. — Обходное движеніе Правецкихъ войскъ. — Бой подъ Правцемъ 11-го ноября 1877 года.

Чуть брежжитъ свѣтъ. Черныя кучки солдатъ, пріютившихся у догорающихъ костровъ, начинаютъ шевелиться. Наступающій день все болѣе и болѣе освѣщаетъ мѣсто кроваваго побоища. Не убранные, за темнотой, трупы, валяются вокругъ, то — поодиночкѣ, то — кучами; и жалко, и жутко, и плакать хочется, глядя на это поле смерти, на этихъ боевыхъ товарищей, — вчера еще сильныхъ и здоровыхъ.

«Не много повоевали, ну, да за то, славы много и отъ Бога прощенье», — разсуждаетъ стрѣлокъ, стоя надъ грудой убитыхъ и уже окоченѣвшихъ товарищей.

— Что нюни-то развѣсилъ! Отъ смерти не убѣжишь; и на печи лежа умираютъ, а тутъ, по крайности, за Вѣру Православную, да за Царя-Батюшку пострадали! — слышенъ голосъ ротнаго шутника и балагура, никогда не унывающего и всегда готоваго разсмѣшить товарищей, въ самую трудную минуту.

Теперь, однако, было не до смѣха. Всѣ согласились, что если умирать, такъ ужъ лучше умирать на полѣ битвы, чѣмъ на печкѣ, и разговоръ прекратился. Видно было, что каждый думалъ свою думу, или же былъ занятъ воспоминаніями минувшаго дня.

Между тѣмъ, ночью, приходившія извѣстія изъ Телиша, были далеко неутѣшительны. Лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, посланный туда, какъ мы знаемъ, задержать непріятеля и не дать ему возможности помѣшать намъ биться подъ Горнымъ Дубнякомъ, принужденъ былъ отступить, потерявъ убитыми и ранеными 907 нижнихъ чиновъ и 29 офицеровъ. Но и отступая, егеря не забыли своей главной обязанности и геройски удерживали шеститысячный отрядъ непріятеля, старавшійся прорваться и зайти намъ въ тылъ.

Покончивъ съ Горнымъ Дубнякомъ и расположившись около него, мы очутились, такъ сказать, между двухъ огней: впереди—Плевна, сзади—Телишъ. Узнавши о взятіи Дубняка, Османъ-паша ежеминутно могъ выйти изъ Плевны, а турецкія войска, расположенныя въ Телишѣ, — напереть сзади и мы оказались бы въ прескверномъ положеніи. Поэтому, первымъ дѣломъ начальника отряда, генералъ-адъютанта Гурко, было — укрѣпить позицію къ сторонѣ Плевны, а къ Телишу прибавить войска и ожидать, что будетъ.

Поднялась усиленная работа. Саперы строили батареи, войска рыли траншеи, ровики для стрѣлковъ и, въ нѣсколько часовъ, позиція наша покрылась рядомъ сильныхъ укрѣпленій.

— Ну, теперь пусть Османъ-паша попробуетъ вылѣзть на насъ!—думали мы, лежа за земляными насыпями и съ любопытствомъ всматриваясь въ даль. А тамъ, вдали, гарцуетъ наша кавалерія съ конной артиллеріей и изрѣдка стрѣляетъ по комъ-то.

Прошелъ часъ, два, а дѣло остается все въ томъ же положеніи: турокъ не только не видно, но даже

и не слышно. Простоявъ еще нѣсколько часовъ въ напрасныхъ ожиданіяхъ, мы перешли на другое мѣсто и стали бивуакомъ, но палатокъ намъ разбить не позволили. Нѣсколько человѣкъ отъ баталіона были назначены для уборки и погребенія убитыхъ. Къ вечеру, 10 стрѣлковъ, подобранныхъ въ различныхъ мѣстахъ, были снесены къ выбранному заранѣ удобному мѣсту и баталіонный священникъ, отслуживъ панихиду и отпѣваніе, приказалъ опустить тѣла ихъ въ общую, братскую могилу. Застучали лопаты; тяжелыя комья земли съ шумомъ посыпались въ глубокую яму и скоро, на мѣстѣ, прежде ровномъ, образовался небольшой курганчикъ свѣжаго чернозема. Стрѣлки набожно перекрестились и молча побрели къ бивуаку.

Миръ вамъ, на брани убіеннымъ, животъ свой за Царя и Отечество положившимъ! Спите спокойно на чужбинѣ! Пройдутъ года, насыпанный курганчикъ сравняется, а память о васъ и вашихъ подвигахъ навсегда останется въ сердцахъ русскаго народа!

Тѣла убитаго непріятеля убирались плѣнными, и какая громадная разница была между ихъ и нашимъ отношеніемъ къ убитымъ товарищамъ! Въ то время, какъ мы чуть не каждаго оплакивали и вспоминали все его прошедшее, турки, безъ церемоніи, связывали за ноги нѣсколькихъ и волокли ихъ къ ямѣ; яму засыпали слегка землей и брались за слѣдующихъ.

Наступила ночь и утро слѣдующаго дня, а то же неопредѣленное положеніе продолжается. Въ зависимости отъ получающихся изъ Плевны извѣстій, насъ переводили съ бивуака на бивуакъ, съ мѣста на мѣсто; но Османъ, по прежнему, продолжалъ сидѣть

и ничто не показывало, чтобъ онъ рѣшился выйти изъ своихъ укрѣпленій и помѣриться съ нами силами въ открытомъ полѣ. Давно извѣстно, что турокъ храбръ только за закрытіемъ. «Прикрой его листомъ бумаги и онъ будетъ драться, какъ левъ!» сказалъ когда-то великій полководецъ. Это свойство было хорошо извѣстно нашимъ начальникамъ, уже имѣвшимъ съ нимъ дѣло, а потому никто особенно и не тревожился, и если принимались мѣры, то только на всякій случай.

Совсѣмъ другое дѣло было—Телишъ. Мы не могли быть спокойны, пока у насъ въ тылу находился непріятель. Нужно было, во что бы то ни стало, покончить съ нимъ. И вотъ, съ этою цѣлью, на 16-е число была назначена бомбардировка его со всѣхъ сторонъ и почти всѣми, имѣющимися у насъ, орудіями. Пѣхота должна была только прикрывать ихъ, но въ огонь не входить и въ дѣло не ввязываться.

Наступило 16-е число. Уже болѣе двухъ часовъ, не переставая, гремятъ орудія; но, ободренный неудачей егерей 12-го октября, непріятель крѣпко сидитъ за громадными валами и, повидимому, не рассчитываетъ дешево отдать себя. Хотя Телиша отъ насъ не видно, но мы можемъ судить о ходѣ дѣла по долетающимъ до насъ залпамъ и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваемся къ нимъ. Бомбардировка то умолкаетъ, то снова разгорается съ бѣльшей силой.

Начинало смеркаться. Толпившіеся на шоссе, стрѣлки внимательно всматривались въ наступающую темноту, стараясь не пропустить никого, кто бы могъ сообщить что-либо новенькаго. Наконецъ, вдали показалось небольшое облако пыли и съ каждой минутой приближается къ

намъ. Ясно — кто-то скачетъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько секундъ, взмыленная лошадь донскаго казака на всемъ скаку остановилась передъ нами.

— Телишъ сдался! крикнулъ измученный и запыленный казакъ, лихо соскочивъ съ лошади среди обступившей его любопытной толпы.

«Ура» грянуло въ отвѣтъ на это извѣстіе и радостная вѣсть быстро облетѣла бивуаки.

Радость наша продолжалась, однако, не долго и скоро замѣнилась злобой и желаніемъ отомстить, во что бы то ни стало, свирѣпому непріятелю, наругавшемуся самымъ дикимъ образомъ надъ ранеными егерями. Изъ рассказовъ бывшихъ въ редутѣ, послѣ его взятія, мы узнали самыя возмутительныя, невѣроятныя вещи. Лишь только, 12-го октября, егеря, уступая дружному напору шести-тысячнаго непріятеля, начали отступать, турецкіе черкесы и баши-бузуки*) вышли изъ укрѣпленія и начали добивать раненыхъ. Теперь тѣла этихъ героев-мучениковъ валялись въ редутѣ и около его, съ отрубленными головами, руками и ногами. На груди и на спинахъ были вырѣзаны, въ видѣ креста, цѣлыя куски мяса, а у нѣкоторыхъ, кромѣ того, все тѣло было обожжено и почернѣло. Страшно смотрѣть было на груды изуродованныхъ, полураздѣтыхъ тѣлъ и еще страшнѣе сознавать, что все это продѣлывалось надъ полуживыми православными воинами!...

— Не пройдетъ вамъ это даромъ, окаянныя бусурманы! — слышалось повсюду въ кучкахъ, толпившихся вокругъ рассказчиковъ, солдатъ.

*) Черкесами и баши-бузуками называется турецкая конница, въ родѣ нашихъ казаковъ.

И страшной злобой и желаньем отомстить, блещутъ глаза слушателей. Кажется, взялъ бы сейчасъ, да всѣхъ, забранныхъ въ Телишѣ, и сжегъ бы живьемъ. Но нѣтъ; русскій человѣкъ не таковъ, — онъ не можетъ

Полковникъ Эбелингъ,

умершій отъ раны, полученной въ дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ,
17-го октября 1877 года.

мучить беззащитныхъ и первый простираетъ руку помощи своимъ мучителямъ. Онъ не злобенъ, не мстительнъ. Онъ христіанинъ и твердо помнитъ заповѣдь Христа — платить добромъ за зло.

Уничтоживъ Телишъ, мы уже могли не бояться за свой тылъ и все вниманіе обратить на Плевну. Мало-по-малу, все ближе подвигались мы къ ней и все крѣпче затягивали живое кольцо. Для окончательнаго же обложенія, оставалось взять еще укрѣпленія Дольнаго Дубняка. Названныя укрѣпленія стояли также на софійскомъ шоссе и запирали входъ въ Плевну съ нашей стороны. Въ настоящее время передъ ними стояла кавалерія, а вскорѣ должны были двинуться и мы.

За два дня до прибытія къ Дольному Дубняку, баталіонъ получилъ грустное извѣстіе о смерти своего командира. Раненый подъ Горнымъ Дубнякомъ, полковникъ Эбелингъ, нѣсколько дней находился въ походномъ госпиталѣ и боролся между жизнью и смертью. Первоначальная рана была не смертельна, но такъ какъ ему пришлось пролежать почти 10 часовъ безъ перевязки и потерять много крови, то болѣзнь съ каждымъ днемъ усиливалась, и наконецъ, пришлось отрѣзать ногу. Но уже было поздно, и на другой день, т. е. 17-го октября, онъ умеръ. Пока приготовляли гробъ и отдавали послѣднюю почесть умершему, баталіонъ, вмѣстѣ со всей стрѣлковой бригадой и другими войсками, пододвинулся къ Дольному Дубняку и, 19-го октября, снова очутился лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Три сильныхъ редута виднѣлись вдаль, а въ сторонѣ, за горой, расположилась болгарская деревушка Дольній Дубнякъ, и синее облако дыма, повисшее надъ деревней, ясно означало непріятельскій лагерь.

Первымъ дѣломъ, по приходѣ на новыя мѣста, было окопаться и выставить сильную аванпостную

цѣпь. Но такъ какъ разстояніе до непріятеля было слишкомъ мало и мы могли нести напрасныя потери отъ его ружейнаго и артиллерійскаго огня, то смѣна цѣпи производилась до свѣта. На другой же день, по прибытіи, пришла наша очередь занимать траншеи, и вотъ, въ 4 часа утра, при полной темнотѣ, баталіонъ выступилъ съ бивуака. Накрапывалъ дождикъ. Холодный вѣтеръ пронизывалъ насквозь, а, сгущавшійся все болѣе и болѣе туманъ, заставлялъ двигаться, по незнакомой мѣстности, съ крайней осторожностью, — чуть не ощупью. Добравшись, наконецъ, до траншей, мы заняли ихъ благополучно и стали прислушиваться ко всему, что происходитъ у непріятеля. Но тамъ все тихо. Ни единымъ выстрѣломъ не потревожилъ онъ насъ въ продолженіе всего утра; а съ разсвѣтомъ, наши батареи открыли пальбу по редутамъ. Непріятель все-таки упорно молчалъ и, видимо, старался не обращать вниманія ни на насъ, ни на нашу стрѣльбу; и еслибъ не вчерашніе, бивуачные дымки, да изрѣдка долетавшіе до насъ звуки турецкихъ сигналовъ и какой-то неопредѣленный шумъ, то мы могли бы предположить, что редуты очищены и турки убрались по добру, по здорову, въ Плевну.

Въ то время, какъ мы дѣлали такія предположенія и не знали чѣмъ объяснить молчаніе непріятеля, вдругъ, раздался выстрѣлъ и густой клубъ дыма, на время, затянулъ одинъ изъ редутовъ.

— Одумались! видно плохо сидѣть, да молчать, — заговорили стрѣлки.

— Теперь пойдетъ палить изъ всѣхъ, а потомъ и за ружья возьмется.

Однако, ожидали мы напрасно начала дѣла, напрасно встрепенулись, схватились за ружья и приготовились, или защищаться, или перейти въ наступленіе. Это былъ первый и послѣдній выстрѣлъ во весь день; дымъ разсѣялся и снова настала мертвая тишина.

Къ несчастію, этотъ единственный выстрѣлъ не прошелъ для насъ даромъ: граната упала на батарею и оторвала обѣ ноги бывшему тамъ артиллерійскому офицеру.

— Кому на роду написано жить, тотъ и будетъ жить, хоть залпами по немъ пали, а кому умереть, — того и шальная пуля уложить. Къ примѣру возьмемъ хоть стрѣлка 2-й роты: не успѣлъ показаться, а ужъ какая-то дура ногу перешибла, а вотъ, около меня, подъ Дубнякомъ, троихъ убило, а я, милостію Божіею, живъ и невредимъ. На все Его святая воля! — закончилъ старый туркестанецъ, призванный на войну изъ запаса и не разъ уже нюхавшій порохъ въ битвахъ съ азіатами.

— Вѣрно, старина, «чему быть — того не миновать!» подтвердили стрѣлки.

Простоявъ, такимъ образомъ, еще полночи, мы, въ 4 часа утра, 21-го, были смѣнены лейбъ-гвардіи 2-мъ Стрѣлковымъ Баталіономъ и тѣмъ же путемъ отправились на бивуакъ. Почистились, замѣнили, по возможности, промокшую одежду и расположились на отдыхъ. Многіе спали уже крѣпчайшимъ сномъ, когда изъ 2-го баталіона прискакалъ ординарецъ и объявилъ, что редуты очищены турками и что командиръ баталіона послалъ уже туда, для развѣдки, охотниковъ. Такое неожиданное извѣстіе заставило нашъ баталіонъ

тотчасъ же стать въ ружье и направиться къ аванпостной цѣпи, гдѣ и ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Между тѣмъ, охотники старательно осматривали редуты и прилежащія окрестности. Опасались, что турки, оставляя ихъ, заложили мины *), чтобы взорвать насъ на воздухъ. Но, видно, имъ было не до того; и скоро войска потянулись къ редутамъ. Часть войска заняла редуты, а остальные расположились бивуакомъ около деревни Дольній Дубнякъ. Запылали костры, задвигались всевозможныя команды съ дровами, съ водой, и, еще недавно мертвая, мѣстность—ожила. Теперь мы стояли у самой Плевны. Впереди, верстахъ въ двухъ, протекала рѣка Видъ, а за нею возвышались крутые и обрывистые холмы, такъ называемыхъ, «плевненскихъ высотъ».

Не мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы, въ первый разъ, слышали свистъ турецкихъ пуль, а много дѣлъ было уже сдѣлано Гвардейскимъ корпусомъ. Въ какихъ-нибудь девять дней уничтожены были: Телишъ, Горный и Дольній Дубняки; взято въ плѣнъ около 7,000 непріятеля, а вся сорока-тысячная армія Османа-паши поставлена въ самое безвыходное положеніе—или сдаваться, или умереть съ голода.

*) Миной называется большой зарядъ пороха, зарытый секретно въ землю и взрываемый, помощью длиннаго фитиля, въ то время, когда непріятельскія колонны подойдутъ къ мѣсту, подъ которымъ лежитъ этотъ зарядъ. Употребляются мины на войнѣ, большею частью, при оборонѣ, или отступленіи. Обороняющійся закладываетъ мину впереди обороняемаго мѣста, чтобы помѣшать наступленію непріятеля. Отступающій же закладываетъ ее на оставляемыхъ мѣстахъ, чтобы задержать преслѣдованіе.

Радостно забились сердца, когда по бивуаку пролетѣла вѣсть, что на позицію приѣдетъ Государь Императоръ, чтобы лично взглянуть на свою гвардію и на тѣ мѣста, на которыхъ она славно сражалась. «Оправдали надежду Царя, есть чѣмъ похвалиться, заслужили Его Царское спасибо», — думали мы, поспѣшная на сборное мѣсто, куда со всѣхъ сторонъ стекались уже грозныя массы Гвардейскаго корпуса. Стрѣлки стояли впереди всѣхъ и первые привѣтствовали Государя дружнымъ, долго несмолкавшимъ «ура». Шагомъ объѣзжалъ Государь выровненные ряды, останавливался и внимательно разспрашивалъ Своихъ стрѣлковъ о дѣлѣ подъ Горнымъ Дубнякомъ; рассказывалъ намъ о видѣнныхъ Имъ въ госпиталяхъ нашихъ раненыхъ офицерахъ и стрѣлкахъ. Пожелалъ намъ поменьше потерь въ слѣдующихъ дѣлахъ и шагомъ же направился далѣе, по линіи полковъ. «Ура», «ура» нескончаемое несло въ слѣдъ за обожаемымъ Монархомъ, смѣшиваясь съ дробью барабановъ и съ протяжными, за душу хватающими, звуками русскаго народнаго гимна: «Боже, Царя Храни».

Когда, затѣмъ, около 4-хъ часовъ, подали коляску, то Государь Императоръ, обратившись къ генералу Гурко и поцѣловавъ его, сказалъ: «Надѣюсь, ты остался доволенъ Моей старой командой? Награждаю тебя саблей, украшенной алмазами, которую ты вполне заслужилъ». Такая высокая награда главному распорядителю дѣла была, конечно, наградой и всѣмъ исполнителямъ его, а милостивый приѣздъ Государя и Его отеческая заботливость о Своей «старой командѣ», — какъ любилъ Государь называть гвардію, — обрадовали и ободрили

войска на дальнѣйшіе подвиги. Съ музыкой и пѣснями расходились они по бивуакамъ и долго не переставали говорить о всемъ видѣнномъ и слышанномъ.

Затѣмъ, дни потекли за днями скучно и однообразно. Османъ-паша, по прежнему, продолжалъ сидѣть въ своихъ укрѣпленіяхъ и, повидимому, не думалъ голодать и сдаваться. Въ подзорныя трубы отъ насъ хорошо видны были стада барановъ и воловъ, пасущіяся въ окрестностяхъ Плевны, а перебѣгающіе оттуда болгары говорятъ, что тамъ еще всего довольно: и хлѣба, и мяса, и боевыхъ припасовъ. Эти извѣстія заставили насъ, на время, забыть о войнѣ; мы зажили мирною, лагерною жизнью, а чтобы не терять напрасно дорогого времени и приготовиться къ дальнѣйшимъ походамъ и боямъ, мы, до обѣда и послѣ обѣда, производили занятія.

Побывавъ разъ подъ турецкимъ огнемъ, мы уже достаточно узнали ихъ снаровки и обычаи. Узнали, напримѣръ, что у турокъ громадное количество патроновъ, и что, благодаря этому, они нисколько не берегутъ ихъ и стрѣляютъ зря, не цѣлясь, что начинаютъ стрѣльбу они съ самыхъ дальнихъ разстояній и въ продолженіе всего боя не перестаютъ трещать ни на минуту, ободряя себя этой трескатнею и замѣняя ею мѣткость стрѣльбы. Шальные пули летятъ тучей и убиваютъ. Но такъ какъ мы не могли имѣть такого же количества патроновъ, потому что находились въ постоянномъ движеніи, а турки сидѣли на мѣстѣ, то намъ и нужно было количество выстрѣловъ замѣнить качествомъ стрѣльбы, т. е. мѣткостью. Чтобы уберечься отъ шальныхъ пуль, нужно было учиться на-

ступать не колоннами, а цѣнями, передвигаться съ мѣста на мѣсто не шагомъ, а бѣгомъ. И вотъ, все это мы ежедневно продѣлывали около оставленныхъ редутовъ. Наступали, бросались въ штыки, прыгали во рвы, карабкались на насыпи и вообще продѣлывали все то, что можетъ встрѣтиться въ дѣйствительномъ бою.

По вечерамъ, обыкновенно, играла музыка, пѣли пѣсенники, судили и рядили о томъ, куда и когда пойдемъ. Достовернаго, однако, ничего не было. Разнесется какой-нибудь слухъ, подхватятъ его, потолкуютъ, потолкуютъ, да на томъ и кончатъ. Но вотъ, слухи начали повторяться все чаще и чаще, съ большей настойчивостью и опредѣленностью. Самые невѣрующіе начали думать, что «нѣтъ дыма безъ огня» и, вѣротно, что-нибудь дѣйствительно затѣвается. Поговаривали, что насъ, около Плевны, замѣняютъ Гренадеры, а мы пойдемъ дальше, по софійскому шоссе, искать непріателя.

Въ такое хлопотливое время, баталіонъ принялъ флигель-адъютантъ, полковникъ Васмундтъ, сражавшійся ранѣе въ Рущукскомъ отрядѣ, георгіевскій кавалеръ, храбрый и распорядительный; онъ быстро закончилъ приготовленія къ походу и баталіонъ сталъ терпѣливо ожидать дня выступленія.

Но, прежде чѣмъ начать описаніе дальнѣйшаго движенія, я скажу нѣсколько словъ о той дорогѣ и тѣхъ мѣстахъ, по которымъ пришлось намъ потомъ бродить долгое и долгое время.

Отъ Плевны до главнаго болгарскаго города Софіи считается 160 верстъ. Города эти, какъ я уже гово-

рилъ, соединены между собой хорошей шоссейной дорогой. Дорога идетъ сначала по ровному мѣсту, но верстахъ въ 60-ти отъ Плевны упирается въ громадныя горы, называемыя Балканами. По слухамъ, городъ Софія и горы эти, къ концу октября, были заняты сильными отрядами непріятельскихъ войскъ. Слѣдовательно, чтобы попасть въ г. Софію, нужно было разбить непріятеля, засѣвшего въ горахъ, перейти эти горы, считавшіяся до сего времени непроходимыми, и преслѣдовать, или окончательно разсѣять турецкую армію. Путь, какъ видимъ, предстоялъ далекій и трудный. Приходилось познакомиться съ горами, о которыхъ мы, степняки, жители Россіи, не имѣли ни малѣйшаго понятія. Нужно было не зѣвать—сухари и патроны сберегать, потому что въ горахъ съ обозами не очень-то повернешься:—что есть на себѣ, то и ладно.

Раннимъ утромъ, 2-го ноября, баталіонъ, получивъ на 13 дней сухарей и по 90 патроновъ на человѣка, стоялъ уже готовымъ къ выступленію, среди разбросанной соломы и тлѣющихъ костровъ покинутого bivvaka. Какъ ни рвались мы впередъ, а все-же жаль было оставлять насиженное мѣстечко, гдѣ, не много, не мало, простояли около 2-хъ недѣль, въ мирѣ и спокойствіи. Извѣстно, что человѣкъ скоро привыкаетъ къ мѣсту и какъ бы гадко оно ни было, онъ все-таки съ неохотой мѣняетъ его на лучшее, но неизвѣстное. Вотъ и теперь, что за жизнь была подъ Дольнимъ Дубнякомъ: война—не война, миръ—не миръ, сидишь у моря, да ждешь погоды, а все же жаль и грустно... Прощай Плевна! Съ Богомъ, въ дорогу!» и, набожно перекрестившись, стрѣлковые баталіоны двинулись по шоссе.

Прежде всего, что предстояло увидѣть намъ на этомъ знаменитомъ шоссе—это давно знакомыя мѣста Горнаго Дубняка и Телиша. Проходя ихъ, мы еще разъ вспомнили дни первыхъ битвъ и павшихъ здѣсь товарищей. Миръ и полная тишина вокругъ! Тамъ и сямъ, по сторонамъ дороги, виднѣются громадныя бѣлые кресты братскихъ могилъ и невольно заставляютъ снять шапку, перекреститься и мысленно прочитать молитву. Скоро баталіонъ миновалъ то мѣсто, на которомъ лежалъ въ достопамятный день, и началъ подходить къ редуту. Смраднымъ воздухомъ потянуло оттуда и какая печальная картина представилась нашимъ глазамъ: кучи разнаго грязнаго хлама, поломанное оружіе, трупы палыхъ животныхъ; кое-гдѣ, изъ подъ тонкаго слоя земли, торчатъ человѣческія руки, ноги, а между всѣмъ этимъ бродятъ стаи одичалыхъ собакъ, отрывая и обгладывая трупы храбрыхъ защитниковъ! Испуганные нашимъ приближеніемъ, вороны, съ страшнымъ карканьемъ и хлопаньемъ крыльевъ, тучей поднялись надъ редутомъ, собаки на минуту оставили свою добычу и злобно посматривали на насъ. Баталіонъ продолжаетъ идти, не останавливаясь ни на минуту, и на всегда оставляетъ позади эти мѣста. Встревоженные ихъ видомъ, воспоминанія мало по малу улегаются и уже бодро и весело шагаешь впередъ, думая только о томъ, какъ бы поскорѣе добраться до бивуака.

Переходы были небольшіе и, благодаря прохладной погодѣ, хорошей дорогѣ и, наконецъ, ожиданію вотъ-вотъ увидѣть Балканскія горы, проходили незамѣтно. При каждой остановкѣ на ночлегъ, первымъ дѣломъ, наряжались рабочіе для постройки укрѣпленій на слу-

чай появленія непріятели. Затѣмъ осматривали людей и, если оказывались слабые, или больные, то тутъ же оставлялись, чтобы не мѣшать безостановочному движенію. На первомъ ночлегѣ, въ дер. Радомирцахъ, приказано было устроить хлѣбопекарныя печи и оставить обозы. Вдали неясно начинали уже вырисовываться громадныя горы. Точно черныя тучи расплзлись онѣ по небу вправо и влѣво и нашему непривычному глазу трудно вѣрилось, что это дѣйствительно горы, а не тучи. Запасшись, въ Радомирцахъ, изъ обозовъ всѣмъ необходимымъ, двинулись далѣе. Дорога то поднимается съ горки на горку, то—вьется змѣей, прорѣзывая дубовыя рощи, пересѣкая небольшія рѣчки и чѣмъ дальше движемся мы, тѣмъ круче и круче дѣлаются подъемы и спуски. Переночевавъ на пути еще разъ, оставивъ опять оказавшихся слабыхъ, двинулись къ дер. Яблоницѣ. Деревня эта лежала уже въ горахъ, на днѣ глубокой, роскошной долины. Здѣсь мы должны были простоять нѣсколько времени, такъ какъ стало извѣстно, что въ недалекомъ разстояніи находятся турки. Бивуакъ выбрали великолѣпный: въ дубовой рощѣ, дровъ и воды много,—а это главное, что нужно солдату на бивуакѣ. Хорошій костеръ, чтобы погрѣться и поболтать съ собравшимися вокругъ товарищами, свѣжая вода, чтобы было въ чемъ заварить чай, да сухарь въ карманѣ—и веселье и счастливъ солдатъ, и шутки и смѣхъ не умолкаютъ. Вдобавокъ, тотчасъ по приходѣ, было приказано строить шалаши. Закипѣла работа. Пошли въ ходъ тесаки, топоры—и мигомъ воздвигли рядъ удобныхъ шалашей и землянокъ, а вечеромъ уже кучи стрѣлковъ толпились вокругъ костровъ. Яркое

пламя освѣщало пожелтѣвшій дубнякъ и лица, поющихъ пѣсни, стрѣлковъ.

— Давно не было такого бивака. То-то жизнь—умирать не надо: и тепло, и свѣтло, и сытно. Постоявши на такомъ бивакѣ, не грѣхъ и повоевать! — шутили стрѣлки.

А на другой день, неожиданно, явилась новая благодать: отправленные за поисками мяса, фуражиры пригнали цѣлое стадо барановъ, заплативъ по 20 коп. за штуку. Раздѣлили барановъ по ротамъ, роздали каждому человѣку фунта по два, а то и больше, и закипѣли солдатскіе котелки.

— Хорошая страна, эта самая Турція, что дальше идешь, то лучше. Не даромъ стоять они за нее такъ и братушкамъ *) не отдаютъ.

Дѣйствительно, не смотря на позднее, осеннее время, кругомъ замѣчалось полное благосостояніе и даже война не много нарушила его. Земли въ этой благодатной странѣ много, лѣсовъ также, по лугамъ и откосамъ горъ пасутся громадныя стада барановъ; а ужъ какъ красиво, какъ уютно расположились маленькія деревушки среди этой роскошной мѣстности!

Такимъ образомъ, въ полномъ довольствѣ простояли мы у деревни Яблоницы почти недѣлю. По полученнымъ за это время свѣдѣніямъ о непріятелѣ, было достовѣрно извѣстно, что онъ занимаетъ горы по обѣ стороны софійской дороги, настроилъ множество укрѣпленій и приготовился встрѣтить насъ. Извѣстно стало

*) Братушкой солдаты называли болгаръ и вообще мѣстныхъ жителей.

также, что горы эти очень круты, каменисты и что взять приступомъ устроенныя на нихъ укрѣпленія почти нѣтъ никакой возможности. Между тѣмъ, дороги другой на Софію не было, и мы, волей-неволей, должны были столкнуться съ непріятелемъ именно въ этомъ мѣстѣ и, во что бы то ни стало, пробиться. Задача предстояла трудная, и если-бы мы стали брать эти горы со стороны шоссе, то, вѣроятно не мало-бы положили народу. Поэтому, начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ Гурко рѣшилъ устроить иначе: раздѣлить Гвардейскій корпусъ на два отряда. Одинъ отрядъ послать прямо по шоссе, на фронтъ непріятельскихъ укрѣпленій, другой — черезъ горы, тропинками, во флангъ и тылъ этихъ укрѣпленій. Первому отряду, подъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-маіора Элліса 1-го, приказано угрожать непріятелю атакой и стараться привлечь на себя все его вниманіе; въ это время, второму отряду, подъ начальствомъ генерала Рауха, — неожиданно появиться на флангъ турокъ и стремительно атаковать ихъ.

Вамъ, военные читатели, конечно извѣстно, что такое укрѣпленіе, но, можетъ быть, неизвѣстно, какія они бываютъ и какъ ихъ легче брать. Поэтому, я скажу о нихъ нѣсколько словъ. Есть укрѣпленія, обнесенныя со всѣхъ сторонъ землянымъ валомъ — это *редуты* (напримѣръ въ Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ) и брать ихъ одинаково трудно съ какой угодно стороны, потому что вездѣ натыкаешься на непріятеля прикрытаго. Есть укрѣпленія, обнесенныя землянымъ валомъ только съ трехъ, съ двухъ и наконецъ съ одной стороны: это *люнеты, батареи, ложементы и ровики* для

стрѣлковъ. Эти укрѣпленія легче всего взять, конечно, съ открытой, не защищенной стороны, но для этого нужно зайти имъ во флангъ, или тылъ. Такого именно вида были построены турками укрѣпленія и на Правецкихъ горахъ. Отряду генерала Рауха предстояло зайти имъ во флангъ и тылъ и тѣмъ заставить сдаться. Трудность этого заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, что отряду приходилось идти по дикимъ не извѣстнымъ горамъ, безъ всякой дороги, да еще везти съ собою артиллерію. Чѣмъ труднѣе, тѣмъ конечно, славнѣе исполненіе дѣла. И нашъ баталіонъ былъ счастливъ, что попалъ въ этотъ отрядъ. Кромѣ насъ въ отрядѣ были: 4-й Стрѣлковый Императорской Фамиліи баталіонъ, лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, команда Гвардейскихъ саперъ, 2 орудія Донской № 8-й батареи и 2 конно-горныхъ, легкихъ орудія (всего 6 баталіоновъ, 4 орудія и нѣсколько казаковъ).

Наканунѣ выступленія, вечеромъ, огромный костеръ освѣтилъ живописную лѣсную поляну. Почти весь баталіонъ собрался вокругъ него и любовался прекраснымъ зрѣлищемъ. Огненный языкъ высоко поднимался къ небу и тысячами искръ разлетался въ ночной темнотѣ. Сухія дрова весело трещали, а межъ собравшимися и задумчиво устремившими взоры въ костеръ и въ черную даль лѣсной чащи, слышенъ былъ говоръ и тихое пѣніе.

— Вотъ, братцы, опять въ путь-дороженьку снаряжаемся. А то совсѣмъ залежались, да баранины объѣлись. Послѣдній разъ хоть хорошенько поспать въ шалахахъ, а то, сильно въ горахъ—то холодно,—слышится въ одномъ мѣстѣ.

Въ другомъ ---небольшая кучка стрѣлковъ, въ полголоса распѣваетъ боевую пѣсню:

„Быль у меня товарищъ,

Ну, словно, братъ родной.

Ударили тревогу и дружнымъ шагомъ, въ ногу,

Пошли мы въ ратный бой.

„Вдругъ, свистнуло картечью:

Кого изъ насъ двоихъ?...

Меня промчалась мимо, а онъ-то, мой родимый,—

Въ крови у ногъ моихъ...

„Подать мнѣ хочетъ руку, —

Нельзя, — кладу зарядъ.

Въ томъ свѣтѣ, братъ, сочтемся, и тамъ, когда сойдемся,

То будь мнѣ вѣрный братъ!“

Въ исходѣ второго часа, 9-го ноября, нашъ баталіонъ, захвативъ съ собою по два фунта мяса, на десять дней сухарей и по 90 патроновъ, во главѣ всего отряда двинулся въ путь. Запасные патроны, сухари и спиртъ слѣдовали за баталіономъ на выюкахъ. Скоро отрядъ вышелъ на шоссе и длинной кишкой потянулся къ деревнѣ Видраръ. Это было предварительное передвиженіе, никакихъ трудностей не представлявшее, такъ что къ шести часамъ вечера отрядъ весь втянулся въ крошечную болгарскую деревушку и расположился для временнаго отдыха. Въ восемь часовъ вечера раздалась команда: «въ ружье» и вслѣдъ за этимъ, баталіонъ, съ санерами и рабочими впереди, двинулся къ ущелью. Съ первыхъ-же шаговъ дороги никакой не оказалось. Чуть замѣтная тропа вилась среди камней, рывинъ и водомоинъ, то исчезая, то

снова появляясь. Баталіонъ растянулся гуськомъ и медленно, шагъ за шагомъ, подвигался вслѣдъ за рабочими. Стукъ топоровъ, кирокъ и мотыгъ звонко раздавался въ вечерней тишинѣ, но дѣло подвигалось крайне тихо и скоро стало ясно, что если мы будемъ ожидать разработки дороги, то не скоро еще дойдемъ до цѣли. Поэтому, было рѣшено—нашъ баталіонъ двинуть впередъ, не ожидая рабочихъ, а Семеновскому полку, съ орудіями, подвигаться по мѣрѣ разработки дороги. Дѣло пошло скорѣй. Черная лента движущихся стрѣлковъ, то спускавшихся въ овраги, то карабкавшихся на кручи каменистыхъ утесовъ, безконечно тянулась за проводникомъ-болгариномъ. Луна, изрѣдко появляющаяся изъ за облаковъ, тускло освѣщаетъ путь и незнакомую мѣстность, по которой и днемъ съ трудомъ можетъ пройти человѣкъ. На каждомъ шагу выступаютъ все новыя и новыя препятствія: то камень громадный, Богъ вѣсть почему, выпятился изъ скалы и повисъ надъ бездной, то вдругъ оборвалась тропинка и подъ ногами, внезапно, открылась бездонная пропасть, а въ глубинѣ ея, ни на минуту не умолкая, однообразно журчитъ ручеекъ. Уже нѣсколько часовъ безостановочно, при полномъ безмолвіи и съ крайней осторожностью, двигаемся мы по этимъ козымъ тропинкамъ. Проводникъ-братушка увѣряетъ, что скоро должна показаться деревушка, и дѣйствительно, спустившись еще разъ на дно глубокаго оврага, окунувшись по колѣно въ холодную воду горнаго ручья, мы съ трудомъ различили что-то похожее на строенія. Оказалось, что это деревня Калугерово. Баталіонъ вошелъ въ нее около часа ночи, сталъ бивуакомъ у выхода и выставилъ

на аванпосты 2-ю роту. Остальные части отряда еще не прибывали и не было никакой надежды дожждаться ихъ ранѣе наступленія утра. Если мы, безъ орудій, въ пять часовъ прошли не болѣе 14-ти верстъ, то сколько-же нужно времени, чтобы провезти орудія по такой дорогѣ! Почти вслѣдъ за нами въ деревню прибылъ начальникъ отряда, генераль-маіоръ Раухъ, и помѣстился въ одной изъ хатъ. Всю ночь въ эту хату прибывали ординарцы съ извѣстіями изъ хвоста колонны. Отъ нихъ мы узнали, что Императорскіе стрѣлки и Семеновцы, не смотря на страшныя усилія, съ трудомъ подвигаются впередъ. Орудія и зарядные ящики застряваютъ на каждомъ шагу и развѣ только къ обѣду прибудутъ первыя орудія.

Между тѣмъ, до непріятели оставалась добрая половина такого-же пути и, при всемъ желаніи, мы не могли поспѣть къ назначенному времени. Каждый лишній часъ заставлялъ насъ тревожиться, что турки какъ-нибудь узнаютъ о нашемъ движеніи и успѣютъ предупредить насъ.

Невыносимо долго тянулся остатокъ бессонной ночи. Наступило утро, сырое и холодное. Орудій все нѣтъ и только къ 11-ти часамъ прибыли первыя два.

Генераль Раухъ рѣшился двинуться далѣе, не дожидая остальныхъ, и вотъ, тѣмъ-же порядкомъ, потащились мы, черезъ рытвины и водомоины, по берегу рѣки. Во многихъ мѣстахъ, берега эти были такъ круты, что приходилось спускаться въ рѣку и нѣкоторое время идти по дну ея. Такимъ образомъ, съ промокшими ногами, ободранной одеждой, дошли мы до другой деревушки, Луковицы, но, не останавливаясь

въ ней, завернули влѣво, по ущелью, прошли еще версты двѣ и остановились. Оказалось, что и тѣ два орудія, которыя слѣдовали за нами, застряли. До непріятеля оставалось версты 3—4. Броситься на него однимъ, да еще безъ орудій, было опасно, ибо мы хорошенько не знали, какими силами можетъ онъ насъ встрѣтить. Простоявъ въ такомъ положеніи часа два, мы получили приказаніе возвратиться въ деревню Луковицу и дождаться тамъ Императорскихъ стрѣлковъ и Семеновцевъ.

Наступила прескверная ночь. Деревушка маленькая, со всѣхъ сторонъ окружена громадными горами, на которыхъ ежеминутно можно ожидать появленія турокъ. Костровъ разводить нельзя, чтобы не выдать своего присутствія непріятелю. Четвертую роту поставили на аванпосты, а сами расположились за деревней. Счастье наше еще, что въ деревнѣ оказалась солома. Зарылись въ нее, пожевали сухихъ сухарей, забыли про близость непріятеля и заснули такимъ сномъ, какимъ только можетъ спать, на теплой печи, наработавшійся за день крестьянинъ. Не спала одна 4-я рота и чутко прислушивалась и присматривалась ко всякому подозрительному шуму и движенію.

Разсвѣло. Изъ подъ соломы начали высовываться, мало-по-малу, сонныя головы. Сбѣры солдатскія шинели, съ клочками приставшей соломы, задвигались по всѣмъ направленіямъ за водой, чтобы промыть заспанные глаза, и не прошло и получаса, какъ баталіонъ былъ готовъ снова двинуться въ путь. За ночь подошелъ 4-й баталіонъ и съ часу на часъ ожидали прибытія и Семеновскаго полка съ остальными

орудіями. Въ 8 часовъ утра двинулись. Впереди ѣхали казаки, а за ними, не спѣша, подвигались и мы.

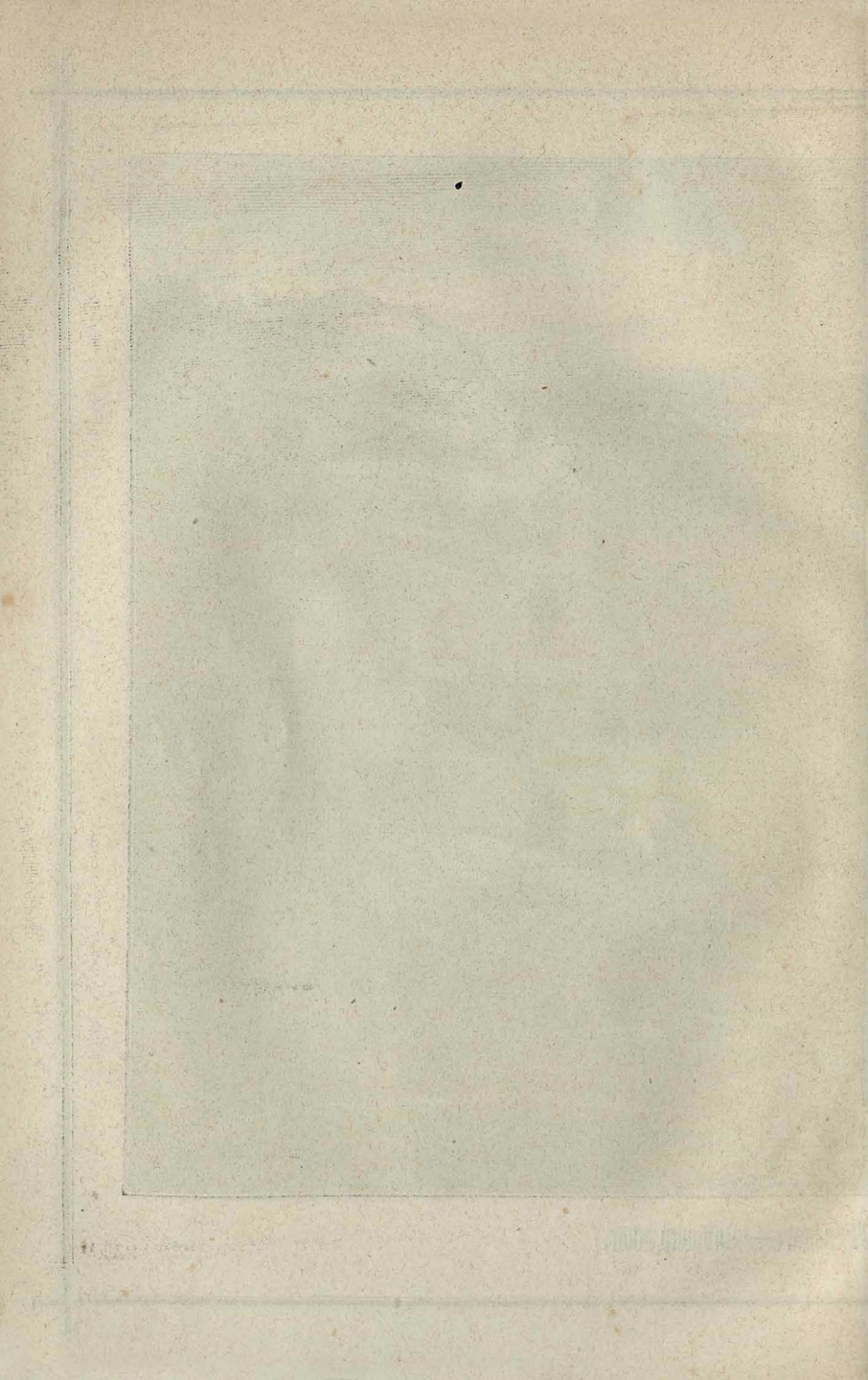
Около 9-ти часовъ раздались выстрѣлы по казакамъ. Горное эхо *) отчетливо повторило ихъ нѣсколько разъ и замерло. Вслѣдъ за этимъ, казаки донесли, что наткнулись на непріятельскіе посты и что недалеко замѣтили, въ горахъ, турецкіе ложементы. Нѣсколько времени мы продолжали двигаться по ущелью, но скоро замѣтили, что ущелье постепенно суживается, тропинка, по которой идемъ, повышается въ гору, и передъ нашими глазами, по обѣ стороны ущелья, выросли двѣ громадныя каменистыя скалы. За этими скалами и ожидали насъ турки, встревоженные казачьимъ разтѣздомъ. Тотчасъ же командиръ баталіона взялъ роту Его Величества и 2-ю и повелъ ихъ лично на правую гору. Остальныя двѣ остались пока въ резервѣ.

Стрѣлки живо, повѣсивъ ружья за спину, начали карабкаться на гору, цѣпляясь за торчащіе камни и деревья. Красиво и весело было смотрѣть снизу на эту живую картину! Межъ деревьями, тамъ и сямъ, точно ловкіе охотники, мелькають фігуры стрѣлковъ, и съ каждой минутой, какъ муравьи, все выше и выше взбираются на гору. На вершинѣ показывается фігура человѣка, махающаго руками и дѣлающаго всевозмож-

*) Каждому изъ насъ, конечно, случалось слышать повтореніе собственнаго голоса. Станешь, напримѣръ, гдѣ-нибудь около строеній, повернешся къ нимъ лицомъ и громко крикнешь: «кто тамъ?» Сейчасъ же крикъ повторится нѣсколько разъ и съ каждымъ разомъ все слабѣе и слабѣе, пока совсѣмъ не смолкнетъ. То же самое услышимъ, если крикнемъ, или выстрѣлимъ въ горахъ. Такое повтореніе звука называется «эхо».

Бой подъ Правцемъ 11-го ноября 1877 года. — Завязка боя.

ные знаки. «Тука (туть) турка! Тука турка!» отчаянно кричить братушка, указывая рукою за гору. Бѣдняга, вѣроятно, думалъ, что мы нечаянно наткнулись на турокъ и хотѣлъ предупредить насъ; но ихъ-то намъ и было нужно. Черезъ нѣсколько минутъ передніе были уже на вершинѣ и изъ за камней высматривали непріятеля...

Тр...р...р...ахъ! затрещалъ въ горахъ ружейный залпъ и туча пуль пронеслась надъ вершиной, жужжа и шлепаясь о камни и деревья. Между тѣмъ, люди прибывали и густой цѣпью разсыпались на окраинѣ, прикрываясь громадными камнями и деревьями. Нѣкоторые успѣли уже открыть рѣдкій огонь и знаками манять къ себѣ. Вотъ, на самомъ краю, надъ обрывомъ, помѣстился стрѣлокъ. Лежитъ себѣ и только и знаетъ, что пострѣливаетъ. Находящіеся внизу, генералъ Раухъ и остальные роты, невольно любятъ, глядя на молодца-стрѣлка хладнокровно и спокойно прицѣливающагося въ непріятеля, точно въ мишень.

— Молодчина! такъ, такъ ихъ!—слышится среди стрѣлковъ, а сами такъ и рвутся туда-же.

А оставшимся внизу ротамъ ждать пришлось не долго. 4-ю роту, съ саперами, послали исправить дорогу, а 3-ю — занять лѣвую гору и поддерживать огнемъ двѣ другія, находящіяся на правой горѣ. Дорога, которую пришлось поправлять 4-й ротѣ, чтобы провезти по ней орудія, шла въ гору, а въ концѣ горы не ясно обозначался турецкій ложементъ. Не извѣстно почему, турки не потревожили 4-ю роту и, быстро окончивъ работу, она присоединилась къ 3-й ротѣ.

Флигель-адъютантъ, полковникъ Васмундъ.

Въ это время, съ правой горы спустился командиръ баталіона и лично разсказалъ начальнику отряда, что увидѣлъ онъ съ этой горы и что намѣренъ предпринять. А увидѣлъ онъ слѣдующее: непрерывный рядъ горъ тянется далеко впередъ, пересѣкая на двѣ части громадную долину. Обрывистыми и каменистыми скатами спускаются горы въ долины, а на днѣ ихъ лентой извивается уже знакомая намъ софійская дорога. Долина влѣво отъ горъ тянется вдаль на безконечное пространство и на ней, въ настоящее время, расположенъ отрядъ генерала Эллиса 1-го; долина вправо гораздо меньше и, какъ глубокій котель, окружена со всѣхъ сторонъ громадными горами. На днѣ ея видны: деревушка Правецъ и городъ Орханъ. Главныя укрѣпленія и силы турокъ расположены надъ шоссе. Застигнутые въ распахъ нашимъ появленіемъ, турки, однако, успѣли занять въ нашу сторону три, одна за другой лежащія, горы и выстроить на нихъ небольшія укрѣпленія. Дальше, кромѣ того, виднѣлся большой лагерь, и отъ него, время отъ времени, направлялись къ намъ новыя силы. Слѣдовательно, нашему отряду предстояло выбить турокъ съ трехъ горъ, сбросить ихъ въ правую долину, называемую Орханійскою и перерѣзать имъ путь отступленія, или же прогнать дальше, въ Балканы.

Доложивъ обо всемъ этомъ начальнику отряда, полковникъ Васмундъ снова началъ взбираться на гору. Здѣсь нужно замѣтить, что почти передъ самымъ дѣломъ, пробираясь по узкой, обрывистой тропинкѣ, лошадь командира баталіона оборвалась и придавила ему ногу. Не обращая вниманія на жгучую боль въ ногѣ,

командиръ баталіона, какъ мы видѣли, однимъ изъ первыхъ взшелъ на кручу Правецкой высоты. Поднимаясь теперь вторично и пройдя уже большую половину горы, онъ принужденъ былъ опереться на двухъ горнистовъ и, съ помощью ихъ, продолжалъ движеніе.

— Командиръ баталіона раненъ! быстро пронеслось среди стрѣлковъ и всѣ со вниманіемъ стали слѣдить за его движеніями.

Между тѣмъ, самъ командиръ, превозмогая боль, благополучно добрался до вершины и тотчасъ же приказалъ поручику Артемову (1-я рота) и поручику Кончаковскому (2-я рота) начать наступленіе и атаковать первую гору.

Лишь только роты двинулись впередъ, какъ съ турецкой стороны поднялась, знакомая уже намъ, трескотня. Тысячи пуль засвистали, зажужжали по всеѣмъ направленіямъ и густое облако порохового дыма, на время, скрыло отъ насъ непріятеля. Стрѣлки, небольшими перебѣжками, подвигались все дальше и дальше, прятались за встрѣчавшіяся по пути закрытія и изъ за нихъ, мѣткимъ, не спѣшнымъ огнемъ, поражали непріятеля. Не выдержали турки нашего, хотя рѣдкаго, но мѣткого огня и, шагъ за шагомъ, начали отступать на вторую гору. Огонь усилился. Выстрѣлы, повторяемые горами, слились въ одинъ общій несмолкаемый гулъ и пороховое облако опять затянуло все кругомъ. Когда дымъ разсѣялся, то непріятель былъ уже на второй горѣ, а по склонамъ ея валялись трупы и стонали раненые. Приходилось атаковать вторую гору. Между тѣмъ, къ туркамъ, изъ видѣвшагося отъ насъ лагеря, подходили новыя войска и располагались за третьей горой. По-

этому, прежде чѣмъ атаковать вторую гору, командиръ баталіона притянулъ на правую гору 3-ю и 4-ю роты и расположилъ ихъ въ резервъ за 1-й и 2-й, а на нашъ правый флангъ подошелъ баталіонъ Императорскихъ стрѣлковъ. Мѣсто 3-й и 4-й роты занялъ лейб-гвардіи Семеновскій полкъ.

Началось снова наступленіе. Теперь приходилось взбираться на крутую, пересѣченную на каждомъ шагу рывтинами и водомоинами, гору. Непріятель не дремалъ и во все время этого движенія продолжалъ осыпать насъ градомъ пуль. Перепрыгивая водомоины и трещины, цѣпляясь за камни, гдѣ ползкомъ, гдѣ перебѣжками, подвигались стрѣлковыя цѣпи, и вотъ-вотъ, готовы были столкнуться лицомъ къ лицу съ непріателемъ. Опять не выдержалъ непріятель дружнаго наступленія и медленно началъ отступать на третью гору, отстрѣливаясь и задерживаясь за мѣстными закрытіями. Эта третья гора была самой сильной его позиціей. На ней должно было произойти послѣднее кровавое столкновеніе.

Разсѣянные тамъ и сямъ, стрѣлки, по приказанію командира баталіона, начинаютъ собираться въ плотныя кучи къ своимъ ротнымъ командирамъ, колонны резервовъ приближаются и вся эта грозная масса, съ страшнымъ крикомъ «ура», бросается на гребень горы. Все смѣшалось. Ружейный огонь смолкъ и только рѣзкіе удары прикладовъ и штыковъ, да стоны раненыхъ и умирающихъ несутся надъ разгоравшейся рукопашной схваткой...

Неслыханное дѣло совершилось: неприступныя Балканскія горы, не издавшія доселѣ живой души

человѣчьей, огласились русскимъ побѣдоноснымъ «ура» и оросились русскою кровью! Схватка не унимается. Вотъ, въ одномъ мѣстѣ куча турокъ окружила стрѣлковъ. Съ невѣроятнымъ геройствомъ отбиваются они отъ напѣрающаго со всѣхъ сторонъ непріятеля. Налитыя кровью глаза, свирѣпыя лица. Нависшіе штыки готовы проткнуть героевъ, но въ это время поспѣваютъ на выручку сосѣдніе товарищи и на мѣстѣ схватки, корчась въ предсмертныхъ судорогахъ, остаются турецкіе трупы, съ зіяющими штыковыми ранами. На правомъ флангѣ работаютъ Императорскіе стрѣлки, на лѣвомъ, грозными колоннами, тянется Семеновскій полкъ. Непріятель дрогнулъ и, сначала по одиночкѣ, а за тѣмъ и цѣлыми кучами, бросился къ краю горы, а оттуда, по крутымъ спускамъ внизъ, въ долину. Началось безпорядочное, общее бѣгство. Неумолкаемымъ огнемъ преслѣдовали стрѣлки сброшеннаго въ бездну непріятеля и сотни труповъ покатались въ долину...

Въ это время, къ довершенію великолѣпія картины, на заоблачныхъ высяхъ Правецкихъ горъ, при свѣтѣ догорающаго дня, появилась наша артиллерія. Блеснулъ огонь. Громадный клубъ дыма взвился надъ горою и нѣсколько гранатъ, съ трескомъ и свистомъ, полетѣли вслѣдъ непріятелю.

Не переставая преслѣдовать бѣгущаго по долинѣ непріятеля, нѣкоторые спустились также въ долину и доканчивали свое дѣло. Однако, общее преслѣдованіе, за наступающею темнотою, скоро пришлось пріостановить и, разсѣянные по горамъ и долинѣ, стрѣлки начали обратно взбираться на горы и располагаться около баталіоннаго знамени, развѣвавшагося на одной изъ горъ.

Стемнѣло. Расположившемуся для отдыха, баталіону представилась поразительная, невѣроятная картина. Съ долины поднялся туманъ и, въ видѣ густыхъ облаковъ, затянулъ до половины горы. Съ каждымъ часомъ туманъ поднимался все выше и выше и, какъ море, разлился вокругъ на необъятное пространство. Вершины горъ, точно острова, торчатъ изъ этаго моря, а надъ ними—безоблачное, звѣздное небо. Какъ ни устали мы, а все-же не могли спокойно смотрѣть на это чудесное явленіе. Забыли все—и голодь, и жажду, забыли валавшіеся подъ ногами турецкіе трупы... и, разиня ротъ, продолжали любоваться. Но вотъ, туманъ поднимается. Поднялся до насъ. Выше и выше—и ясное небо затянулось густыми облаками. Началъ накрапывать дождикъ. Задымилась отсырѣвшіе дрова. Морщась и жмурясь, обступили стрѣлки костры; а въ сторонѣ, на бугоркѣ, прикрытые шинелями, лежали раненые. Благодаря отличному веденью дѣла, умѣнью стрѣлковъ примѣняться къ различнымъ закрытіямъ, ихъ было только 9 человекъ въ баталіонѣ, а во всемъ отрядѣ 28. Въ то же время, непріятель многихъ не досчитывался въ своихъ рядахъ и это было яснымъ доказательствомъ мѣткой, неспѣшной стрѣльбы. Съ такими ничтожными потерями, отряду нашему удалось совершить славное и трудное дѣло. Не дорого обошлось оно намъ убитыми и ранеными, но дорого—трудами и лишеніями. Почти 40 часовъ шелъ отрядъ какихъ-нибудь 27 верстъ, преодолая всѣ трудности, встрѣчавшіеся на этомъ пути. Десять часовъ въ ущельяхъ, безъ пищи и почти безъ сна! Лазанье по крутымъ горамъ подъ непріятельскими пулями! Все, вмѣстѣ взятое, заставляло

баталіонъ гордиться совершеннымъ дѣломъ и сознавать, что не даромъ оно, на память потомству, записано на вѣки вѣчные на нашихъ шапкахъ.

Участники боя, заслужившіе пѣтомъ и кровью эту надпись, передали славу ея молодому поколѣнію, изъ года въ годъ пополняющему баталіонъ, съ твердой вѣрой въ то, что примѣръ старыхъ боевыхъ товарищей поможетъ ему съ честью носить дорогую надпись и, при случаѣ, своимъ мужествомъ и храбростью, покрыть ее новою славой.

III.

Послѣдствія Правецкаго боя. — Стоянка на Правецкихъ высотахъ. — Спускъ въ долину и дальнѣйшее движеніе по софійскому шоссе. — Турецкія позиціи на Арабъ-Конакъ. — Бой на высотахъ Балканъ и отраженіе турецкихъ атакъ 21-го ноября 1877 года. — Ложныя тревоги 22-го и 23-го ноября. — Движеніе баталіона къ деревни Врачешъ. — Пребываніе во Врачешѣ и стоянка на Финскихъ горахъ. — Вѣсти и слухи. — Предварительныя распоряженія по переходу черезъ Балканы.

— Ишь, на какую высоту забрались, и до Царствія Небеснаго не далеко! — разсуждали стрѣлки, проснувшись рано утромъ, 12-го ноября, и оглядывая завоеванную позицію. — Вотъ, и укрѣпленія не спасли ихъ отъ русскаго штыка, и въ горахъ достали!

Дѣйствительно, укрѣпленія не спасли непріятеля. Обойденный нашимъ отрядомъ съ лѣваго фланга, изрядно побитый, онъ принужденъ былъ ночью обратиться съ правецкихъ позицій, побросать укрѣпленія и, перейдя Орханійскую долину, засѣлъ въ горахъ, на противуположной сторонѣ ея.

Лишь только было получено это извѣстіе, какъ массы войскъ потянулись по софійскому шоссе въ долину и стали располагаться вокругъ деревни Правецъ. Нашимъ двумъ баталіонамъ было приказано остаться на занятыхъ горахъ и укрѣпиться. Скоро къ намъ подошли остальные баталіоны бригады (2-й и 3-й), разбили позицію на участки—и закипѣла работа. Кто рылъ ложементы, кто разбивалъ палатки, а кто занимался уборкой турецкихъ труповъ. Не много стрѣляли стрѣлки, всего за весь бой по семи патроновъ на человека пришлось, а однихъ непріятельскихъ труповъ зарыли болѣе семидесяти!

— Молодцы стрѣлки—богатыри! Ничто васъ не испугало: ни горы, ни кручи, ни турки. Славно сдѣлали свое дѣло. Доложу Главнокомандующему,—говорилъ генералъ-адъютантъ Гурко, пріѣхавшій вскорѣ на позицію и дивившійся той страшной высотѣ, на которую взлетѣли русскіе «орлы».

Обдуваемые со всѣхъ четырехъ сторонъ вѣтрами, мы мирно расположились на горахъ и занялись наблюденіями за непріателемъ. Новыя позиціи его, по другую сторону долины, отлично были видны съ нашихъ высотъ, и никакое движеніе не ускользало отъ внимательныхъ глазъ офицеровъ и стрѣлковъ, ежедневно слѣдившихъ за каждымъ его шагомъ. Позиціи сильныя. Цѣлый рядъ редутовъ и батарей тянется по склонамъ горъ, а выше ихъ виднѣются многочисленные лагери. Софійская дорога, протянувшаяся узкой лентой вдоль всей долины, гдѣ-то вдали заворачиваетъ въ горы и теряется за ихъ укрѣпленными отрогами. По всему видно, что непріятель не желаетъ пускать насъ въ глубь

Балканскихъ горъ и опять заграждаетъ единственную хорошую дорогу. Бить въ лобъ опасно, а примѣръ только что совершеннаго нами правецкаго обхода показалъ: во 1-хъ, что турки боятся этихъ обходовъ пуще огня, а во 2-хъ, что русскому солдату не страшны никакія труды и лишенія. И вотъ, въ то время, какъ мы сидимъ на горахъ и наблюдаемъ за всѣмъ этимъ, начальникъ отряда отыскиваетъ новые обходные пути, раздѣляетъ войска на отряды и одинъ изъ нихъ (24 баталіона, 48 орудій, 11 эскадроновъ и 24 конныхъ орудія) посылаетъ въ обходъ праваго фланга турокъ, чтобы тѣмъ заставить ихъ очистить безъ боя позицію и открыть дальнѣйшій путь въ Балканы, по шоссе.

Ежедневно, съ утра, мы видимъ, по долину, отъ деревни Правецъ тянутся густыя колонны нашей кавалеріи съ конной артиллеріей и направляются къ непріятелю, чтобы спугнуть его, или, по крайней мѣрѣ, рассмотреть хорошенько его силы и укрѣпленія. Мало-по-малу, колонны развертываются въ боевой порядокъ и длиннымъ фронтомъ начинаютъ наступленіе. Артиллерія выбираетъ позиціи и открываетъ огонь. Непріатель тоже отвѣчаетъ. Обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами и достаточно потревоживъ непріателя, кавалерія постепенно отходитъ назадъ и тѣмъ кончается дѣло. Такія ежедневныя передвиженія въ долину доставляли намъ не мало удовольствія. Сидишь это, себѣ, на горахъ, Богъ знаетъ, на какой страшной высотѣ, и смотришь на все это, какъ на картину.

— Гляди, гляди, какая большущая колонна спускается изъ лагеря къ редуту. А вонъ, видно, орудіе

ставять. Ишь, какая куча собралась! — переговариваются стрѣлки, тыкая пальцами въ сторону непріятеля.

— Насъ нѣту, — мы-бъ имъ показали...

— Что показали? Тутъ, братъ, пулей ничего не сдѣлаешь. Вотъ, кабы опять сзади зайти — другое дѣло.

Разсуждавшіе такимъ образомъ, стрѣлки и не предполагали, что въ это время одинъ изъ отрядовъ, дѣйствительно, уже заходилъ сзади и готовился атаковать турокъ. Вѣсть объ этой атакѣ пришла на бивуакъ поздно вечеромъ и намъ приказано было на другой день, съ утра, занять, на всякій случай, траншеи. Траншеи заняли и пролежали въ нихъ почти весь день. Далекіе пушечные выстрѣлы, изрѣдка долевшій до насъ, показывали, что кто-то и гдѣ-то дерется. Доподлинно-же ничего не было извѣстно, и только на другой день узнали, что Преображенцы и Измайловцы дрались въ горахъ, у города Этрополя, и заняли его. Не смотря на это, турки, находившіеся противъ насъ, по прежнему, продолжали оставаться на своихъ мѣстахъ и даже не было замѣтно съ ихъ стороны никакого желанія отступать.

Между тѣмъ, на горахъ выпалъ снѣгъ. Порывистый вѣтеръ гулялъ на просторѣ, срывалъ палатки, заносилъ ихъ сугробами снѣга, задувалъ костры. Казалось, сама погода вооружилась противъ насъ и старалась согнать съ горъ. — Но, нѣтъ. — Промерзшіе и окоченѣлые, мы продолжали стоять на своихъ мѣстахъ и только подсмѣивались надъ ея напрасными стараніями. Сорветъ, бывало, у кого-либо палатку, разнесетъ по горѣ горящія головешки изъ костра — смѣхъ и шутки! Поставятъ

палатку, покрѣпче прибьютъ кольями къ промерзшей землѣ, залѣзутъ въ нее человѣкъ шесть, и такъ-то нагрѣютъ, что словно и въ избѣ. Нѣкоторые даже печи устроили. Выроютъ ямку, отведутъ отъ нее, вмѣсто трубы, канавку, и грѣются, а то—тутъ-же и чай кипятятъ въ манеркахъ. Бѣда только—за водой нужно было ходить далеко, да вотъ еще дежурящимъ въ ложементяхъ ротамъ приходилось плохо. Но, благодареніе Богу, все шло хорошо. Не привыкать стать русскому человѣку къ морозу и выюгѣ. Старые знакомые; вѣрно съ собой, изъ Руси-матушки, принесли ихъ въ Турцію!

Ни много, ни мало, простояли мы, такимъ образомъ, на горахъ шесть дней, питаюсь чаемъ съ сухарями. На седьмой, именно 17-го ноября, обычная ежедневная кавалерійская развѣдка не застала уже непріятеля на занимаемыхъ имъ позиціяхъ. Онъ бѣжалъ ночью, оставивъ въ нашихъ рукахъ всѣ свои укрѣпленія и массу палатокъ и боевыхъ припасовъ. Такое поспѣшное отступление объясняется тѣмъ, что наши войска, съ каждымъ днемъ пробиравшіяся все глубже и глубже въ Балканы, грозили совершенно отрѣзать непріятелю путь отступления по софійскому шоссе и забрать всю армію въ плѣнъ, или же разсѣять по горамъ. Турки рѣшили лучше заблаговременно отступить и поискать новыхъ неприступныхъ позицій, которыхъ, къ слову сказать, въ горахъ, да еще въ такихъ, какъ Балканскія,—найти не трудно.

Конечно, намъ теперь нечего было дѣлать на своихъ прежнихъ мѣстахъ. Нужно было немедленно преслѣдовать непріятеля, не давая ему возможности укрѣпиться и еще разъ загородить дорогу. Поэтому, мы,

въ тотъ же день, вечеромъ, начали спускаться въ долину.

Ночь стояла темная, какъ говорится, ни зги не видно. Черныя тучи заволокли все небо и только косгдѣ, у подошвы горъ, да въ разныхъ мѣстахъ долины, мерцають бивуачные огоньки. Вооружившись палками, для ощупыванія въ темнотѣ дороги, забравъ, по возможности, побольше фонарей, мы начали спускаться. Съ правой стороны—гора, съ лѣвой—черная пропасть. Чуть замѣтная тропинка обвиваетъ гору и—то спускаясь въ овраги, то круто поднимаясь куда-то въ гору, теряется во мракѣ. Осторожно, шагъ за шагомъ, идутъ стрѣлки по этой тропинкѣ; ощупываютъ ее палками, ногами, освѣщаютъ опасныя мѣста тусклымъ фонаремъ. Но, не смотря на это, на каждомъ шагу спотыкаются о камни, скользятъ въ кручу. Сильныя руки товарищей хватають упавшаго за шиворотъ, ставятъ на ноги; и опять идутъ стрѣлки, медленно, но безостановочно. Снѣгъ, покрывавшій горы, мало по малу, обратился въ грязь, и еще темнѣе, еще опаснѣе сталъ путь.

— Ну, ужъ эти горы, чтобъ ихъ чертъ побралъ! Выпретъ же этакую махину, что ни пройти, ни проѣхать!—ворчитъ стрѣлокъ, только что оступившійся и изрядно измазавшій лицо и руки грязью.

— Не любишь? подсмѣивается другой. А давно-ли говорилъ: «ужъ скоро-ли эти горы увидимъ, хоть-бы посмотрѣть на нихъ». На, вотъ, смотри. Нюхай носомъ-то!

— Говорилъ! Мало-ли что говорилъ. Посмотрѣть любопытно. Если, Богъ дастъ, домой живымъ вернуть-

ся,—какихъ турусовъ на колесахъ наговорю я тамъ про эти горы. У насъ, въ деревнѣ, мѣста ровныя: ни бугорка, ни кочки,—хоть на боку катись.

— О чемъ это вы говорите, братцы? слышался сзади голосъ ротнаго командира.

Стрѣлки, хотя не видѣли говорившаго, но тотчасъ узнали голосъ своего ротнаго и на минуту стихли.

— Да вотъ, ваше благородіе, Никифоровъ горы ругаетъ. Носъ расшибъ. Думалъ, на войнѣ все будемъ по прямымъ, да широкимъ дорогамъ ходить.

— Ничего, ребята! Знаете русскую пословицу: «терпи казакъ—атаманомъ будешь». Не даромъ она говорится.

— Да мы ничего, ваше благородіе... началъ было оправдываться Никифоровъ.

— Знаю, что ничего. Такимъ молодцамъ,—да темноты бояться! Подъ пулями лѣзли въ гору, а тутъ только что дороги нѣтъ и круто немножко. Вотъ, скоро опять на ровную дорогу выйдемъ: видите огни,—тамъ и дорога.

Дѣйствительно. Огни становились ярче, скаты положе и скоро баталіонъ потянулся, по топкой, болотистой равнинѣ, къ шоссе. Въ это время, по шоссе проходила партія турецкихъ плѣнныхъ, захваченная нашей кавалеріей, и лишь только мы остановились и составили ружья, какъ стрѣлки тѣсной толпой окружили плѣнныхъ и знаками начали съ ними разговоръ. Мокрые, ободранные, похожіе скорѣе на нищихъ, чѣмъ на воиновъ, они дрожали отъ холода и сырости и съ трудомъ отвѣчали на докучливые вопросы. Кое-какъ, съ большими усиліями, удалось узнать отъ нихъ, что

турецкіе войска бѣжали верстъ за 20 отсюда и расположились на страшно крутыхъ и неприступныхъ горахъ, на которыхъ у нихъ еще ранѣе были построены сильныя укрѣпленія. Горы эти назывались «Арабъ-Конакскія», по имени небольшой деревушки, расположенной въ нихъ, и туда-то мы должны были теперь спѣшить. Итакъ, мы снова въ долину, снова на софійскомъ шоссе! Какъ легко, пріятно двигаться по ровной дорогѣ, не страшась ежеминутно споткнуться о камни, или же сорваться въ кручу отъ каждаго неосторожнаго шага! Какъ пріятно идти и вмѣстѣ съ тѣмъ осматривать спокойно окружающую мѣстность!

Весело, бодро зашагаль баталіонъ на другой день по софійскому шоссе, во главѣ авангарда генерала Эллиса, къ виднѣвшемуся вдали городу Орханъ. Кромѣ насъ авангардъ составляли: 2-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковые баталіоны и л.-гв. Московскій полкъ. Всего, слѣдовательно, 7 баталіоновъ пѣхоты съ артиллеріей. Быстро подошли мы къ городу, часа два передохнули и двинулись далѣе. Долина, какъ я уже говорилъ, не широкая. Спереди и сбоковъ виднѣются горы, а на нихъ, оставленные турками, укрѣпленія. Чѣмъ дальше подвигаемся, тѣмъ уже становится долина, а около селенія Врачешъ дорога поворачиваетъ влѣво и уже идетъ по совершенно узкому ущелью, похожему на корридоръ. При входѣ въ это ущелье, баталіонъ остановился еще разъ, и мы, воспользовавшись этой остановкой, занялись осмотромъ укрѣпленій и деревни.

Ловко турки умѣютъ закапываться, нечего сказать! Мало того, что всѣ укрѣпленія устроены прочно и на такихъ мѣстахъ, что ни откуда къ нимъ и ползкомъ

не доползешь, не забыта даже красота и отдѣлка ихъ. Дороги и дорожки усыпаны пескомъ, выложены въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мелкими, разноцвѣтными камешками. Видно, много времени было у нихъ на это, или же слишкомъ много рабочихъ рукъ! Времени-то у нихъ было, конечно, достаточно, а на счетъ рабочихъ рукъ говорятъ, что это все—дѣло несчастныхъ болгаръ. Ихъ гнали насильно на работу, подгоняли палками, а кто отказывался, или не очень усердно работалъ, даже по болѣзни и немощности, съ того, безъ церемоніи, срубали голову, или же еще хуже—мучили. Такъ вотъ, какими трудами воздвигнуты всѣ эти укрѣпленія! Вотъ, кто невольно помогалъ нашему врагу! Однако, не прочны оказались эти окопы, хотя и твердо построены. Въ концѣ концовъ, все же пришлось бросить и бѣжать безъ оглядки. Слѣды этого бѣгства замѣтны были повсюду. Растерянные патроны, гранаты цѣлыми ящиками валяются по дорогѣ. Громадные склады муки, масла и боевыхъ припасовъ, собираемые долгое время, брошены и остались въ нашихъ рукахъ. Даже поджечь ихъ не успѣли турки и тѣмъ сослужили намъ громадную службу.

— Спасибо вамъ, турочки! На долго намъ хватитъ вашихъ запасовъ, — удружили!

И точно: тысячи пудовъ муки, масла и галетъ*), захваченные нами во вражескихъ складахъ, долгое время питали насъ; а захваченными ружьями можно было вооружить цѣлую дивизію.

*) Турецкія войска въ походѣ получали, вмѣсто нашихъ сухарей, сухія, бѣлыя лепешки, изъ пшеничной муки. Такія лепешки и называются *галетами*.

Подвигаясь, затѣмъ, далѣе, мы ежеминутно натыкались на поломанныя каруцы (телѣга), разбросанное тряпье и разный хламъ. Попадались отсталые, больные; ихъ забирали и отправляли или назадъ, въ госпитали, или же вели съ собой. Одинъ разъ наткнулись на цѣлую кучу такихъ. Двое были съ ружьями, а одинъ еле передвигалъ ноги и, какъ видно, готовился умереть на дорогѣ. Дѣлать нечего. Оставили около нихъ двухъ человѣкъ своихъ и приказали: здоровыхъ забрать, а несчастнаго больного отправить въ госпиталь, а если умереть — похоронить. Лишь только войска прошли, — рассказывали намъ потомъ оставленные стрѣлки, — какъ два здоровыхъ турка начали рыть землю. — «Что это вы дѣлаете? спрашиваемъ мы ихъ, указывая на яму. А они намъ показываютъ на больного турка: «зарывать, молъ, собираемся», и ужъ собрались живаго въ землю класть. — «Ахъ вы такіе, сякіе, этакіе! Да развѣ можно живаго человѣка хоронить!» — Такъ и не позволили, — заключили рассказчики.

— Ну, что-жъ, онъ умеръ?

— Вскорости умеръ. Зарыли мы его, да вотъ, сюда и пошли и этихъ идоловъ съ собой привели.

Верстахъ въ 16-ти отъ начала ущелья, т. е. отъ деревни Врачешъ, дорога круто повернула влѣво и скрылась отъ глазъ за выступомъ громадной горы, поросшей буковымъ лѣсомъ. Отрядъ остановился. Оказалось, что за этой горой и начинаются турецкія арабь-конакскія позиціи. Дальше идти по шоссе невозможно, нужно опять прогонять турокъ и какъ можно скорѣй занять горы.

Генераль Эллисъ тотчасъ же приказалъ осмотрѣть

ихъ и выбрать позиціи для артиллеріи. Взобравшіеся на вершину передней горы, вотъ что увидѣли:

Гора, отлогими скатами, понижается въ котловину, т. е. въ совсѣмъ узкую долину, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. Напротивъ нашей позиціи, въ недалекомъ отъ нея разстояніи, тянется длинный рядъ горъ, покрытыхъ редутами, а со дна котловины, лѣвѣ насъ, поднимается громадная, голая скала, называемая «Шандорникъ». На вершинѣ ея, самой высокой, виденъ также редутъ, прозванный нашими «орлинымъ гнѣздомъ». Здѣсь вся сила турокъ. На эту гору вся ихъ надежда. Чтобы выбить ихъ изъ «орлинаго гнѣзда», нужно было сначала разгромить его орудіями. Но для этого приходилось намъ самимъ втаскивать орудія на страшную высоту. И вотъ, на другой же день, въ шесть часовъ утра, рабочіе отъ всѣхъ частей потащили орудія на рукахъ. Чтобы дать понятіе о трудности этой работы, достаточно будетъ сказать, что 300 человекъ нашего баталіона, отправленные въ шесть часовъ утра, вернулись къ баталіону съ горъ только въ десять часовъ вечера, установивъ на позиціи только 2 орудія и потративъ на это 14 часовъ времени. Кромѣ неимоверныхъ трудовъ, приходилось еще все это продѣлывать въ полнѣйшей тишинѣ, потому что, при малѣйшемъ, неосторожномъ движеніи, турки открывали ружейный огонь и, случалось, убивали и ранили.

Все 20-е число и ночь на 21-е прошли въ подобной работѣ. Къ утру батарея была установлена. Л.-гв. Московскій полкъ и л.-гв. 2-й Стрѣлковый баталіонъ заняли переднюю гору, а мы и «Императорскіе» помѣстились пока внизу ея, на случай, если-бы непріятель

вздумалъ появиться на правыхъ горахъ. За лѣвыя горы мы не опасались, такъ какъ на нихъ были расположены другіе отряды. Съ разсвѣтомъ предполагали начать бомбардировку, продолжать ее три дня и, когда подтянутся остальные войска, — штурмовать «орлиное гнѣздо» и всѣ другія укрѣпленія.

Разсвѣло. Раздался первый выстрѣлъ нашей, вновь установленной, батареи и громовымъ эхомъ раскатился въ безмолвныхъ горахъ. Этотъ первый выстрѣлъ, какъ обухъ, ударилъ турокъ по лбу. Они никакъ не предполагали, чтобы мы смогли втащить орудія на такую кручу и помѣстить ихъ чуть не въ 600 шагахъ отъ редутовъ. Положеніе турокъ оказывалось сквернымъ, имъ нужно было, во что-бы то ни стало, прогнать насъ съ горъ. Выстрѣлъ повторился. Затѣмъ—другой, третій... Турки встрепенулись и не успѣли мы оглянуться, какъ ихъ колонны перешли въ наступленіе и съ страшнымъ остервенѣніемъ бросились въ атаку на Московцевъ и Стрѣлковъ, занимавшихъ опушку лѣса на вершинѣ горы. Завязалась отчаянная перестрѣлка. Ружейные и орудійные выстрѣлы слились въ одинъ общій, неумолкаемый гулъ, повторяемый горами и далеко разносившійся по окрестностямъ. Страшный трескъ рвавшихся гранатъ, свистъ пуль, ежеминутно шлепавшихся о толстые стволы буковыхъ деревьевъ, и визгъ картечи, которою начала стрѣлять наша батарея по наступающимъ колоннамъ, обратили позицію въ настоящій адъ. Между тѣмъ, турки, поддержанные сильнымъ огнемъ своихъ орудій, опьяненные какимъ-то дурманомъ, неудержимо подвигались на нашъ ничтожный отрядъ и въ то же время, видимо, хотѣли обойти нашъ

правый флангъ и смести насъ съ позиціи. Неустрашимые Московцы и Стрѣлки быстро передвинулись по опушкѣ вправо, съ страшнымъ крикомъ «ура» встрѣтили турецкія атакующія колонны и послѣ непродолжительной, но кровопролитной рукопашной схватки, заставили ихъ отступить. Побѣда осталась за нашими, но не надолго. Повинуясь чьему-то невидимому приказанію, непріятельскія колонны повернулись назадъ и, какъ саранча, спотыкаясь о трупы убитыхъ, снова полѣзли на насъ.

Снова загремѣло «ура», затрещали ружейные выстрѣлы; снова пошли въ дѣло штыки и приклады, поражая направо и налево и нагромождая новыя кучи тѣлъ. Бой идетъ съ черемѣннымъ счастіемъ. Опушка лѣса то переходитъ къ непріятелю, то опять попадаетъ въ наши руки. Въ пять разъ сильнѣйшій, непріятель со всѣхъ сторонъ напираетъ на горсть храбрецовъ; но все безуспѣшно. Русское оружіе и на этотъ разъ вышло побѣдителемъ!

Увлеченные рукопашной схваткой на правомъ флангѣ, съ трудомъ разбиравшіеся въ густомъ лѣсу, затянутомъ сплошь пороховымъ туманомъ, мы, незамѣтно, приняли на столько вправо, что батарея осталась открытой и въ то время, какъ часть турецкихъ войскъ напирала на правый флангъ, другая бросилась на неприкрытую батарею. Стрѣлявшая безперерывно въ теченіи получаса, она теперь молчала и съ минуты на минуту должна была попасть въ руки непріятеля, но и тутъ находчивость и храбрость русскаго человѣка спасла насъ отъ вѣрной гибели. Командиръ Московскаго полка, полковникъ Гриппенбергъ, видя наступающихъ турокъ и не имѣя возможности выслать противъ

нихъ ни одного солдата, рѣшился на хитрость и приказалъ, находившемуся тутъ же около него барабанщику, бить «тревогу». Турки, ворвавшіеся уже на батарею и по своему расправлявшіеся съ артиллеристами, думали, что это подходятъ наши свѣжія войска и быстро бросились назадъ.

Генералъ Эллисъ, получивъ извѣстіе о такомъ натискѣ непріятеля, тотчасъ же послалъ на горы въ подкрѣпленіе: 2-ю и 4-ю роты нашего баталіона и столько же ротъ «Императорскаго». Карабкаясь, какъ кошки, стрѣлки быстро достигли батареи. 2-я рота разсыпалась въ цѣпь, 4-я стала за нею. Перестрѣлка была въ полномъ разгарѣ. Непріятель, не переставая, продолжалъ наступать на правый флангъ и на долю нашихъ ротъ пришлось поражать его мѣткими выстрѣлами во флангъ. Русское «ура» и турецкое «алла» не переставали гремѣть на гребнѣ, отнынѣ знаменитой, горы, гдѣ 30 вражескихъ таборовъ дрались не на жизнь, а на смерть, съ 6-ю нашими баталіонами.

Къ ужасу нашему, скоро оказалось, что патроны всѣ разстрѣляны...

Но пока поскакали за ними въ деревню Врачешъ, пока, на рысяхъ, привезли ихъ, штыкъ и прикладъ блистательно закончилъ дѣло. Собравши послѣднія остатки силъ, Московцы и Стрѣлки дружно ударили на непріятеля и, мало-по-малу, оттѣснили его. Огонь стихъ. Лишь изрѣдка, въ различныхъ мѣстахъ, слышны отдѣльные выстрѣлы, зарвавшихся въ преслѣдованіи, солдатъ, но и они скоро прекратились и наступила полная тишина. Оттѣсненный непріятель залегъ въ траншеяхъ, въ 30-ти шагахъ отъ опушки лѣса, и въ этотъ день больше не

возобновлялъ наступленія. Это было въ четыре часа пополудни. Честь шести-часоваго непрерывнаго арабъ-конакского боя, безспорно, принадлежитъ Московцамъ и 2-му Стрѣлковому баталіону; но и наши роты не мало помогли благополучному окончанію его. Въ то время, какъ двѣ изъ нихъ (2-я и 4-я), подоспѣвшія въ разгаръ самаго боя, дрались вмѣстѣ съ Московцами и 2-мъ баталіономъ, рота Его Величества, подъ командой поручика Артемова, была послана на правыя горы на случай появленія на нихъ непріятеля, а 3-я рота, подъ командой капитана Зейдера—охраняла орудія и зарядные ящики, расположенные въ ущельѣ.

И такъ, троекратная турецкая атака, разразившаяся надъ «Московской горой» *) 21-го ноября 1877 года, была отбита. Наваленные одинъ на другого, трупы непріятеля ясно показывали отчаянную храбрость его и силу нашихъ пуль и прикладовъ. Потери Московскаго полка и 2-го Стрѣлковаго баталіона были также значительны; въ нашихъ же двухъ ротахъ выбыло изъ строя 4 раненыхъ и 1 контуженный. Контуженъ былъ фельдфебель 4-й роты, Константинъ Смирновъ. Пуля попала ему въ верхнее дно шапки, оторвала его и скользнула по головѣ. Конечно, фельдфебель остался въ строю; по счастливой случайности, онъ отдѣлался небольшою царапиной на головѣ и оторваннымъ дномъ шапки.

Такъ какъ турки послѣ боя отступили, но отступили на весьма незначительное разстояніе и, оправившись, ежеминутно могли снова атаковать насъ, то изъ

*) Арабъ-Конакская гора, на которой мы занимали позицію 21-го ноября, съ этого дня стала у насъ называться «Московской горой».

Врачеша къ нашему отряду, къ вечеру того же дня, прибыли подкрѣвленія: лейбъ-гвардіи Павловскій и Егерскій полки. Лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ занялъ мѣсто нашей роты Его Величества, на правой горѣ, а Егерскій сталъ въ резервъ, верстахъ въ двухъ позади. Рота Его Величества осталась на той же горѣ и содержала пѣшую почту между Павловскимъ полкомъ и резервомъ.

Наступившая ночь прошла спокойно, и на утро предполагалась возобновить бомбардировку. Однако, этого исполнить не пришлось, потому что съ ранняго утра вершины горъ были затянуты такимъ непрогляднымъ туманомъ, что и въ двухъ шагахъ съ трудомъ можно было различить человѣческую фигуру. Такіе туманы рѣдко случаются у насъ; но въ странахъ гористыхъ, да еще въ позднюю осень, — сплошь да рядомъ! И скверная штука этотъ туманъ: ночь — не ночь, а все равно ничего не видно! Въ лѣсу же такой туманъ, да еще на позиціи въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля — и совсѣмъ плохо: не видно ни начальниковъ, ни товарищей, чувствуешь себя совершенно одинокимъ и что случись, — сразу не сообразишь, что дѣлать. Кромѣ того, въ подобной обстановкѣ, суета и переполохъ можетъ произойти ни съ того, ни съ сего. Выстрѣлять гдѣ-нибудь, — думаешь, непріятель стрѣляетъ и самъ начнешь стрѣлять въ туманъ и пошла потѣха. Такой именно переполохъ произошелъ утромъ, 22-го ноября, на «Московской горѣ». Кто-то выстрѣлилъ; за нимъ другой, третій. Всполюшились турки, тоже начали стрѣлять и не прошло и пяти минутъ, какъ по всей позиціи за-трещали выстрѣлы.

— Опять полѣзли на батареи!— послышалось среди расположенныхъ внизу войскъ.— Ужъ больно она имъ бѣльмомъ на глазу сѣла— не унимаются!

Однако, перестрѣлка скоро прекратилась сама-собою. Никто не думалъ наступать, а какъ я и говорилъ, какому-нибудь молодцу показалась въ туманѣ турецкая красная феска *); онъ и выпалилъ, сосѣдъ повторилъ и пошла писать. Въ нашей 4-й ротѣ, въ тоже время, еще лучше былъ случай. Стоитъ это она себѣ въ лѣску; кругомъ туманъ, ничего не видно; глядь,—сзади лѣзетъ по горѣ турокъ съ ружьемъ. Одинъ-ли онъ, или за нимъ идетъ цѣлая колонна въ тылъ—не разберешь, а тутъ, какъ на грѣхъ, первый, увидѣвшій его, возьми, да и крикни: «турки сзади!» Встрепенулась рота, схватилась за ружья, видитъ—турокъ какъ есть настоящій: въ амуниціи и съ ружьемъ, только наступаетъ какъ-то робко. Оказалось, что онъ одинъ, сбился съ дороги въ лѣсу и вмѣсто своихъ попалъ къ намъ. Обезоружили раба Божія и отправили внизъ подъ конвоемъ, а дѣло тѣмъ и кончилось.

Много смѣялись потомъ надъ этимъ случаемъ и положительно не давали прохода стрѣлку, крикнувшему, что «турки сзади!»

— Эхъ, братъ, въ глазахъ-то у тебя задвоилось отъ тумана, аль отъ безсонной ночи.

— Турки! Какіе, чортъ, турки, когда одинъ, да и тотъ самъ въ руки лѣзетъ.

— Да я, братцы, думалъ, — за нимъ еще идутъ. Кто ихъ разберетъ. Имъ дороги здѣсь извѣстны, а мы

*) Суконная красная шапочка съ кисточкой.

въ первой на этихъ горахъ, — смущенно оправдывался стрѣлокъ.

Между тѣмъ, къ намъ все прибывали и прибывали свѣжія войска. За Павловцами и Егерями прибыли Преображенцы и Финляндцы. Въ ночь съ 22-го на 23-е ввозили и устанавливали орудія на правыхъ горахъ, а съ «Московской горы» спустили внизъ 2-й стрѣлковый баталіонъ и наши двѣ роты.

Туманъ не расходилъ. Пронизывающая сырость заставляла плотнѣе закутываться въ порядкомъ уже износившіяся шинели. Изодранная въ непрерывномъ лазаньи по горамъ, солдатская и офицерская обувь — валилась съ ногъ. Сухари, чай и сахаръ приходили къ концу. Словомъ, наступало такое время, въ которое ко всѣмъ непріятельскимъ пулямъ и гранатамъ прибавлялись еще голодъ и нужда. Нужно было испытывать въ этомъ свои силы и показать, на сколько свято русскій солдатъ умѣетъ исполнять принятую присягу, на сколько безропотно привыкъ онъ переносить голодъ и холодъ, и всѣ солдатскія нужды, и къ чести его нужно сказать, что онъ геройски перенесъ всѣ испытанія и вышелъ изъ нихъ такимъ же веселымъ и бодрымъ побѣдителемъ, какимъ выходилъ изъ подъ непріятельскихъ пуль и гранатъ. Хвала вамъ, русскіе солдаты, никогда не забывающіе долга службы! Честь и слава вашимъ начальникамъ, сумѣвшимъ научить васъ этому!

Однако, возвращусь къ своему разсказу. 23-го числа, точно также, какъ и 22-го, не обошлось безъ перестрѣлки. Началась она около 12-ти часовъ, на правой горѣ, затѣмъ перешла на «Московскую» и скоро утихла.

Тревожные дни 21-го, 22-го и 23-го ноября не останавливали, однако, работу по укрѣпленію занятыхъ позицій. Съ утра и до ночи тащили въ горы орудія, рыли батареи и усиливали новыми войсками. Первоначально ничтожный, отрядъ теперь выросъ до значительныхъ размѣровъ и могъ служить вѣрной порукой за то, что турки не рискнуть снова броситься на насъ, а если и рискнуть, то съ малой надеждой на успѣхъ. Вмѣстѣ съ прибывающими войсками, скоро на позицію прибылъ графъ Шуваловъ *), а 26-го ноября и самъ генераль Турко.

Въ этотъ день, извѣстный, конечно, каждому военному, празднуется память святаго великомученика Георгія-Побѣдоносца, въ честь котораго и учрежденъ самый высшій военный орденъ: «св. Георгія». Вотъ и теперь, въ дикихъ трущобахъ Балканъ, небольшая кучка кавалеровъ собралась вокругъ палатки графа Шувалова, чтобы отпраздновать этотъ день, чѣмъ Богъ послалъ. Вынесъ графъ Шуваловъ штофъ російской водки, разлилъ ее кому въ стаканчикъ, кому въ крышку манерки, поздравилъ молодцовъ-кавалеровъ, выпилъ за ихъ здоровье и отпустилъ съ Богомъ по мѣстамъ.

На слѣдующій день, у насъ, въ баталіонѣ, къ старымъ георгіевскимъ кавалерамъ прибавилось двѣнадцать новыхъ, за Правецкій бой. Раздавая въ роты вновь полученные кресты, при собраніи всего баталіона, командиръ баталіона сказалъ: «Смотри, ребята, этотъ орденъ даромъ не дается. Заслужили вы его молодецкимъ дѣломъ, но и впередъ должны стараться быть

*) Бывшій потомъ командиромъ Гвардейскаго корпуса.

примѣромъ для товарищей и поддерживать ихъ въ минуты трудныя».

— Постараемся, ваше высокоблагородіе, — отвѣтили герои Правецкаго боя и дружное «ура» всего баталіона закончило церемонію раздачи крестовъ.

Арабъ-Конакская позиція, какъ я уже говорилъ, съ прибытіемъ свѣжихъ войскъ значительно усилилась, такъ что явилась возможность дать частямъ, наиболѣе изнуреннымъ, хотя временной отдыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, привести хотя въ сколько-нибудь сносный видъ растерзанную одежду и обувь. Съ этою цѣлью, Гвардейская стрѣлковая бригада, вмѣстѣ съ другими войсками, назначалась въ общій резервъ и должна была, 29-го ноября, двинуться верстъ за 16-ть назадъ, въ деревню Врачешъ. Въ пріятномъ ожиданіи этого отдыха проходили послѣдніе дни стоянки на Арабъ-Конакской горѣ; проходили томительно-медленно. Наконецъ, наступило 28-е число, а на утро, по оледенѣлой отъ мороза дорогѣ, стрѣлковая бригада двинулась на отдыхъ.

* * *

Посмотримъ теперь, что происходило въ другихъ мѣстахъ Турціи въ то время, когда мы, пробираясь по балканскимъ тропамъ, били турокъ на высотахъ Павеца и Арабъ-Конака.

Увлеченные собственными дѣлами, мы совершенно забыли объ оставленной нами позади Плевнѣ, съ ея сорока-тысячной арміей. А между тѣмъ, она все еще продолжала держаться, и это упорное сидѣнье Осман-паши, дождавшаго, быть можетъ, послѣдній сухарь, заставляло предполагать, что если и сдастся онъ намъ

когда-нибудь, то не добровольно, а сначала попробуеть прорваться. И дѣйствительно. Наканунѣ нашего выступленія изъ подъ Арабъ-Конака, Плевна какъ-то вдругъ напомнила о себѣ. Поговаривали, что въ этотъ день графъ Шуваловъ получилъ какую-то телеграмму оттуда, извѣщавшую, что Османъ-паша вышелъ изъ Плевны и всѣми силами ударилъ на Гренадеръ, въ надеждѣ прорваться и зайти намъ въ тылъ. Чѣмъ кончилась эта попытка — ничего еще извѣстно не было.

Подвигаясь теперь къ Врачешу, мы, само-собой, расуждали о только-что слышанномъ и съ нетерпѣніемъ ожидали болѣе положительныхъ извѣстій; вдругъ, на встрѣчу ѣдетъ какой-то полупьяный артиллеристъ. Ёдетъ не спѣша, поровнялся съ нами, да такъ и выпалилъ:

— Плевна-то, братцы, едалась!

— Что? Гдѣ? Когда? — посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы на полупьянаго артиллериста.

— Вчерась.

— Да откуда ты слышалъ? Толкомъ расскажи! — приставали стрѣлки.

И повѣрить-то хотѣлось, и опасно: ужъ много разъ надували насъ такими извѣстіями.

Артиллеристъ проѣхалъ уже и давно скрылся изъ вида, а мы все никакъ не могли успокоиться отъ его словъ и въ какомъ-то тревожномъ настроеніи продолжали подвигаться далѣе.

— Навралъ, подлецъ! Съ пьяныхъ глазъ померещилось! — посылали ему въ догонку стрѣлки, недовольные обманутой надеждой.

А вышло-то правильно. Хотя и пьяный артиллеристъ (вѣрно и хватилъ-то не въ мѣру отъ радости при полученіи этого извѣстія), а сказалъ сущую правду.

Османъ-паша, дѣйствительно, 28-го ноября вышелъ изъ Плевны и, какъ разъяренный левъ, бросился на Гренадеръ, но послѣ продолжительнаго и кровопролитнаго боя, принужденъ былъ, со всей своей арміей, сдаться въ плѣнъ *). Все это узнали мы на той же дорогѣ, отъ самаго генерала Турко, и громкимъ, долго неумолкаемымъ «ура», отвѣтили на столь радостное и давно ожидаемое извѣстіе. Черезъ нѣсколько времени, такое же «ура» раскатилось по всѣмъ позиціямъ и троекратные залпы изъ орудій возвѣстили туркамъ о сдачѣ въ плѣнъ ихъ лучшей арміи и храбрѣйшаго изъ командировъ.

Съ радостью въ сердцахъ и легко вздохнувши, вступили мы въ деревню Врачешъ и на другой-же день принялись за исправленіе обуви и одежды. Матеріаловъ подходящихъ не было, да и достать нельзя ни за какія деньги. Пришлось кое-что обрѣзать, кое-что надставить обрѣзаннымъ. Дырявые сапоги обмотали воловьей кожей, перевили, какъ лапти, веревками, и хотя на время

*) При взятіи Плевны, въ наши руки досталось: 10 пашей, 128 штабъ-офицеровъ, 200 оберъ-офицеровъ, 44,000 нижнихъ чиновъ, 77 орудій и 1,200 кавалеристовъ. Въ самый день боя, 28-го ноября, турки потеряли убитыми и ранеными 4,000 человекъ, а нашъ Гренадерскій корпусъ: 57 офицеровъ и 1,792 нижнихъ чина.

Османъ-паша, тутъ-же, на мѣстѣ боя, вручилъ свою саблю генералу Ганецкому и, какъ военно-плѣнный, вмѣстѣ со всей своей многочисленной арміей, былъ отправленъ въ Россію. 3,600 человекъ больныхъ и раненыхъ турокъ остались въ опустѣвшей Плевнѣ, на нашемъ попеченіи.

защитили себя отъ холода и непогоды. Теплѣй, конечно, стало ногамъ, но воловья кожа отличалась другимъ важнымъ недостаткомъ: на морозѣ застывала и быстро натирала ногу, да и солдатъ въ такой обуви сдѣлался похожимъ на нищаго. «На нѣтъ, и суда нѣтъ», говоритъ пословица и какъ ни старались мы достать что-либо поудобнѣе,—ничего не могли подѣлать. За то помѣстились хорошо во Врачеши по избамъ, и избѣ было достаточно. Не доставало еще только табаку—весь выкурили, а извѣстно, для курящаго человѣка, въ походѣ, табакъ—главная вещь. Выкуришь папироску и сытъ и доволенъ. Пріуныли теперь курильщики, съ грустью поглядывая на свои, давно опустѣвшіе, «кисеты» и напѣвая извѣстную солдатскую пѣсню:

«Сѣно въ трубочкахъ курили,
Распростившись съ табачкомъ.»

И правда: кромѣ сѣна, да дубовыхъ листьевъ, ничего не оставалось имъ. Слышно было стороной, что громадныя транспорты обуви, теплой одежды и табаку направляются къ намъ, но добратся-то до насъ въ это время было трудно и, волей-неволей, пришлось довольствоваться тѣмъ, что есть и терпѣливо переносить всѣ труды. Это было еще тѣмъ легче, что никто не могъ похвастаться изобиліемъ одежды и обуви, даже офицеры ходили въ рваныхъ сапогахъ,—а на «міру и смерть красна».

Между тѣмъ, морозы усилились. Наступили такіе холода, какія и на матушкѣ Руси рѣдко бываютъ (18—20 градусовъ). Ужъ начтѣ русскій человѣкъ привыченъ къ морозамъ, а и то ёжился и натаскивалъ на себя все, что только было возможно. Въ особенности

плохо приходилось войскамъ, стоявшимъ на горахъ. То и дѣло, мимо насъ проводили и провозили отморожившихся въ Орханійскіе госпитали, и я такъ думаю, что этотъ новый нашъ врагъ—морозъ, больше причинилъ намъ вреда, чѣмъ всѣ турецкія пули и гранаты. Но если мы терпѣли отъ мороза, то еще больше отъ него терпѣли турки. Для нихъ морозъ явился неожиданностью (въ Турціи такихъ морозовъ, говорятъ, никогда прежде не бывало), и засталъ врасплохъ. Выпавшій затѣмъ, снѣгъ толстымъ слоемъ покрылъ долину и окрестныя горы. Захрустѣло подъ ногами... настала зима, настоящая, лютая зима!

Гвардейскіе стрѣлки, отведенные во Врачешъ для отдыха, не совсѣмъ-то отдыхали. Имъ приходилось по очереди, ходить на горы и занимать аванпостную цѣпь противъ небольшого турецкаго отряда, оставшагося еще въ горахъ и занимавшаго, такъ называемую, «Лютиковскую позицію». Какимъ образомъ случилось, что этотъ отрядъ не отступилъ, при общемъ отступленіи турокъ,—неизвѣстно, но, тѣмъ не менѣе, нельзя было оставить его безъ вниманія и вотъ, черезъ 2 дня въ 3-й, покидали мы свои избушки и начинали карабкаться, по глубокому снѣгу, на «Финскія горы». Это собственно были не горы, а одна крутая гора, подымавшаяся прямо надъ деревней и прозванная такъ потому, что первымъ ее занималъ нашъ Финскій баталіонъ. Взобравшись на гору, занимали ее, обыкновенно, такимъ образомъ: одна рота въ резервъ, на самой вершинѣ горы, у редута (построеннаго когда-то турками и затѣмъ брошеннаго); двѣ другія спускались нѣскольکو внизъ и по склонамъ выставляли сильную цѣпь;

послѣдняя спускалась вправо отъ горы, въ долину. Разстояніе до турокъ было версты двѣ, такъ что не только пули, но и гранаты ихъ до насъ не долетали. Приходилось, слѣдовательно, только сторожить ихъ.

Первая наша очередь пришлась на 3-е декабря. Забрали чай, сухари, все, что было теплаго, и потянулись на гору — смѣнять финскихъ стрѣлковъ. Смѣнили. Разставили цѣпь и занялись осмотромъ мѣстности. Турки занимаютъ редутъ на другой горѣ, а между нами и ими проходить широкая лощина. На днѣ лощины виднѣется небольшая караулка, куда на ночь посылаются, обыкновенно, «секреты».

Наступила ясная, лунная ночь. Отъ снѣга свѣтло, какъ днемъ. Морозъ усилился и лунный свѣтъ, яркими блестками, заигралъ въ оледенѣлыхъ вѣтвяхъ деревьевъ. Часовые, закутавши ноги въ полотно палатокъ и закопавши ихъ по колѣно въ снѣгу, зорко наблюдаютъ за непріятелемъ. Унтеръ-офицеры, офицеры, и наконецъ, самъ командиръ баталіона постоянно обходятъ цѣпь, опрашиваютъ часовыхъ, смотрятъ — нѣтъ-ли отморозившихся. Благодаря этому, ночь прошла благополучно. На утро, возвращавшійся изъ караулки нашъ «секретъ», попался на встрѣчу командиру баталіона.

— Откуда?

— Въ секретѣ были, ваше высокоблагородіе.

— Въ караулѣ?

— Никакъ нѣтъ.

— Отчего-же?

— Занята была уже, ваше высокоблагородіе, турецкимъ секретомъ.

— Чего-же вы ихъ не выгнали оттуда, да сами не заняли?

— Они, ваше высокоблагородіе, и сами насъ не беспокоятъ, если прежде нихъ займемъ. Увидятъ, что занято и прочь уйдутъ: гдѣ-нибудь поблизости помѣстятся. Въ другой разъ постараемся пораньше занять.

— Понимаю, — взаимная любезность, — промолвилъ командиръ и направился далѣе.

Такимъ образомъ, въ продолженіи всей стоянки во Врачешѣ, намъ пришлось четыре раза подыматься на «Финскія горы» и спускаться обратно въ деревню. Пришлось стоять и въ лунную морозную ночь, и въ просто морозную; а одинъ разъ, ко всему этому, повалилъ снѣгъ, да такой сильный, что къ утру всѣ палатки занесло вровень съ верхомъ, и помѣщавшіеся тамъ должны были откапываться. Надоѣло это безцѣльное тасканье на горы, а дѣлать нечего: турки, какъ примороженные, сидятъ — и не съ мѣста. Тогда генераль Раухъ, принявшій опять начальство надъ нами, вздумалъ спугнуть ихъ и съ этою цѣлью приказалъ изъ нашего баталіона вызвать 32 охотника изъ нижнихъ чиновъ и одного офицера. Охотникамъ этимъ надо было ночью, черезъ горы, пробраться въ тылъ туркамъ, устроить тамъ засаду и, когда они поведутъ на водной лошадей, сдѣлать по нимъ нѣсколько залповъ, произвести переполохъ и тѣмъ-же путемъ возвратиться назадъ. Предполагалось, что турки, обезумѣвшіе отъ такой неожиданности, бросятъ свою позицію и не будутъ больше заставлять насъ караулить себя. Задумано — сдѣлано. Тотчасъ, по полученіи этого приказанія, командиръ баталіона вызвалъ охотниковъ, по 8-ми изъ роты,

и одного офицера. Вышелъ весь баталіонъ. Всякому желалось попытать счастія въ такомъ опасномъ предпріятіи, а такъ какъ требовалось только 32 человѣка, то командиръ баталіона самъ выбралъ ихъ и отдалъ подѣ команду штабсъ-капитана Сипягина (командиръ 4-й роты). Передъ утромъ, крошечный отрядъ храбрецовъ выступилъ изъ деревни и двинулся въ горы за проводникомъ-болгариномъ. Сколько трудовъ пришлось перенести этой горсти охотниковъ, рискнувшей забраться въ тылъ непріятелю! Сколько пота потеряли они прежде, чѣмъ добрались до мѣста и залегли въ ожиданіи добычи!

На войнѣ, нужно замѣтить, главное дѣло — храбрость и дерзость. Съ этими качествами, два человѣка, нерѣдко, дѣлали то, что и 200 не сдѣлаютъ *). На это

*) Не могу удержаться, чтобы въ примѣръ этому, не рассказать одного случая, бывшаго въ минувшую войну съ вахмистромъ гвардейской Донской казачьей батареи, Антономъ Аведиковымъ. Дѣло было такъ: вахмистръ Аведиковъ, вмѣстѣ съ 4-мя казаками, составлялъ прикрытіе батарейнаго обоза, въ которомъ, кромѣ вещей, находилось еще 9,000 казенныхъ денегъ. Придя въ одну изъ деревень, онъ вдругъ узнаетъ отъ болгаръ, что къ этой деревнѣ направляются чело-вѣкъ 60 вооруженныхъ турокъ, что впереди деревни, верстахъ въ четырехъ, идетъ цѣлый ихъ баталіонъ пѣхоты, а въ сторонѣ рыщатъ баши-бузукъ и черкесы. Что дѣлать? Положеніе безвыходное, гибель неминуемая! Не долго думая, Аведиковъ рѣшается самъ атаковать 60 чело-вѣкъ турокъ, чтобы не допустить ихъ до деревни. Беретъ съ собою 4-хъ конныхъ казаковъ. 4-хъ подводниковъ сажаетъ на пристяжныхъ лошадей и приказываетъ имъ, обскакавши деревню, заѣхать въ тылъ турецкой партіи и поднять тамъ крикъ въ то время, какъ самъ атакуетъ съ фронта. Вынувъ револьверъ, пять дерзкихъ храбрецовъ лихо бросились въ атаку. Турки успѣли по нимъ сдѣлать два залпа, но такъ удачно, что никого не зацѣпили. Подскакавъ на 30 шаговъ, казаки, въ свою очередь, дали залпъ изъ револьверовъ и свалили двоихъ. Озадаченные такой неожиданной атакой, слыша, затѣмъ, гиканье и крики

именно рассчитывали и наши охотники и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія у колодца турецкихъ лошадей. Прошелъ часъ, два; зимній день клонился къ вечеру, а лошадей все не было. Приведетъ какой-нибудь одинъ лошадь, затѣмъ, черезъ полчаса, другой, и такъ все по одиночкѣ. Стрѣлять по одному не стоило, нужно было дождаться цѣлой кучи, чтобы произвести большій переполохъ, а самимъ успѣть убраться во время, не давъ времени туркамъ одуматься.

— Наврали братушки: никакихъ тутъ табуновъ нѣтъ. Зря сломали этакую дорогу,—ворчали стрѣлки, недовольные неудачей. — Вишь, по одному ѣздятъ, да что въ немъ толку, хоть и убьешь — только тревогу напрасную подымешь!

Прележавъ такимъ образомъ до ночи въ напрасныхъ ожиданіяхъ, штабсъ-капитанъ Сипягинъ рѣшился, наконецъ, возвратиться къ баталіону и доложить о своей неудачѣ. Къ утру, дѣйствительно, онъ прибылъ, а турки, по прежнему, остались на своихъ мѣстахъ.

Съ паденіемъ Плевны, масса войскъ, окружавшихъ ее, сдѣлалась свободна и направлялась на усиленіе нашего отряда. Ежедневно прибывали оттуда армейскіе и гренадерскіе полки и располагались около Врачеша и города Орханію. Носились слухи, что генераль Гурко рѣшилъ, не смотря на зиму и морозы, перейти Балканскія горы, окружить турокъ со всѣхъ сторонъ на

у себя въ тылу, турки до того растерялись, что тотчасъ-же побросали оружіе и 59 человекъ сдались въ плѣнъ, пяти, почти безоружнымъ, казакамъ! Забравъ оружіе и обозъ, Аведиковъ быстро двинулся назадъ, и за свой, отчаянно-геройскій поступокъ, былъ представленъ къ производству въ офицеры.

Арабъ-Конакской позиціи и затѣмъ двигаться далѣе, на городъ Софію. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на такой трудный и опасный шагъ, нужно было сосредоточить въ одномъ мѣстѣ побольше войскъ, дать этимъ войскамъ хотя временной отдыхъ и привести ихъ въ порядокъ.

Балканскіе горы, какъ я уже неоднократно говорилъ, до сего времени считались непроходимыми и только двѣ дороги, удобныя для движенія, пересѣкали ихъ. Одна шла черезъ Шипкинскій перевалъ, на турецкій городъ Адріанополь; другая — черезъ Арабъ-Конакскій — на Софію. Шипкинскій перевалъ почти съ самаго начала кампаніи былъ уже занятъ нашими войсками и по немъ, еще лѣтомъ, генералъ Турко перешелъ Балканы и очутился въ виду города Адріанополя; но принужденъ былъ отступить и занять позицію въ горахъ. Почти шесть мѣсяцевъ защитники Шипки геройски отстаивали перевалъ отъ многочисленной турецкой арміи.

Арабъ-Конакскій перевалъ, какъ мы знаемъ, былъ занятъ гвардіей 21-го ноября и черезъ него-то предполагалось двинуть войска къ городу Софіи. Затѣмъ, если это движеніе удастся, частью войскъ занять Софію, другою — зайти въ тылъ Шипкинскаго перевала и очистить и этотъ проходъ. Черезъ эти проходы направить за Балканы всѣ имѣющіяся у насъ силы и, соединившись, двинуть ихъ на турецкія столицы; сначала на городъ Адріанополь, а потомъ и на Константинополь.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, планъ всей дальнейшей войны съ Турціей. Начало его выполненія долженъ

былъ положить нашъ отрядъ, т. е. отрядъ генералъ-адъютанта Гурко.

Въ то время, когда мы стояли во Врачеши и стягивались новыя войска изъ подъ Плевны, генералъ Гурко рѣшалъ, какимъ образомъ лучше исполнить задуманный переходъ черезъ великіе Балканы, на сколько частей раздѣлить свой многочисленный отрядъ и какими путями направить его въ горы.

Все это, сначала въ видѣ слуховъ, доходило до насъ и вызывало всевозможныя разговоры и толки. 10-го же декабря, слухи эти подтвердились цѣлымъ рядомъ приказовъ и приказаній самого начальника отряда. Этими приказами, всѣ войска, собранныя на Софійскомъ шоссе, у Арабъ-Конака, раздѣлялись на пять отдѣльных отрядовъ; назначались начальники ихъ. Главныхъ отрядовъ, назначенныхъ собственно для перехода Балканскихъ горъ, было три. Одинъ изъ нихъ (средній), подъ начальствомъ генерала Рауха, долженъ былъ перейти Балканы нѣсколько правѣе Арабъ-Конакской позиціи. Другой (правый), подъ начальствомъ генерала Вельяминова, еще правѣе, черезъ гору Умургачъ, и наконецъ, третій (лѣвый), подъ начальствомъ генерала Дандевилля, лѣвѣе Арабъ-Конака, черезъ гору Баба. Остальные отряды должны были оставаться на занимаемыхъ позиціяхъ и наблюдать за непріателемъ; въ случаѣ же отступленія—преслѣдовать.

Спустившись съ горъ въ Софійскую долину, средній и лѣвый отряды должны были окружить непріателя со всѣхъ сторонъ въ Арабъ-Конакской позиціи и заставить сдаться, а правый—защищать въ это время первые два отъ войскъ, расположенныхъ въ Софін.

Всего войска назначалось: 81 баталіонъ, 160 орудій, 32 эскадрона, 16 казачьихъ сотенъ, что составитъ около 75,000 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ и отряды, остающіеся на позиціяхъ.

11-го декабря полученъ былъ новый приказъ начальника отряда, который я считаю нужнымъ привести здѣсь цѣликомъ:

«Городъ Орханіэ, 11-го декабря 1877 года.

«На дняхъ, войскамъ ввѣреннаго мнѣ отряда предстоитъ движеніе черезъ Балканскія горы. При этомъ принять къ руководству и исполненію слѣдующее:

«1. Взятый на людяхъ запасъ сухарей расходовать подъ личной отвѣтственностью ротныхъ, эскадронныхъ и батарейныхъ командировъ, которые обязаны, на вечернихъ перекличкахъ, лично дѣлать осмотръ сухарныхъ мѣшковъ. За преждевременное израсходованіе сухарной дачи, начальники будутъ подвергаемы строгому взысканію. Передъ выступленіемъ объявить людямъ всю важность сбереженія сухарей и что, по причинѣ горъ, неизвѣстно когда подойдутъ транспорты съ сухарями.

«2. Передъ выступленіемъ роздать людямъ трехдневную порцію мяса.

«3. Кавалеріи и артиллеріи имѣть трехдневную дачу ячменя.

«4. По утрамъ выдавать людямъ по чаркѣ водки.

«5. Начальникамъ отрядовъ предоставляется самимъ установить порядокъ движенія въ отрядахъ, съ соблюденіемъ, однако-же, слѣдующихъ условій:

«а) Орудія и зарядные ящики прикомандировать къ ротамъ, такъ, чтобы на одну роту приходилось по одному орудію, или одному зарядному ящику. При этомъ

ротные командиры отвѣчаютъ за безостановочность движенія прикомандированныхъ къ нимъ орудій и ящиковъ.

«б) Кавалеріи, кромѣ небольшой части, слѣдовать въ хвостѣ отрядовъ.

«в) Имѣющіеся при частяхъ, व्यюки вести за своими частями, т. е. ротные व्यюки—за ротами, баталіонные—за баталіонами и т. д.

«6. Никакихъ повозокъ не брать, за исключеніемъ аптечныхъ одноколокъ.

«7. Въ каждой части имѣть въ запасѣ лямки.

«8. Мѣры охраненія во время движенія должны состоять исключительно изъ боковыхъ пѣшихъ патрулей, во время ночлега—изъ пѣшихъ секретовъ.

«9. Начальникамъ, передъ выступленіемъ въ походъ, подтвердить ввѣреннымъ имъ частяхъ, строжайшее воспрещеніе поднимать тревогу и, въ особенности, производить стрѣльбу вслѣдствіе тревоги; нижнимъ чинамъ объяснить, что при слѣдованіи по такимъ трудностямъ, по какимъ намъ придется переваливать за Балканы, немыслимо серьезное нападеніе со стороны непріятеля, и только одиночные люди, или небольшія партіи могутъ покушаться тревожить.

«Начальникамъ колоннъ и частей принять строгія мѣры къ сохраненію и поддержанію порядка во время движенія и, въ особенности, наблюсти, чтобы колонны не растягивались и чтобы нижніе чины не выходили изъ фронта.

«Подписалъ начальникъ отряда,
генералъ-адъютантъ Гурко».

И такъ, приближалось трудное, тяжелое время. Все, пережитое нами до сихъ поръ, могло показаться пустяками въ сравненіи съ тѣмъ, что предстояло еще перенести. Нашъ баталіонъ, вмѣстѣ съ 4-мъ Императорской Фамиліи, по обыкновенію, былъ назначенъ въ авангардъ средняго отряда. Начались усиленные приготовленія. Опять пошли въ ходъ воловы кожи; зашивали, заштопывали ненадежныя мѣста, получали сухари, патроны, запасались силами на долгій и трудный путь. Въ этой суетѣ незамѣтно прошелъ остатокъ дней. Наканунѣ, командиръ баталіона собралъ къ себѣ всѣхъ ротныхъ командировъ, подтвердилъ имъ все то, что было сказано въ приказѣ начальника отряда и вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснилъ предстоящее движеніе, а начальникъ авангарда, генералъ Раухъ, написалъ слѣдующій приказъ:

«Войска авангарда! Вамъ выпала почетная и славная доля: въ головѣ нашихъ побѣдоносныхъ войскъ спуститься со снѣжныхъ высотъ балканскихъ, чтобы поразить врага въ его неприступномъ убѣжищѣ!

«Нашъ Царь, вся Россія, и весь свѣтъ слѣдятъ за вашими подвигами въ борьбѣ съ суровой природой и врагомъ, который укрылся на недоступныхъ кручахъ, не смѣя помѣряться съ вами силами въ открытомъ полѣ.

«Пойдемъ-же смѣло и бодро впередъ!

«Еще одно усиліе и, съ Божіей помощью, послѣдняя грозная преграда, подъ защитой которой укрылся непріятель, — останется за нами.

«Я увѣренъ, что ни стужа, ни мятель, ни высокія горы, а тѣмъ болѣе — непріятель, уже битый вами не одинъ разъ, ничто васъ не остановитъ.

«И такъ, на радость Царя, Россіи и за Христову вѣру, бодро вперед!»

Какъ какой-то невѣроятный сонъ, пролетѣли эти три мѣсяца. Всѣ труды и опасности, выпавшія на долю баталіона, были перенесены имъ съ твердостью, достойной русскаго солдата и того великаго народа, изъ среды котораго вышелъ этотъ солдатъ, — слава и гордость своего Отечества. Вамъ, читающимъ эти правдивыя воспоминанія, надлежитъ всегда помнить незабвенныя дѣла вашихъ сослуживцевъ и стараться брать примѣръ съ нихъ, въ исполненіи святыхъ обязанностей солдата, въ безпредѣльной любви къ своему Государю и Отечеству! Только съ такими качествами войско дѣлается побѣдоноснымъ и непобѣдимымъ!

IV.

Переходъ черезъ Великіе Балканы. — Позиція на „Черномъ верхѣ“. — Бой подъ Ташкисеномъ 19-го декабря 1877 года. — Дальнѣйшее движеніе на гор. Софію. — Сраженіе у дер. Враждебна, на р. Искеръ, 21-го декабря 1877 года. — Движеніе стрѣлковъ на соединеніе съ отрядомъ генерала Вельяминова, для атаки гор. Софіи. — Отступленіе турокъ. — Мирное занятіе гор. Софіи 23-го декабря 1877 года.

Наступило знаменитое утро 13-го декабря, — утро, въ которое многочисленный отрядъ генерала Гурко готовился совершить долгій и трудный путь. Еще звѣзды свѣтились на небѣ и морозная пыль бѣлымъ туманомъ носилась въ воздухѣ, когда отрядъ началъ медленно вытягиваться изъ деревни Врачешъ на шоссе. Отъ сильнаго мороза, снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами пѣхоты и колесами артиллеріи, а оледенѣлое шоссе, на далекое

разстояніе, отсвѣчивалось въ полусумракѣ декабрскаго утра. Поминутно скользя, въ неудобной обуви изъ воловьихъ кожъ, къ 9-ти часамъ утра дошли мы, по знакомому уже намъ, Арабъ-Конакскому ущелью, до того мѣста, гдѣ оно раздѣляется на двое: одно идетъ къ Арабъ - Конаку, другое поворачиваетъ направо и скоро упирается въ горы. Тутъ былъ сдѣланъ привалъ до 11-ти часовъ утра, послѣ котораго свернули вправо; впереди пошелъ Козловскій полкъ. Съ первыхъ же шаговъ, при подъемѣ въ горы, Козловскій полкъ встрѣтилъ неодолимыя препятствія и еле-еле подвигался впередъ. Слѣдовавшій за нимъ, нашъ баталіонъ принужденъ былъ ежеминутно останавливаться, иногда задерживаться на одномъ мѣстѣ часа на два, на три; и только къ 9-ти часамъ вечера мы сами добрались до подошвы горъ, пройдя за это время по ущелью не болѣе 3-хъ верстъ. Кажется, ужъ было время привыкнуть къ горамъ и насмотрѣться на нихъ, а все-же, подойдя теперь къ нимъ и увидя эти кручи, на которыя сейчасъ приходилось тащить орудія, мы невольно ахнули. Выпрягли лошадей, привязали толстыя веревки, ухватились за нихъ руками и, съ надеждой на Бога, дружно рванули орудіе въ гору. На долю баталіона пришлось два орудія и два зарядныхъ ящика. Рота Его Величества и 2-я тащили орудія, 3-я и 4-я — ящики.

Первоначально, движеніе происходило молча. Только стукъ колесъ о камни, да тяжелые вздохи стрѣлковъ нарушали тишину. Но вотъ, слышались подсчитыванія: «разъ, два, три — бери!» По послѣднему слову орудіе быстро прокатывалось нѣсколько сажень вверху и на минуту останавливалось. Затѣмъ опять подси-

тываніе, опять дружными усиліями орудіе подвигается впередъ и т. д. Съ каждымъ часомъ подсчитыванія становятся все громче и громче, а силъ все меньше и меньше; передышки дѣлаются болѣе продолжительными. Въ одномъ мѣстѣ затянули «дубинушку», въ другомъ— подхватили и скоро, давно знакомая, родная пѣсня, ободряя стрѣлковъ и придавая имъ новыя силы, неумолкаемо переливаясь отъ роты къ ротѣ, огласила дикія трущобы Балканъ.

«Ей, дубинушка, ухнемъ...» запѣвалъ охриплымъ голосомъ унтеръ-офицеръ роты Его Величества Меринковъ.

«Сама пойдетъ... пошла! пошла!...» подхватывали вслѣдъ за запѣвалой и еще на нѣсколько саженой подавались впередъ.

Наступила ночь, ясная, морозная. Работы не прекращались, пѣніе тоже. Только теперь отъ «дубинушки» остались лишь послѣднія слова: «пошла! пошла!» и тѣ съ трудомъ подхватывались обезсилѣвшими и обезголосившими стрѣлками. Къ утру, утомленіе людей, отъ непрерывной тяжелой работы, сдѣлалось особенно замѣтнымъ. Понатужатся, протащатъ орудіе, остановятся немножко передохнуть, смотришь: ужъ половина роты спитъ; а между тѣмъ, спать нельзя—и некогда, и замерзнуть-то сонному не долго. Дѣлать нечего. Черезъ 10 минутъ слышенъ голосъ ротнаго командира: «вставай, вставай, ребята! за работу!» — И опять тѣмъ же порядкомъ потянулись въ гору.

Ужъ сколько часовъ лѣземъ мы въ гору, а конца ей все нѣтъ, какъ нѣтъ. Взобрались на одну вершину, глядь — а за ней поднимается другая, да еще выше.

Кажется, вотъ-вотъ добрались. Собрали послѣднія силы, дружно вскатали орудіе... не тутъ-то было: точно изъ

Брань и добыча.

СПб. Литейня 54.

земли, вырастаютъ одна за другой громады, чтобы испытывать наше терпѣніе въ борьбѣ съ ними.

Конечно, во все время движенія, о горячей пищѣ никто и не думалъ. Грызли сухари, да время отъ времени, кипятили воду въ манеркахъ, называя ее «бульономъ». Что было вкуснаго въ этомъ «бульонѣ» — одному Богу извѣстно! И сами хлебавшіе его стрѣлки не разъ подсмѣивались другъ надъ другомъ. Въ особенности забавляла всѣхъ захваченная однимъ изъ стрѣлковъ болгарская ложка. Такая была она длинная, да широкая, что кто-то тутъ же посовѣтовалъ владѣльцу: — Ты, братъ, не бросай ее, пригодится переѣхать черезъ Дунай, когда назадъ пойдемъ.

Всѣ подобныя остроты и иногда мѣткія замѣчанія, заставляли на время забывать въ дѣйствительности скверное положеніе. Гдѣ со смѣхомъ и шутками, гдѣ скрѣпя сердце, но все же безропотно, продолжали втаскивать орудія съ подъема на подъемъ, и только одна дума постоянно у всѣхъ была на умѣ: какъ бы скорѣе дотащить до перевала, скорѣе увидѣть Софійскую долину. Про эту долину уже давно среди стрѣлковъ бродили различные слухи. Говорили, что стоитъ только попасть туда, чтобы позабыть всѣ труды, которые придется перенести для этого. Что тамъ никогда не бываетъ зимы, а даже въ это время цвѣтутъ розы и зрѣетъ виноградъ, что тамъ... словомъ — настоящий рай земной; да всего и не перечесть, что говорилось о Софійской долинѣ и что теперь тянуло насъ какъ можно скорѣе туда. Откуда пошли эти розсказы, кто первый пустилъ ихъ — неизвѣстно. Извѣстно только то, что имъ многіе вѣрили и никакими силами нельзя было разувѣрить.

Между тѣмъ, отъ генерала Гурко постоянно приѣз-

жали ординарцы, чтобы узнать, въ какомъ положеніи находится отрядъ и скоро-ли доберется до перевала. Дѣло въ томъ, что турки могли вовремя узнать о нашемъ движеніи въ горы и занять спуски съ нихъ и выходы въ долину ранѣе, чѣмъ займемъ ихъ мы. Генералъ Гурко, бывшій уже значительно впереди, какъ оказалось потомъ, именно этого и опасался, и, не переставая, торопилъ насъ; скоро онъ и самъ пріѣхалъ посмотреть на работы. Видъ всегда серьезнаго, любимаго начальника, придавъ новыя силы сбившимся съ ногъ стрѣлкамъ и громко отвѣтивъ: «здравія желаемъ, ваше превосходительство», они лихо прокатили передъ нимъ орудіе въ гору. Оставшіеся вполне довольнымъ бодрымъ, молодецкимъ видомъ стрѣлковъ, генералъ поѣхалъ дальше, а мы, по прежнему, продолжали свое дѣло.

Рядомъ съ нами, съ правой и съ лѣвой стороны, пробиралась, сквозь лѣсную чащу, кавказская казачья бригада. Большинство казаковъ было пѣшкомъ, нѣкоторые же, для облегченія, ухватились за хвосты своихъ лошадей и въ такомъ видѣ слѣдовали въ гору.

— Вѣдь выдумаетъ же, казачье, такую штуку. Мы пушки тащимъ, а ихъ самихъ лошади тащатъ. Хитрый народъ, нечего сказать! Да ужъ и лошади-то у нихъ хороши: ко всему привычны.

— Что лошади! ты-бъ, братъ, у нихъ посмотрѣлъ, что на лошади. Всякая провизія есть: куры, гуси, водка. Народъ запасливый! Одна нагайка чего стоитъ!

Совершенно справедливо. Казаку на войнѣ не то, что нашему брату—пѣхотинцу. У него съ собой на лошади цѣлый домъ и чего, чего не найдешь тамъ. Налетятъ на турецкій обозъ, разобьютъ вдребезги при-

крытіе и готово дѣло:—запасъ пополненъ и самъ сытъ, и лошадь не голодна. Въ особенности въ минувшую компанію отличалась Кавказская казачья бригада и мы очень были довольны, когда она находилась при насъ. Казаки тоже любили ходить въ бой со стрѣлками и не разъ выражали намъ это.

— Главное дѣло,—говорили они,—ходите вы шустро. Отъ насъ не отстаете; да и привыкли мы ужъ къ стрѣлкамъ: первый походъ за Балканы сломали съ ними *).

Въ такомъ видѣ были дѣла 14-го декабря утромъ. Все шло благополучно; встрѣчавшіеся на пути обрывы, кручи, какъ стѣна, подъемы оставались, мало-по-малу, позади, но въ концѣ-концовъ, все-же не обошлось безъ несчастія, и выпало оно на долю нашей 4-й роты. На одномъ изъ подъемовъ, канатъ, за который рота тащила зарядный ящикъ, отъ чрезмѣрнаго усилія, или отъ непрочности, — лопнулъ, и вся громадная масса стремительно покатила назадъ, цѣпляясь за камни и деревья, сваливая съ ногъ попадавшихъ стрѣлковъ, и съ минуты на минуту, грозя исчезнуть въ безднѣ. Ужасъ охватилъ всѣхъ. Еще мигъ—и ящикъ слетитъ въ бездонную пропасть, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ труды, потраченные на подъемъ его, пропадутъ даромъ. Къ счастью, этого не было. Случайно оборвавшійся, онъ также случайно свернулъ съ первоначальнаго направленія, ударился о дерево и повисъ надъ пропастью. На минуту отлегло отъ сердца,—ящикъ спасенъ; но не спаслись тѣ четыре

*) Первый лѣтній походъ за Балканы казачья бригада, дѣйствительно, сдѣлала со стрѣлками 4-й армейской бригады.

стрѣлка, которые подпирали его сзади во время подъема и не успѣли отбѣжать въ сторону. Въ общемъ переполохѣ, только теперь замѣтили ихъ на снѣгу, и когда подбѣжали, то оказалось, что одинъ — горнистъ Францъ Корманъ, — задавленъ на смерть; трое-же — тяжело ранены. На мѣсто происшествія тотчасъ же явился командиръ баталіона и приказалъ раненыхъ отправить въ госпиталь, а задавленного горниста похоронить тутъ-же.

— Не быть добру! разсуждали вѣрившіе въ различные примѣты стрѣлки. — Все такъ хорошо шло и нужно же было оборваться канату!

— Какой, вѣдь, крѣпкій-то, а какъ ножомъ перерѣзало! — говорили другіе, разсматривая лопнувшій канатъ.

— Мало еще задавило; многіе разбѣжаться успѣли, не то бы тутъ было, — не одного бы похоронили!

Кромѣ раненыхъ и убитого, у многихъ оказались еще болѣе или менѣе сильные ушибы. Теперь предстояло вытащить обратно на дорогу зарядный ящикъ. Долго думали, радили, какъ-бы лучше это исполнить, такъ какъ онъ положительно висѣлъ надъ пропастью и при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи могъ сорваться туда. Пробовали и такъ, и этакъ, — все не выходитъ. Наконецъ, съ Божьей помощью, вытащили, привязали новый запасный канатъ и тронулись.

За этимъ занятіемъ и не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ. Погода испортилась. Поднялся сильный, рѣзкій вѣтеръ, закрутилъ снѣгъ и скоро и та несчастная дорога, по которой съ трудомъ пробирались днемъ, исчезла въ снѣжномъ вихрѣ. Къ счастью еще, что въ

это время не далеко оставалось до перевала. Рота Его Величества, собравъ послѣдній остатокъ силъ, уже готова была взобраться на него и хотя временно передохнуть; но, чѣмъ ближе она подвигалась къ завѣтной цѣли, тѣмъ яростнѣй бушевала мятель. Снѣгъ хлопьями залѣплялъ глаза, заметалъ дорогу и толстыми, рыхлыми сугробами ложился на землю. Изнуренная до послѣдней крайности неустанной борьбой съ горами и погодой, въ 11 часовъ вечера, вступила она на перевалъ и привезла съ собой орудіе.

Наконецъ-то! Послѣ 41 часа непрерывнаго движенія, безъ сна и пищи, среди снѣговъ Балканскихъ, достигли мы завѣтной цѣли! Чрезмѣрные труды, перенесенные при этомъ, только теперь въ полной силѣ отразились на людяхъ. Кромѣ усталости и голода, замѣчалось еще странное явленіе: утомленнымъ глазамъ, обширная поляна перевала, съ громадными буковыми деревьями по окраинамъ и кой-гдѣ мерцающими кострами, представилась чѣмъ-то въ родѣ населеннаго города, съ лавками и магазинами, съ причудливыми башнями и замками. Конечно, все это было обманъ и такъ казалось намъ только въ первую минуту нашего появленія на перевалѣ. Осмотрѣвшись, мы увидѣли, что, въ дѣйствительности, перевалъ—ничто иное, какъ поляна, занесенная глубокими сугробами снѣга, на которыхъ предстояло теперь расположиться для отдыха ротѣ Его Величества. Окоченѣвшими отъ холода руками, съ большимъ трудомъ, разбили мы палатки; съ меньшимъ трудомъ развели, ежеминутно задуваемые вѣтромъ, костры, и стали ожидать прибытія остальныхъ ротъ баталіона.

Рота Его Величества на этотъ разъ оказалась

счастливые другихъ, и въ то время, когда она уже отдыхала, сдѣлавъ свое дѣло, другія, задерживаемыя на каждомъ шагу разыгравшеюся мятелью, безъостановочно продолжали работать, и только въ 2 часа ночи пришла 2-я, за ней, въ 6 часовъ утра,—3-я и, наконецъ,—въ 10 часовъ утра, 15-го,—4-я рота, пробывъ въ пути, отъ начала движенія, ровно 54 часа.

Взобравшіеся на перевалъ ночью, съ нетерпѣніемъ ожидали наступленія дня, чтобы взглянуть на открывавшійся отсюда видъ на Софійскую долину.

Каково-же было ихъ удивленіе, когда восходящее солнце, вмѣсто ожидаемыхъ розъ и виноградниковъ, освѣтило обширную долину, покрытую, такъ же какъ и окружающія ее горы, снѣгомъ.

— Вотъ такъ розы! Вотъ и нѣтъ зимы за Балканами! — невольно восклицали, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, стрѣлки.

Минутное разочарованіе, однако, скоро прошло подвліяніемъ инаго зрѣлища, открывшагося съ перевала съ восходомъ солнца.

Давно знакомыя горы Арабъ-Конака и Шандорника, во всемъ своемъ величій, виднѣлись влѣво, а за ними, еще лѣвѣе, — громадная снѣжная вершина «Бабы-горы», черезъ которую, непрерывной черной змѣей, ползъ отрядъ генерала Дандевиля. Правѣе — такая же вершина горы «Умургачъ» и вокругъ нея — отрядъ генерала Вельяминова. Въ срединѣ — наша колонна.

Ползутъ эти три громадныя змѣи русскихъ войскъ на виду у турокъ и съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе окружаютъ ихъ непреступныя позиціи.

Черезъ 2 часа по приходѣ послѣдней роты на пе-

ревалъ, т. е. въ 12 часовъ дня, 15-го декабря, начался спускъ съ Балканъ. Такъ какъ эта часть пути почти на всемъ своемъ протяженіи была на виду непріятеля, то она не могла быть заранѣе разработана и имѣла видъ крутыхъ спусковъ, пересѣченныхъ рывтинами и водомойнами и покрытыхъ сплошь камнями. По такой-то дорогѣ приходилось теперь двигаться и тащить орудія.

Если подъемъ на Балканы былъ труденъ, то спускъ съ нихъ оказался не легче. Двинувшаяся впереди, 4-я рота съ ящикомъ съ первыхъ же шаговъ убѣдилась въ этомъ. Зацѣпивъ канатомъ ящикъ и ухватившись за него, люди всѣми силами удерживали стремительное движеніе его съ кручи; но, не смотря на это, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ящикъ такъ сильно тянулъ подъ гору, что, сдерживая его, приходилось садиться, или ложиться, и въ такомъ положеніи, разрывая одежду и обувь объ острые камни, скатываться вмѣстѣ съ нимъ.

За 4-й ротой, такимъ же порядкомъ, слѣдовала 3-я, за ней — 2-я и, наконецъ, 1-я.

На расстояніи $\frac{1}{3}$ пути отъ вершины, на спускъ находилась небольшая площадка, на которой, для временной передышки, остановился баталіонъ. За нами слѣдовали «Императорскіе» стрѣлки, и вотъ, въ то время, когда мы стояли на этой площадке, составивъ ружья, видимъ, на насъ съ горы летитъ оборвавшееся у Императорцевъ орудіе, а на дышлѣ этого орудія виситъ стрѣлокъ. Со страшнымъ трескомъ, цѣпляясь за камни и перескакивая ихъ, несется оно и, вотъ-вотъ, готово или наскочить на насъ, или свернуть съ пути и

исчезнуть вмѣстѣ съ несчастнымъ стрѣлкомъ въ обрывѣ. Невольный крикъ ужаса вырвался у насъ, но, при всемъ желаніи, —помочь было невозможно. Нѣсколько ужасныхъ секундъ ожиданія и боязни за жизнь стрѣлка показались часами и всѣ уже были готовы считать его погибшимъ, какъ вдругъ, совершенно случайно, орудіе поворачиваетъ на площадку и, стукнувшись колесами о лежащій тутъ громадный камень, останавливается. Отъ этого толчка, обезсилѣвшій стрѣлокъ свалился съ дышла и переломилъ себѣ два ребра.

Каждый, конечно, можетъ себѣ вообразить, что вынесъ этотъ стрѣлокъ во время этого страшнаго полета, что чувствовали мы, на глазахъ которыхъ совершился этотъ полетъ!

На войнѣ, впрочемъ, гдѣ смерть кругомъ, всѣ подобные случаи не останавливаютъ начатаго дѣла. Пострадавшаго пожалѣли, отправили назадъ, черезъ Балканы, въ госпиталь, а сами двинулись далѣе. Въ это время, гдѣ-то впереди раздались ружейные выстрѣлы. Какъ оказалось, это стрѣляли черкесы по генералу Гурко, отправившемуся осматривать мѣстность.

Не смотря на то, что впереди насъ уже находился Лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, разрабатывавшій дорогу черезъ Балканы, мы должны были торопиться и напрягали всѣ силы, чтобы скорѣе спуститься съ горъ и занять выходы въ долину. Для турокъ теперь уже не было секретомъ наше движеніе и они могли ежеминутно задержать насъ въ горахъ, направивъ свои войска на встрѣчу. Какъ на зло, наступившая ночь еще болѣе затруднила движеніе. Думали даже приоста-

новить его на время и начать съ восходомъ луны, но это предположеніе скоро было оставлено и рѣшено—лучше двигаться медленно, но безостановочно.

Около 9-ти часовъ вечера, спустилась съ горъ наша послѣдняя рота и направилась, вслѣдъ за другими, въ деревню Чурьякъ, гдѣ предполагался ночлегъ. Эта деревушка лежала у подошвы Балканъ, въ ущельѣ, и только небольшой хребетъ горъ отдѣлялъ его отъ Софійской долины, куда стремились мы и куда можно было попасть, не взбираясь на горы, а черезъ образовавшіеся въ нихъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, проходы. Проходы, ко времени нашего спуска, были уже очищены Преображенскимъ полкомъ отъ занимавшихъ ихъ черкесовъ.

Въ 11 часовъ вечера всѣ наши роты собрались уже въ названной деревнѣ и расположились на ночлегъ по избамъ.

Какое счастье, послѣ столькихъ часовъ холода и голода, попасть въ теплую избу, на ночлегъ! Каждый поспѣшилъ воспользоваться поскорѣ этой неожиданной благодатью и отдохнуть, и закусить на славу. Задымилась трубы, закипѣли манерки и начались приготовленія всевозможныхъ суповъ и бульоновъ. Хотѣлось, во что бы то ни стало, попробовать горячаго, послѣ столькихъ дней сухоядѣнія, и незамѣтно, за такими занятіями, прошла часть ночи. Почему-то рассчитывали, что намъ здѣсь дадутъ отдохнуть какъ слѣдуетъ и потому никто не торопился спать.

Скоро, однако, мы убѣдились, что жестоко ошиблись въ своихъ расчетахъ. Отдыхать еще было не время и въ полученномъ въ 2 часа ночи приказаніи началь-

ника отряда предписывалось: нашему баталіону, вмѣстѣ съ 2-мя баталіонами Козловскаго полка, подъ командой флигель-адъютанта полковника Васмунда, выступить изъ деревни въ 4 часа утра (16-го декабря) и занять позицію на горахъ, называемыхъ «Черный Верхъ».

Спать опять почти совсѣмъ не пришлось и, въ назначенное время, вновь сформированный отрядъ двинулся въ горы. Кругомъ — полнѣйшій мракъ. Дороги никакой. Снѣгъ по колѣно. Къ счастью нашему еще, что при насъ не было артиллеріи и, хотя съ трудомъ и медленно, мы все-же безостановочно могли подвигаться впередъ.

Не знаю, сколько времени шли мы такимъ образомъ, въ полнѣйшей темнотѣ и по совершенно незнакомой мѣстности; только съ разсвѣтомъ очутились опять высоко надъ долиной и могли безпрепятственно наблюдать, что происходитъ тамъ. Сначала не ясно, затѣмъ все яснѣй и яснѣй, начали вырисовываться различные предметы и, наконецъ, безъ труда можно было уже различить всю долину, шоссе и громадный турецкій обозъ протянувшійся безконечной вереницей по этому шоссе и направлявшійся, по видимому, изъ гор. Софіи къ Арабъ-Конаку. Въ сторонѣ непріятеля, у деревни Ташкисень, на возвышенностяхъ, замѣтны были движущіяся черныя точки: то были турки, какъ видно, спѣшившіе занять позиціи и укрѣпиться. Съ каждой минутой суета и переполохъ въ непріятельскомъ лагерѣ усиливаются. Густая цѣпь пѣхоты и кавалеріи разсыпалась по долинѣ и принимаетъ то вправо, то влево. Что означало такое передвиженіе, мы сначала не догадывались, но скоро увидѣли причину его. Наши

казачки уже были въ долинѣ и лихо расправлялись съ турецкимъ обозомъ. Прикрывавшіе его черкесы разсѣялись и небольшими кучками шныряли по долинѣ, натываясь на каждомъ шагу на казаковъ и вступая въ кровопролитныя схватки.

Подвигаясь затѣмъ далѣе, мы скоро подошли къ вершинѣ «Чернаго Верха» и на нѣсколько времени приостановились. Командиръ баталіона, какъ начальникъ нашего отряда, поѣхалъ впередъ осматривать мѣстность и выбирать позицію, и вотъ что, приблизительно, увидѣлъ онъ съ вершины:

Турецкія позиціи Арабъ-Конака и Шандорника, противъ которыхъ, въ настоящее время, стоялъ отрядъ графа Шувалова, со стороны Софійской долины запирались невысокими горами, усиленно укрѣпляемыми теперь турками. Гора, которую заняли мы, была выше всѣхъ остальныхъ. У подошвы ея стояла деревня Даушкюй, а правѣе разстилалась обширная долина. Спустившемуся съ Балканъ отряду предстояло атаковать турокъ на этихъ позиціяхъ. Въ ожиданіи этой атаки, нашъ маленькій отрядъ, какъ нѣкогда подъ Правцемъ, расположился въ снѣгу на горахъ и первое время служилъ связью между отрядами графа Шувалова и генерала Рауха. Этотъ послѣдній, по мѣрѣ перевала черезъ Балканы, сосредоточивался въ Софійской долинѣ и приготавливался къ главной атакѣ на фронтъ непріятельскихъ укрѣпленій у деревни Ташкисенъ. Генераль Вельяминовъ, какъ мы знаемъ, переходившій Балканы правѣе насъ, спустившись съ нихъ, повернулъ направо, къ гор. Софіи, и долженъ былъ защищать нашъ тылъ отъ войскъ, расположенныхъ тамъ. Генераль же Дан-

девиць, предполагалось, запретъ турокъ съ 4-й стороны въ Арабъ-Конакской котловинѣ и не позволить имъ уйти оттуда на г. Татаръ-Базарджикъ.

Придя на «Черный Верхъ», мы выставили аванпостную цѣпь по гребню, а сами расположились бивуакомъ на вершинѣ. Не смотря на то, что мы были уже за Балканами и въблизи долины, на которой «никогда не бываетъ зимы», какъ полагали раньше, — холодъ стоялъ страшный и, вдобавокъ ко всему этому, мятель и вьюга не унимались. Свободныя роты тотчасъ же разбили на снѣгу палатки и къ утру отъ нихъ остались лишь кончики палокъ — все было занесено сугробами. «Все худшее — все къ лучшему», говорить пословица. И дѣйствительно. Толстый слой снѣга, завалившій палатки со всѣхъ сторонъ, сдѣлалъ ихъ такими теплыми, что никто не хотѣлъ, безъ нужды, покидать ихъ, и только нѣсколько стрѣлковъ, охотниковъ до чая, копошились у костра, напрасно стараясь разжечь его.

Въ такомъ медвѣжьемъ положеніи пробыли мы почти три дня, выходя изъ палатки только для содержанія аванпостной цѣпи и вообще для службы. Единственное удовольствіе — чай, и тотъ приходилось добывать съ большимъ трудомъ. Дровъ не было; воды тоже. Наберутъ гдѣ-нибудь сырыхъ щепокъ, ухитрятся зажечь, — смотришь, задуло вѣтромъ, забросало снѣгомъ, а если и придется вскипятить снѣговой воды и заварить чай, то и это не на радость: — дымомъ пахнетъ за аршинъ.

Скверно было на бивуакѣ, еще хуже на аванпостахъ. Часовой стоитъ чуть не по поясъ въ снѣгу, главный карауль — тоже. Кругомъ — непроглядная тьма.

и только вѣтеръ гуляетъ на просторѣ и завываетъ въ трущобахъ, да морозъ пощипываетъ окоченѣлые члены. Во избѣжаніе замерзанія, пришлось, время отъ времени, разносить по цѣпи спиртъ и, глоткомъ-другимъ крѣпчайшаго напитка, согрѣвать продрогшихъ часовыхъ.

Благодаря этой неусыпной заботливости, и на сей разъ все обошлось благополучно.

«Охъ ты зимушка, зима, холодна очень была», — напѣваетъ стрѣлокъ, подпрыгивая съ ноги на ногу и хлопая себя руками.

«Заморозила меня», — подхватываетъ другой, немилосердно натирая носъ суконной рукавицей.

Да, было время, да былѣмъ поросло! Вспоминая теперь эти долгіе дни голода, безсонницы и промерзанья, невольно удивляешься: какимъ образомъ все это переносилось, и, что всего удивительнѣе, — переносилось, такъ сказать, съ удовольствіемъ, безъ малѣйшаго унынія, или недовольства. И въ голову никому не приходило роптать на судьбу. Приказано, — значить такъ надо, — вотъ и все. Нижнимъ чинамъ въ этомъ отношеніи на войнѣ лучше, чѣмъ офицеру. Солдатъ знаетъ только себя, заботится только о себѣ. Провизія при немъ, необходимыя вещи тоже — и горя мало! Не то совсѣмъ офицеру. Ему нужно, прежде себя, озаботиться о подчиненныхъ, чтобы они были сыты, одѣты; осмотрѣть, нѣтъ-ли больныхъ. И смотришь, бывало: нижніе чины уже залѣзли въ палатки, а баталіонный, или ротный командиръ все еще ходитъ и распоряжается. Наконецъ успокоились, — хватъ, а самому ѣсть нечего: провизія на выюкахъ гдѣ-нибудь далеко позади и, Богъ знаетъ, когда еще прибудетъ, а то такъ и палатокъ нѣтъ.

Соберутся вокруг костерчика и ждутъ. Въ такомъ случаѣ, обыкновенно, стрѣлки сами начинали заботиться о своихъ офицерахъ: со всѣхъ сторонъ суютъ сухари, угощаютъ чаемъ, вытаскиваютъ изъ кармановъ кусочки сахара, вываленнаго въ крошкахъ сухарей, или, еще хуже, — въ табакъ, и на перерывъ спѣшатъ предложить свои услуги.

— Спасибо, спасибо, братцы, у насъ уже все есть. Идите себѣ съ Богомъ отдыхать, — костеръ только поддерживать не забывайте, — отказываются офицеры, снабженные всякой всячиной въ изобиліи и хлебавшіе изъ крышки манерки въ прикуску жиденскій чай.

Конечно, съ прибытіемъ обозовъ, все взятое возвращалось съ избыткомъ; но какъ не вспомнить эту дорогую черту русскаго солдата, достойную полной похвалы. Пусть читающіе эти «вспоминанія» берутъ ихъ въ примѣръ и видятъ: какъ долженъ настоящій солдатъ относиться въ походѣ къ своему офицеру. Если стадо безъ пастуха не можетъ быть, то, тѣмъ болѣе, — войско безъ начальника, и стало быть, каждый подчиненный обязанъ хранить и беречь своего начальника во всѣхъ опасныхъ случаяхъ. Русская армія всегда отличалась этимъ и въ минувшую войну блистательно доказала еще разъ, что духъ Суворовскихъ чудо-богатырей крѣпко держится въ ней!

Пока мы стояли, такимъ образомъ, на «Черномъ Верхѣ», отрядъ генерала Рауха собрался въ долину и 19-го декабря намѣревался атаковать турокъ. Распоряженія объ этой атакѣ сдѣлались намъ извѣстны наканунѣ и въ тотъ-же вечеръ командиръ баталіона, собравъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, объявилъ

имъ, что долженъ былъ выполнить его отрядъ въ предстоящемъ дѣлѣ. Оказалось, что мы должны были, спустившись до свѣта съ «Чернаго Верха», занять небольшую высоту на флангѣ турецкой ташкисенской позиціи и, буде возможно, поражать ихъ мѣткимъ огнемъ, облегчая тѣмъ движеніе главного атакующаго отряда. На глазъ, отъ нашей позиціи до этой высоты было не болѣе 3—4 верстъ, и мы могли надѣяться занять ее, подъ прикрытіемъ ночной темноты, совершенно неожиданно для турокъ.

Осмотрѣвъ засвѣтло, насколько возможенъ предстоящій путь, мы, въ 6 часовъ утра, 19-го, начали спускаться съ «Чернаго Верха». Нашъ баталіонъ, подъ командой полковника Тишина, шелъ впереди, за нимъ баталіоны Козловскаго полка. Молча потянулись люди, одинъ за другимъ, подъ гору, напрасно стараясь что-либо разглядѣть въ окружающей темнотѣ. Что ни шагъ, — то по поясъ въ снѣгу; вытащилъ одну ногу, — завязла другая; принялъ немного въ сторону, — наткнулся на камень, запутался въ кустарники. Помогая другъ другу, иногда вытаскивая слишкомъ глубоко увязнувшего въ снѣгу, медленно подвигались впередъ, боясь ежеминутно сбиться съ надлежащаго направленія и понасть къ туркамъ. Къ счастью нашему, турки сами озаботились указать намъ правильное направленіе, зажегши деревню Даушкіой. Пожаръ, хотя немного, освѣщаль окружающую мѣстность и не позволялъ принимать слишкомъ вправо или влѣво, а слѣдовательно и сбиться съ пути. Впрочемъ, только этому и помогала горящая деревня. Дорога-же, по прежнему, оставалась во тьмѣ и нисколько отъ этого не сдѣлалась легче, или удобнѣе.

Напротивъ. По мѣрѣ движенія впередъ, спуски становились круче, такъ что, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, приходилось цѣпляться за деревья и кустарники, чтобы не полетѣть внизъ головой, или же просто садиться на снѣгъ и, какъ на салазкахъ, съѣзжать до болѣе плоскаго мѣста. Начинало свѣтать. Бѣлесоватый свѣтъ зимней зари позволялъ уже различать окружающіе предметы. Направо, въ долинѣ, замѣтно движеніе: то отрядъ генерала Рауха выстраивается въ боевой порядокъ и готовится начать наступленіе. Вотъ, выѣхала на позицію артиллерія. Снялась съ передковъ; блестя огонь и глухой выстрѣлъ далеко огласилъ Софійскую долину. Засуетились турки въ наскоро устроенныхъ укрѣпленіяхъ и такъ же выпалили. Мало-по-малу завязалась рѣдкая артиллерійская перестрѣлка. Выстрѣлы мѣрно слѣдуютъ одинъ за другимъ, а подъ прикрытіемъ ихъ, развертывается пѣхота и густыми цѣпями разсыпается по долинѣ.

Къ самому этому времени, часовъ около 10-ти утра, мы тоже подошли къ предназначенной горюшкѣ и тотчасъ же заняли ее ротой Его Величества (шт.-кап. Артемовъ).

Увидя насъ у себя на флангѣ, турки быстро повернули въ нашу сторону два орудія и начали стрѣлять гранатами, но очень неудачно. Двѣ, или три перелетѣли, а одна, хотя и упала около роты, но не причинила ей никакого вреда. Тогда рота Его Величества, рассыпавшись за деревьями, сама открыла огонь изъ берданокъ; но скоро убѣдилась, что пуль ничего здѣсь не подѣлаешь, во-первыхъ потому, что оказалось слишкомъ далеко, а во-вторыхъ, что турки

всѣ сидѣли въ укрѣпленіяхъ, и рота, выпустивъ еще нѣсколько пробныхъ пуль, прекратила огонь.

Между тѣмъ, главный отрядъ продолжалъ наступать. Орудійные выстрѣлы участились и, среди ихъ грома, изрѣдка начинали слышаться ружейные. Вотъ, еще выѣхала батарея. Далеко позади виднѣются резервы; черными громадными пятнами разбросались они по снѣжной равнинѣ и, словно туча, надвигаются на передовыя части. Съ вновь выѣхавшей на позицію батареи раздался оглушительный залпъ и почти въ то же время громадное пороховое облако поднялось надъ турецкимъ редутомъ: — зарядный ящикъ взлетѣлъ на воздухъ. Оглушительное «ура» прокатилось по всему отряду, какъ бы въ награду за молодецкій выстрѣлъ.

— Вотъ такъ молодчина! Смотри, смотри, какъ ихъ тамъ всѣхъ взбудоражило! — кричали стрѣлки Государевой роты, которымъ, лучше чѣмъ кому-либо, былъ виденъ съ горы происшедшій въ редутѣ переполохъ.

За этимъ первымъ залпомъ послѣдовалъ второй, третій и скоро вся громадная линія нашихъ батарей гремѣла неумолкаемо, застилая дымомъ наступающія колонны. Съ обѣихъ сторонъ затрещали ружья. Ударили тревогу и Лейбъ-гвардія Преображенскій полкъ двинулся въ атаку. Въ это время, другой отрядъ, генерала Курлова, прошедши незамѣтно, горами, на лѣвый флангъ турокъ, тоже бросился въ атаку и его отдаленное «ура» слилось съ «ура» Преображенцевъ и другихъ войскъ, наступавшихъ съ фронта. Непріятель началъ медленно отступать къ Арабъ-Конакской котловинѣ, не покидая, однако, еще ташкисенскаго редута и продолжая осыпая пулями и гранатами. Около трехъ

часовъ, отряду полковника Васмунда было приказано перейти въ наступленіе и перерѣзать путь отступающимъ туркамъ, или-же, совмѣстно съ прочими войсками, тѣснить ихъ къ Арабъ-Конаку. Прежде чѣмъ исполнить это, приходилось пройти версты $1\frac{1}{2}$ по узкому ущелью и подъ страшнымъ огнемъ. Разсыпавъ цѣпи, мы двинулись; но не успѣли сдѣлать и нѣсколькихъ саженой, какъ въ тылу у насъ раздался пушечный выстрѣлъ и граната прошипѣла надъ головами. Не ожидая ничего подобнаго съ этой стороны, мы въ первыя минуты были поражены, какъ громомъ, и недоумѣло поглядывали другъ на друга.

— Неужели турки забрались намъ въ тылъ! Да когда-жъ и какимъ образомъ они успѣли сдѣлать это?...

Въ дѣйствительности, ничего мудренаго тутъ не было, ибо отъ Арабъ-Конакской котловины, въ которой были турецкія войска, насъ отдѣлялъ только невысокій кряжъ горъ и, захоти они, въ любую минуту могли показаться на этомъ кряжѣ и поражать насъ во флангъ и тылъ. Къ счастью, однако, турки не хотѣли, или почему-либо не могли потревожить насъ съ этой стороны; а поразившій насъ выстрѣлъ принадлежалъ отряду графа Шувалова, успѣвшему съ артиллеріей перевалить «Горный Верхъ» и наступавшему теперь по кряжу на то же мѣсто, къ которому стремились и мы. Имѣя, такимъ образомъ, за собой значительныя подкрѣпленія, мы продолжали безостановочно наступать по отвратительнѣйшей дорогѣ и уже готовы были перейти въ атаку, какъ вдругъ узнаемъ, что турки очистили позиціи и поспѣшно отступаютъ въ свои орли-

ныя гнѣзда Арабъ-Конака и Шандорника. Дальнѣйшее наступленіе на этотъ день было пріостановлено, такъ какъ наступающія сумерки грозили застать насъ въ пути и на болѣе неудобныхъ позиціяхъ.

Пройдя еще нѣкоторое разстояніе, баталіонъ остановился у турецкаго редута, или, вѣрнѣе, у невысокой ограды, сложенной изъ камней и разнаго мусора. Теперь она была на половину разрушена нашей артиллеріей; кругомъ, на сколько могъ видѣть глазъ при наступавшей темнотѣ, валялись трупы и чернѣли громадныя круги опаленнаго снѣга. Впрочемъ, намъ не долго пришлось оставаться на этомъ мѣстѣ. Не успѣли мы еще очистить себѣ мѣсто среди камней и труповъ, какъ приказано было перейти на старое мѣсто и оставаться тамъ до утра. Сожалѣть было не о чемъ. И здѣсь и тамъ одинаково приходилось провести ночь на снѣгу и подъ открытымъ небомъ.

Перешли, остановились; вновь запылали костры. Къ счастію нашему, вблизи была деревня Даушкѣй, откуда можно было добывать сухія дрова и поддерживать огонь въ продолженіи всей ночи. У одного изъ такихъ костровъ расположились на ночлегъ офицеры. Напились жиденькаго чая съ сухарями, придвинули оттаявшія и промокшія ноги къ огню, да такъ и заснули. Но, извѣстно, какой можетъ быть сонъ, когда ногамъ жарко, а головѣ холодно, дымъ лѣзетъ въ глаза и вѣтеръ обдуваетъ со всѣхъ сторонъ! Названіе только, что сонъ, на самомъ же дѣлѣ—одно томленіе. Въ такомъ томленіи прошла ночь. Лишь только разсвѣло, приказано было снова двигаться къ непріятельскимъ позиціямъ и докончить то, что, за темнотой, не dokonчено было вчера,

т. е. преслѣдовать непріятеля и разбить его. Однако, этого не пришлось исполнить, ибо непріятеля не было уже на занимаемыхъ имъ наканунѣ позиціяхъ; онъ въ ночь бѣжалъ далѣе, въ глубь страны (на Петричево и Златицу), оставивъ въ нашихъ рукахъ неприступный Шандорникъ со всей артиллеріей и боевыми припасами.

Итакъ, громадные труды, перенесенные войсками при переходѣ черезъ Балканы, увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Арабъ-конакскій проходъ сдѣлался свободнымъ и цѣлая армія Шакира-паши обращена въ бѣгство.

Направивъ часть войскъ для преслѣдованія ея, начальникъ отряда съ другою спѣшилъ къ гор. Софіи, гдѣ еще находились турки, и не далѣе, какъ въ этотъ день утромъ, всѣми своими силами атаковавшіе отрядъ генерала Вельяминова, который стоялъ на шоссе, у деревни Горное Бугарово и защищалъ отъ нихъ нашъ тылъ. Мы слышали ужасную канонаду въ той сторонѣ, но не могли знать, чѣмъ кончилась она и должны были, съ минуты на минуту, ожидать появленія турокъ въ тылу. Однако, этого не случилось и, какъ оказалось впослѣдствіи, отрядъ генерала Вельяминова геройски отразилъ атаки непріятеля, спѣшившаго на выручку своихъ арабъ-конакскихъ товарищей. Тѣмъ не менѣе, положеніе его становилось опаснымъ. Изнуренный продолжительнымъ и упорнымъ боемъ, разстрѣлявъ всѣ свои патроны и прижавшись къ горамъ, онъ могъ подвергнуться новому нападенію и, чего добраго, не выдержать его. Нужно было спѣшить на помощь; но прежде этого—получить извѣстія о подробностяхъ боя и о настоящемъ положеніи отряда.

Въ ожиданіи этихъ извѣстій, войска, оставшіяся отъ преслѣдованія Арабъ-Конакской арміи, расположились у деревни Ташкисенъ бивуакомъ; межъ ними былъ и нашъ баталіонъ.

Прежде всего, что поразило насъ при входѣ въ эту деревню,—это бывшій тутъ турецкій военный госпиталь. Въ какомъ несчастномъ положеніи находился онъ и какъ должны были страдать помѣщенные здѣсь раненые турки! Представьте себѣ смрадную избу, въ которой биткомъ набиты больные и раненые! Мало этого. Рядомъ съ живыми, чуть не о бокъ, лежали не убранные трупы уже умершихъ, а подъ окнами этого ужаснаго госпиталя, на снѣгу, валялись голыя, обезображенные тѣла (ихъ было 19), выброшенные, вѣроятно, сюда уже много времени тому назадъ. Другой примѣръ, также наглядно показывающій плачевное состояніе турецкой арміи въ это время, были плѣнные. Ихъ массами приводили къ намъ оборванныхъ, обмороженныхъ, еле-еле передвигающихъ ноги. Бѣжать за отступающими войсками они не могли и, волей-неволей, отдавались въ наши руки.

Въ деревнѣ Ташкисенъ, къ нашему благополучію, оказались значительные склады риса и масла, а также часть скота. Получивъ то и другое, стрѣлки, въ первый разъ по выходѣ изъ Врачеша, могли поѣсть что-нибудь кромѣ сухарей и чая, и не прошло и часа, какъ на яркихъ кострахъ закипѣли манерки съ кашей и говядиной.

— Вотъ такъ знатно поѣдимъ за всѣ дни голодухи! — разсуждали стрѣлки, заранѣе предвкушавшіе удовольствіе поѣсть жирной каши и горячей говядины.—

Шутка-ли, — цѣлую недѣлю не ѣли, все больше чайкомъ пробавлялись!

— Что ѣда? Какая ни на есть — все-же была, а вотъ цѣлую недѣлю не раздѣвались; рубаха сгнила отъ пота, насѣкомыя заѣли!

И, чтобы избавиться отъ этихъ насѣкомыхъ, нѣкоторые, въ ожиданіи ѣды, занялись выжиганьемъ ихъ на кострахъ. Снимуть рубахи (на морозѣ-то!) повернутся къ огню спиной, да такъ нажарятъ спину, что не только насѣкомыя, а и кожа начинаетъ поджариваться. Въ особенности отличался этимъ унтеръ-офицеръ Ципкинъ. Онъ положительно не щадилъ собственной спины, лишь-бы избавиться отъ беспокоившихъ его непрошенныхъ обитателей.

За такими пріятными и полезными занятіями прошелъ вечеръ и часть ночи.

Между тѣмъ, полученные извѣстія отъ генерала Вельяминова выяснили, что положеніе его опасно и что нужно спѣшить на помощь, не теряя ни минуты.

— Въ ружье, Первый баталіонъ! — скомандовалъ командиръ, и разбросанные тамъ и сямъ кучки стрѣлковъ, доѣдая на ходу свой ужинъ, начали собираться въ колонну при яркомъ свѣтѣ бивуачныхъ огней. Вслѣдъ за нами зашевелились остальные войска, и въ 2 часа ночи, вновь сформированный отрядъ (Гвардейская стрѣлковая бригада, полки: лейбъ-гвардіи Измайловскій и Преображенскій съ артиллеріей), подъ начальствомъ генерала Рауха, двинулся по шоссе къ г. Софіи.

Впереди шелъ 4-й баталіонъ*), за нимъ мы и т. д.

*) Императорской фамилии.

Не смотря на ночь и гололедицу, головные баталіоны, къ разсвѣту, подходили уже къ позиціямъ генерала Вельяминова. Впереди, вправо и влѣво, виднѣлись костры и яркій свѣтъ ихъ, мало-по-малу, ослабѣвалъ съ приближеніемъ наступающаго дня. Въ ожиданіи остальныхъ частей отряда, задержанныхъ въ пути артиллеріей, стрѣлки остановились на привалѣ. Отрядъ генерала Вельяминова стоялъ прижавшись къ горамъ, въ наскоро насыпанныхъ укрѣпленіяхъ и радостно привѣтствовалъ наше появленіе. Самъ начальникъ его, сѣдой генералъ, выѣхалъ къ намъ и подробно рассказывалъ о происходившемъ тутъ наканунѣ дѣлѣ. Мы со вниманіемъ слушали его и съ безпредѣльнымъ уваженіемъ смотрѣли на мужественное лицо рассказчика, сѣумѣвшаго съ небольшими силами удержать натискъ непріятеля. Что натискъ этотъ былъ силенъ и что отраженіе его стоило громадныхъ усилій, самоотверженія и мужества, мы могли убѣдиться при взглядѣ на окружающую мѣстность. Она положительно была завалена трупами! Рассказывали, что, когда у нашихъ оставалось мало патроновъ, они безъ выстрѣла подпускали турокъ къ себѣ шаговъ на 30 и съ мѣста бросались въ штыки, нагромождая кучи труповъ и все же удерживая позицію за собой. Разстроенный такимъ сопротивленіемъ, непріятель принужденъ былъ, потерявъ 800 человекъ убитыми и 1,400 ранеными, отступить и въ настоящее время стоялъ верстахъ въ пяти отсюда, за рѣкой Искеръ.

Наступилъ день, проглянуло солнышко и яркимъ свѣтомъ залило обширную долину. Не смотря на декабрь мѣсяцъ, въ этихъ мѣстахъ оно сильно руже

грѣло и, растянувшіеся на снѣгу, люди съ наслажде-
ніемъ дремали, положивъ головы другъ на друга и
свернувшись въ плотныя кучки. Нѣкоторые старались
развести костры и заварить чай, но, къ несчастію,
по близости не было ни одной щепки. Правда, на шоссе
стояли телеграфныя столбы, да рубить-то ихъ было
запрещено, и выходило, что «видить око, да зубъ ней-
метъ». Однако, догадливые стрѣлки скоро устроились
такъ, что и приказа не нарушили и костерчикъ раз-
вели, или, какъ говорится, и «овцы остались цѣлы,
и волки сыты». Дѣло въ томъ, что столбы запреща-
лось рубить потому, что они могли пригодиться для
нашего военного телеграфа. Но столбы эти, въ тоже
время, были на столько толсты, что если немного по-
убавить ихъ толщину, то отъ этого ничего не сдѣлает-
ся: прочность ихъ остается почти такой-же. И вотъ,
не рубя столбовъ, начали ихъ по маленьку обтесывать
и, такимъ образомъ, набрали щепы для костра.

Только къ 12-ти часамъ дня подтянулся весь от-
рядъ и можно было начать наступленіе. Въ 2 часа
дня (21-го декабря) отрядъ дѣйствительно двинулся
далѣе, по шоссе и, пройдя версты двѣ, началъ пере-
страиваться въ боевой порядокъ. Участокъ вправо отъ
шоссе занялъ 4-й баталіонъ стрѣлковъ; влѣво—нашъ,
остальныя части остались пока въ резервѣ, на шоссе.
Время отъ времени, впереди слышались уже ружейныя
выстрѣлы и, рассыпавъ въ цѣль 1-ю и 2-ю роты,
баталіонъ началъ правильное боевое наступленіе.

Мѣстность, по которой приходилось двигаться, была
совершенно ровная, открытая, и только по сторонамъ
долины виднѣлись горы. Впереди неясно очерчивалась

деревня Враждебна и большой крытый мостъ черезъ рѣку Искеръ. Турки, съ разстоянія почти 2½ верстъ, открыли по насъ огонь. Пули, на излетѣ, слабо шипѣли и падали передъ ротами, прорѣзывая въ снѣгу небольшія бороздки. Наступленіе продолжалось безостановочно до 800 шаговъ. Непріятель не жалѣлъ патроновъ и все время продолжалъ осыпать насъ массой пуль. Здѣсь стрѣлки залегли и, въ свою очередь, открыли огонь по турецкимъ ложеаментамъ, расположеннымъ по ту сторону рѣки. Перестрѣлка усиливалась. Турки, не довольствуясь и безъ того частымъ огнемъ, начали стрѣлять залпами. Въ это время, командиръ баталіона послалъ къ генералу Рауху просить резервовъ, чтобы удлинить нашъ лѣвый флангъ и тѣмъ самымъ угрожать непріятелю обходомъ его праваго. Генералъ Раухъ, выполнѣ раздѣляя мнѣніе командира баталіона, направилъ къ намъ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. Не доставало только артиллеріи, которая могла теперь съ успѣхомъ дѣйствовать по непріятельскимъ колоннамъ, толпившимся за деревьями. Изъ цѣпи стрѣлки ясно видѣли эти колонны и съ нетерпѣніемъ ожидали артиллерию. Полковникъ Васмундъ опять послалъ къ начальнику отряда за артиллеріей; въ ожиданіи прибытія ея, онъ разѣзжалъ по цѣпи и руководилъ дальнѣйшимъ наступленіемъ. Проѣзжая мимо взвода, оставленнаго въ прикрытіе знамени, командиръ баталіона вдругъ слышитъ голосъ взводнаго унтеръ-офицера:

— Ваше высокоблагородіе, дозвольте въ цѣпь идти.

Ему, видимо, не хотѣлось оставаться здѣсь безъ

дѣла, въ то время, какъ товарищи дрались въ цѣпи и готовились идти въ атаку.

— Нельзя, братъ, тамъ теперь безъ васъ много, а если потребуется,—не забуду!—отвѣтилъ командиръ и проѣхалъ далѣе.

— Ваше высокоблагородіе, васъ здѣсь зацѣпять, на лошади-то,—слышалось въ другомъ мѣстѣ;—ишь, какъ часто начали стрѣлять!

И дѣйствительно. Подходившія въ это время къ лѣвому флангу, густыя колонны Преображенцевъ вызвали усиленный огонь, и сидящему на лошади, болѣе чѣмъ кому-либо грозила опасность отъ летавшихъ по всѣмъ направленіямъ пуль. Между тѣмъ, поднявшій такую усиленную трескотню, непріятель видимо прикрывалъ ею начавшееся отступленіе. Колонны его постепенно отходили назадъ, по шоссе; загорѣлась деревня, что всегда было вѣрнымъ признакомъ отступленія. Въ этотъ самый моментъ, застрывая въ снѣгу, выѣхала наша артиллерія и открыла огонь. Прогремѣлъ одинъ выстрѣлъ, другой, и третья граната, на нашихъ глазахъ, разорвалась въ самой срединѣ непріятельской колонны. Стрѣлки, поддержанные съ лѣваго фланга Преображенцами, быстро поднялись и перешли въ наступленіе. Опять затрещали залпы, зашвиствали пули...

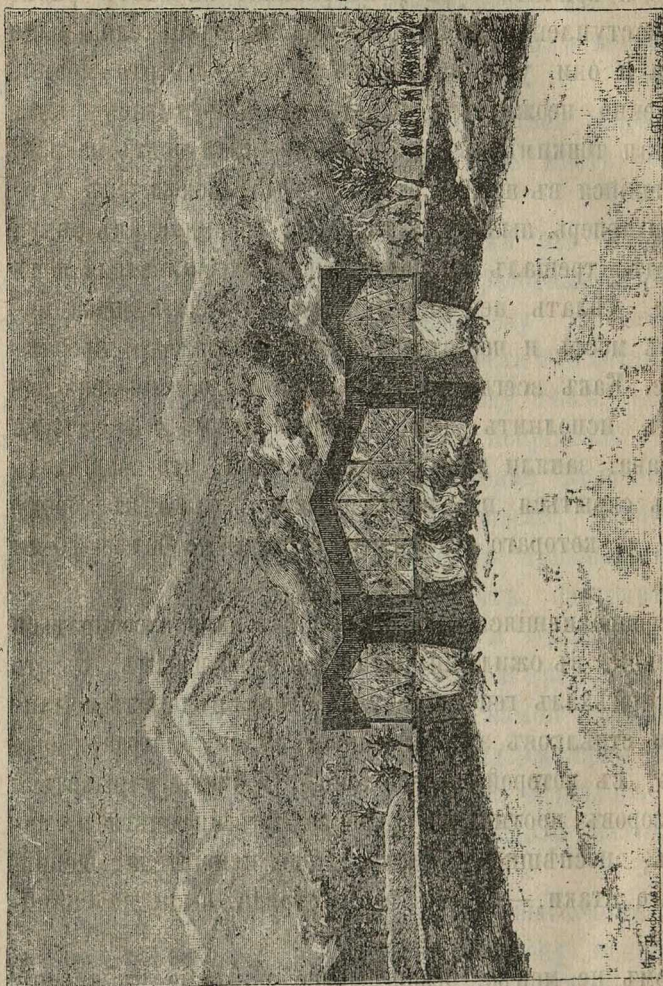
Вдругъ, изъ подъ ногъ стрѣлковъ выскочилъ заяцъ и, какъ уторѣлый, бросился въ сторону непріятеля. Замѣтивъ русака, кучка стрѣлковъ, забывая пули, съ крикомъ бросилась за нимъ въ догонку. Сосѣди также побѣжали и такое стремительное наступленіе, принятое турками, вѣроятно, на свой счетъ, заста-

вило ихъ еще скорѣе очистить позицію. Руска въ давно исчезъ изъ вида, а стрѣлки все продолжали бѣжать и кричать «ура», направляя, на этотъ разъ, свое наступленіе дѣйствительно на непріятеля. Еще минута и они уже на хвостѣ его; но въ это время, совершенно неожиданно, передъ нами очутилась рѣка, покрытая тонкимъ льдомъ. Единственный мостъ на ней, виднѣвшійся въ правой сторонѣ, былъ подожегъ турками и теперь пылалъ. Нѣкоторые бросились въ рѣку, но ледъ трещалъ и поминутно проваливался подъ ногами. Дѣлать нечего. Пришлось ожидать, пока потушатъ мостъ и черезъ него уже продолжать преслѣдованіе. Какъ всегда, однако, короткій зимній день помѣшалъ исполнить это. Тушеніе моста, а затѣмъ переправа, заняли такъ много времени, что непріятель успѣлъ скрыться изъ вида по направленію къ городу Софіи, до котораго оставалось отсюда не болѣе 10-ти верстъ.

Переправившіяся по мосту, войска начали собираться у деревни, въ ожиданіи размѣщенія по избамъ. Въ это время, пріѣхалъ генералъ Гурко и поблагодарилъ командира и стрѣлковъ за молодецкое дѣло. Благодаря быстротѣ, съ которой велось оно, умѣнью укрываться отъ взоровъ противника даже за кучами снѣга и, наконецъ, поспѣшному отступленію непріятеля, принявшаго атаки,—потери всего отряда были не значительны.

Тѣмъ не менѣе, непрерывное движеніе въ теченіи нѣсколькихъ дней, бессонныя ночи, сраженія, до того утомили людей, что хотя временный отдыхъ на теплыхъ квартирахъ казался невообразимымъ блаженствомъ.

Каждый сарай, полуразвалившаяся изба, на которую, въ другое время, и смотрѣть-бы не сталъ, теперь пред-

Мостъ черезъ рѣку Искеръ.

ставлялись дворцами. Съ какимъ наслаждениемъ, послѣ восьми-суточного движенія, снимаешь первый разъ са-

поги съ опухшихъ ногъ и растягиваешься на мягкой соломѣ! Все это можетъ быть понятно только тому, кто самъ испыталъ это. Только на войнѣ обучаешься дорожить всякимъ удобствомъ, и только на войнѣ чувствуешь всю справедливость поговорки: «что имѣемъ — не хранимъ, потерявши — плачемъ».

Въ наслѣдство отъ турокъ, кромѣ стоговъ сѣна, зажженныхъ ими, но неуспѣвшихъ еще сгорѣть, осталось множество свиней. Стрѣлки, не долго думая, устроили охоту на нихъ и по всей деревнѣ поднялся такой невообразимый визгъ и пискъ, что хотъ уши затыкай. Послѣ довольно упорнаго и продолжительнаго сопротивленія, непріятельскія свиньи кончили, однако, тѣмъ, что попали въ манерки побѣдителя, составивъ прекрасный, вкусный и сытный ужинъ.

Послѣ усиленной шумной стряпни, настала мертвая тишина и деревня погрузилась въ глубокій, непробудный сонъ. Не всѣмъ, однако, пришлось проспать до утра. Очередныя роты — 3-я и 4-я, въ два часа ночи были разбужены и отправлены въ дежурную часть.

Дѣло подъ Враждебной имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что вся Софійская долина была очищена отъ вражескихъ войскъ и находилась въ нашихъ рукахъ. Оставалось взять самый городъ и тѣмъ пока закончить свои дѣла въ этой части Болгаріи. По доходившимъ до насъ свѣдѣніямъ, Сербское княжество рѣшилось, наконецъ, также объявить войну туркамъ, и его войска двигались уже къ гор. Софіи съ другой стороны, чтобы совмѣстно съ нами атаковать турокъ.

Конечно, объ укрѣпленіяхъ города нечего было и

говорить. Онъ былъ такъ укрѣплень, какъ только возможно и какъ вообще умѣютъ укрѣплять турки. Правда, позиція была слишкомъ растянута и, по слухамъ, оборонялась сравнительно небольшимъ числомъ войскъ, но все-же намъ предстояло нѣчто вродѣ Горнаго Дубняка и для атаки ея было недостаточно тѣхъ силъ, которыми располагали мы къ вечеру 22-го декабря. Въ ожиданіи подкрѣпленій, генераль Гурко лично осмотрѣлъ позицію и рѣшилъ атаковать городъ Софію 24-го декабря, чтобы православный праздникъ Рождества Христова встрѣтить въ древней столицѣ Болгаріи.

Съ этою цѣлью, простоявъ въ деревнѣ Враждебна на дневкѣ все 22-е число, Гвардейская Стрѣлковая Бригада, въ 8 часовъ вечера, двинулась въ деревню Куманица (эта деревня верстъ на 6 правѣе Враждебны), на соединеніе, съ находившимся уже тамъ, отрядомъ генерала Вельяминова.

Переходъ, какъ видимъ, предстоялъ не большой и, вѣроятно, все обошлось-бы благополучно, если-бъ не ночь, да не вполнѣ незнакомая дорога. Дѣло въ томъ, что, выступивъ изъ деревни, мы почти тотчасъ же очутились въ полномъ мракѣ, среди обширной, снѣжной равнины. Дороги никакой. Даже направленіе опредѣлить не по чемъ: подъ нами—снѣгъ, надъ нами—звѣздное небо. Два болгарина-проводника, взявшіеся провести отрядъ въ деревню Куманица, первоначально, дѣйствительно, подвигались впередъ смѣло и самоуверенно, но, пройдя версты двѣ, остановились и объявили, что они «взбрыкались» (т. е. заблудились) и что нужно отыскивать дорогу. Отрядъ сталъ. Пронзительный, холодный вѣтеръ и трескучій морозъ дѣлали

положеніе заблудившагося отряда невыносимымъ и даже опаснымъ. Оставаться на мѣстѣ — значило поморозить людей; двигаясь на угадъ впередъ — можно было пасть, вмѣсто своихъ, къ туркамъ. Что дѣлать? На что рѣшиться? Кончили тѣмъ, что братушекъ, подъ конвоемъ, отправили искать дорогу, а сами, въ ожиданіи ихъ возвращенія, остались на мѣстѣ. Прошло около часа. Насъ начинало тревожить новое сомнѣніе: не потеряли-ли проводники отрядъ и, отыскавъ дорогу, не могутъ найти теперь насъ. Кричать было нельзя, ибо могъ услышать непріятель и открыть наше передвиженіе. Къ тому же, до его передовыхъ постовъ, судя по долетавшимъ до насъ изрѣдка звукамъ выстрѣловъ, было не далеко. Оставалось, слѣдовательно, покориться и ждать, что будетъ. Многіе изъ людей уже давно храпѣли; другіе бѣгали взадъ и впередъ по скрипучему снѣгу, разогрѣвая замерзающіе члены. Кругомъ темно и тихо. Лишь изрѣдка набѣжитъ вѣтеръ, подниметъ замерзшія частицы снѣга и зашуршитъ ими по оледенѣлой поверхности, да кой-гдѣ засвѣтится одинокій огонекъ; но кому принадлежитъ онъ — одному Богу извѣстно. Съ напряженнымъ вниманіемъ всматривались мы въ окружающую тьму и прислушивались къ малѣйшему шороху, стараясь разглядѣть возвращающихся проводниковъ. Что-то похожее на скрипъ снѣга подъ ногами слышалось въ сторонѣ и скоро показались человѣческія фигуры.

— Ну, что, нашли дорогу?—въ одинъ голосъ спросили нѣсколько человѣкъ.

— Нашли!—отвѣчали проводники. И отрядъ снова двинулся въ путь.

Идемъ часъ, идемъ два. Казалось-бы, давно пора пройти шесть верстъ и быть въ деревнѣ, а ее все нѣтъ, какъ нѣтъ. Кружимъ по незнакомой полянѣ и никакъ не можемъ добраться до цѣли.

— Стой!—слышится впереди. — Опять дорогу потеряли проклятые братушки.

Опять пошли поиски, но на этотъ разъ безуспѣшно. Простоявъ нѣсколько времени на мѣстѣ, начальникъ бригады рѣшился двинуться напрямикъ на виднѣвшіяся огоньки, предполагая, что они принадлежать отряду генерала Вельяминова. Предположеніе было вѣрно, и въ 4 часа утра, 23-го декабря, мы были въ деревнѣ Куманица и расположились частью по избамъ, частью— въ многочисленныхъ стогахъ душистаго сѣна.

Какъ я уже говорилъ, изъ этой деревни мы должны были, вмѣстѣ съ отрядомъ генерала Вельяминова, атаковать городъ Софію 24-го декабря, т. е. на другой день по приходѣ. Готовиться было нечего, такъ какъ мы всегда были готовы къ этому, и потому, не думая о завтрашнемъ днѣ, расположились на отдыхъ. Но вдругъ, неизвѣстно откуда, прошелъ слухъ, что турки, въ эту именно ночь, очистили Софію. Всѣ всполошились.

— Кто сказалъ? Когда? Подавай сюда того, кто распустилъ этотъ слухъ!

Пошли разспросы и мало-по-малу добрались до начала. Оказалось, вѣсть объ очищеніи Софіи принесла въ деревню баба, только-что пришедшая оттуда и клятвенно увѣрявшая насъ въ справедливости этого извѣстія. Скоро ея увѣренія подтвердились. Генераль Гурко прислалъ приказаніе немедленно двинуться для занятія очищенного города, и, въ шесть часовъ дня,

Гвардейская Стрѣлковая Бригада подходила уже къ его окраинамъ.

Такимъ-то образомъ исполнилась завѣтная мечта наша. Софійская дорога, на которой не мало пришлось потрудиться и пролить пота и крови, цѣликомъ была въ нашихъ рукахъ. Русскія войска съ гордостью могли смотрѣть на освобожденную столицу Болгаріи и дорогимъ подаркомъ къ Рождеству Христову порадовать Царя и Россію.

V.

Вступленіе баталіона въ гор. Софію и расположеніе по квартирамъ.— Общій видъ и характеръ города.—Первый день Рождества Христова.— Приказъ начальника отряда. — Остальные дни отдыха и дальнѣйшее движеніе на гор. Филиппополь.—Переходъ черезъ Трояновъ перевалъ.— Новый годъ на вершинѣ его. — Встрѣча турецкой арміи Сулеймана-паши. — Преслѣдованіе ея. — Переходъ въ бродъ рѣки Марицы 2-го января и трехдневный бой подъ Филиппополемъ 3-го, 4-го и 5-го января 1878 года.

Простоявъ у города въ ожиданіи отвода квартиръ, мы, поздно ночью, вступили уже въ его тѣсныя улицы, запруженные множествомъ повозокъ возвращавшихся бѣглецовъ.

Слѣды недавняго еще пребыванія здѣсь турокъ замѣтны были повсюду: въ разбитыхъ окнахъ опустошенныхъ лавченокъ, въ полуразрушенныхъ домахъ и въ массѣ хлама, разбросаннаго по улицамъ.

Баталіонъ довольно удобно размѣстился въ какихъ-то длинныхъ строеніяхъ: не то — казармахъ, не то — магазинахъ. Офицеры, по близости, въ домѣ, надъ входными дверями котораго красовалась болгарская

надпись: «Главное писалище такы-тѣ». Множество бумагъ было разбросано по полу этого «писалища», и еще больше хранилось ихъ въ различной величины мѣшкахъ, по угламъ и шкафамъ. Эти вороха исписанной бумаги и чернильные пятна ясно показывали прежнее назначеніе нашего помѣщенія и лучше, чѣмъ сама надпись, говорили, что здѣсь, когда-то, была канцелярія. Не смотря, однако, на все это, холодъ въ комнатахъ стоялъ ужасный и мы напрасно старались отыскать здѣсь печку, или что-либо въ этомъ родѣ. Скоро, однако, деньщики раздобыли гдѣ-то турецкій мангалъ *), насыпали его горячими угольями и, мало по малу, нагрѣли холодную комнату.

Наступилъ рождественскій сочельникъ, — день, въ который православный людъ не ѣстъ до звѣзды и идетъ въ храмъ молиться; мы же, грѣшные скитальцы по чужбинѣ, провели его въ осматриваніи города и различныхъ достопримѣчательностей его.

Общій видъ города Софіи, въ тѣ времена, не отличался ни красотою расположенія, ни роскошью зданій, ни шириной и длиной улицъ. Городъ, какъ говорится, — такъ себѣ. Два-три каменныхъ строенія, да и тѣ не выше двухъ этажей, нѣсколько кривыхъ и узенькихъ улицъ и переулковъ, нѣсколько турецкихъ мечетей (церквей), да православный Софійскій храмъ.

Въ этомъ-то храмѣ привелось намъ слушать обѣдню на первый день Рождества. Отвыкнувъ давно отъ стройнаго духовнаго пѣнія и стоя теперь передъ ликами святыхъ этого древняго храма, мы благоговѣнно

*) Мангаломъ называется жаровня, наполненная горячими угольями.

внимали святымъ словамъ и мысленно посылали хвалу Тому, Кто привелъ насъ въ этотъ городъ и этотъ храмъ, не смотря на всѣ препятствія, и Кто хранилъ насъ во все время продолжительнаго странствованія. Могли-ли мы думать объ этомъ двѣ недѣли тому назадъ, когда стояли во Врачеши, когда передъ нами, неодолимой преградой, протянулся Балканскій хребетъ и цѣлыя арміи непріятели гнѣздились на его оледѣнѣвшихъ вершинахъ! Могли-ли мы думать, что въ первый день Рождества будемъ молиться въ православномъ Софійскомъ храмѣ и не казалось-ли это теперь сномъ? А между тѣмъ, это не сонъ; и кто, какъ не Самъ Господь Богъ, помогалъ нашему правому дѣлу и обратилъ мечты въ дѣйствительность.

Всѣ чудеса протекшихъ событій еще разъ воскресли въ нашей памяти при чтеніи приказа генерала Гурко, отданнаго въ городѣ Софіи въ первый день праздника. Считаю не лишнимъ привести здѣсь часть его, гдѣ перечисляются доблестные подвиги и отдается полная справедливость свершившимъ ихъ.

«Войска вѣреннаго мнѣ отряда!—такъ начинается приказъ.

«Разбивъ турокъ 12-го октября подъ Горнымъ Дубнякомъ и 16-го октября—подъ Телишемъ, вы окружили армію Османа-паши въ Плевнѣ, пересѣкли ей всѣ пути сообщенія, замкнули желѣзный кругъ, окружавшій Плевну, и съ тѣхъ поръ паденіе ея и уничтоженіе всей арміи Османа-паши сдѣлалось вопросомъ времени. Вскорѣ, а именно 28-го октября, легкимъ кавалерійскимъ налетомъ вы взяли городъ Врацу. Передавъ затѣмъ завоеванныя вашей кровью позиціи вновь при-

бывшимъ войскамъ Гренадерскаго корпуса, я повелъ васъ, 5-го ноября, противъ другой арміи Мехмета-Али, собиравшейся въ окрестностяхъ Орханъэ и шедшей на выручку арміи Османа-паши. Разбивъ турокъ 11-го ноября подъ Правцемъ и 12-го ноября подъ Этрополемъ, овладѣвъ послѣ блестящаго дѣла высотами Вратешки, 16-го ноября, и, наконецъ, разбивъ турокъ 21-го ноября, на высотахъ Арабъ-Конака, вы овладѣли почти всѣми Балканскими горами, вытѣснили турокъ изъ многихъ, чрезвычайно сильныхъ, позицій и прогнали непріятеля къ самому краю Балканскаго хребта.

«Въ это же время, вы, съ бою, овладѣли Златицкимъ переваломъ и стали твердою ногою на южномъ склонѣ Балканскихъ горъ.

«Тутъ началось продолжительное стояніе ваше на высокихъ горахъ, сначала въ страшной, невылазной грязи, а потомъ среди сильныхъ морозовъ, мятелей, глубокаго снѣга и непрогляднаго, постоянного тумана.

«Нельзя представить себѣ всѣхъ тѣхъ лишеній, трудовъ и тяжелыхъ испытаній, которыя выпали на вашу долю. Вы все перенесли по истинѣ съ геройской русской стойкостью и твердостью. Вы втащили на горы, въ заоблачныя страны, по едва доступнымъ тропинкамъ и невообразимымъ кручамъ, тяжелыя орудія. Вы укрѣпили ваши позиціи и ровно мѣсяцъ грозною и твердою стопою стояли на угрюмыхъ высотахъ Балканъ.

«Наконецъ, пришелъ часъ перехода черезъ Балканы. Дорогъ для движенія не было: кругомъ васъ были крутыя, высокія и едва доступныя горы, покрытыя

глубокимъ снѣгомъ. Но это не задержало васъ; вы съ немовѣрными трудами продѣлали себѣ дороги, и на высотахъ Умургача, Чернаго-Верха и Бабы-горы заблестѣли русскіе штыки и русскія тяжелыя орудія, которыя вы на своихъ плечахъ втащили на эти высоты.

«Стойкость ваша, твердость въ перенесеніи трудовъ и лишеній и поразительныя труды и терпѣніе составляютъ удивленіе всѣхъ, кто взглянетъ на эти дикія горы.

«19-го декабря вы спустились въ долину Софіи, при чемъ завидная доля первому спуститься съ Балканскихъ горъ выпала старѣйшему въ нашей арміи, Преображенскому полку, шедшему въ головѣ авангарда генерала Рауха. Въ тотъ же день вы мужественно атаковали ташкисенскую позицію, штурмомъ овладѣли турецкими редутами и трудно-доступными горами, заставили армію Шакира бѣжать, въ теченіе ночи, съ крѣпкой арабъ-конакской позиціи и открыли прямой путь сообщенія по Орханійскому шоссе (Софійскому).

«Оставивъ 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію и большую часть 9-го корпуса, подъ начальствомъ барона Криденера, для преслѣдованія бѣжавшихъ турокъ, я съ остальною частью отряда двинулся, 21-го декабря, противъ Софіи.

«Въ то время, когда бѣольшая часть отряда дралась съ главною арміею Шакира, мѣньшая часть, а именно пять баталіоновъ 9-го корпуса, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, имѣла блистательное дѣло при Горномъ-Бугаровѣ, гдѣ небольшая часть нашихъ храбрцевъ отбила атаки въ три раза сильнѣйшаго про-

тивника. Завладѣвъ съ боя, 21-го декабря, мостомъ черезъ Искеръ, у дер. Враждебной, вы подошли къ Софіи, и одинъ видъ вашъ навелъ такой страхъ на турецкія войска, что они, будучи въ составѣ 25-ти баталіоновъ, не рѣшились защищать твердыни Софіи и бѣжали въ страшнѣйшемъ безпорядкѣ въ ночь съ 22-го на 23-е декабря, бросивъ тысячи раненыхъ и больныхъ безъ всякаго призрѣнія и помощи.

«Занятіемъ Софіи окончился этотъ блестящій періодъ настоящей кампаніи, переходъ черезъ Балканы, въ которомъ не знаешь, чему болѣе удивляться: храбрости или мужеству вашему въ бояхъ съ непріятелемъ, или же стойкости и терпѣнію въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ въ борьбѣ съ горами, морозами и глубокими снѣгами.

«Пройдутъ года — и потомки наши, посѣтивъ эти дикія горы, съ гордостью и торжествомъ скажутъ: «здѣсь прошли русскія войска и воскресили славу суворовскихъ и румянцевскихъ чудо-богатырей».

«Спасибо вамъ, молодцы, за вашу геройскую службу, спасибо вамъ за то, что вы порадовали Царя и Россію и поднесли имъ столь блестящій подарокъ къ празднику Рождества Христова!»

Затѣмъ, въ этомъ же приказѣ, генераль Гурко благодарилъ всѣхъ гг. офицеровъ и по фамиліямъ начальниковъ наиболѣе отличившихся частей.

Занятые съ утра до ночи починкой окончательно развалившейся уже обуви и одежды, мы не замѣчали, какъ бѣжали дни, и не успѣли оглянуться, какъ мы снова были на пути.

Дѣло въ томъ, что, по полученнымъ въ Софіи из-

вѣстіямъ, непріятельскія арміи, отступившія отъ Арабь-Конака и Софіи, сосредоточивались теперь въ городѣ Татарь-Базарджикъ и еще разъ рѣшились задержать наше дальнѣйшее наступленіе, занявъ крѣпкія позиціи на Трояновомъ перевалѣ. Названный перевалъ (или, вѣрнѣе, рядъ горъ), соединяетъ между собою Великія и Малыя Балканы и отдѣляетъ долину Софіи отъ долины Марицы, въ которой расположены главные турецкіе города и черезъ которую идетъ дорога къ столицамъ Турціи—городамъ Адріанополю и Константинополю. Чтобы окончательно сразить врага, мы должны были поразить его въ самое сердце, т. е. взять эти столицы. Одновременно съ нашимъ движеніемъ изъ Софіи, должны были туда же двинуться наши войска черезъ Шипкинскій перевалъ. Съ минуты на минуту ожидали, что и его очистятъ турецкія войска. Отъ Софіи идетъ шоссе, прорѣзывающее вдоль всю Турцію. По немъ-то должны были двинуться теперь наши войска четырьмя колоннами, овладѣть Трояновымъ переваломъ и тѣснить далѣе турокъ, къ городу Филиппополю.

Нашъ баталіонъ входилъ въ составъ колонны графа Шувалова и выступилъ изъ Софіи 28-го декабря.

Между тѣмъ, обносившаяся одежда и обувь приходили, мало-по-малу, въ болѣе сносный видъ, ибо тутъ, какой ни на есть, а все же былъ городъ, и хотя съ большимъ трудомъ и за большія деньги, можно было достать что-либо, кромѣ воловьихъ и бараньихъ кожъ.

Другая забота была — обезпеченіе себя сухарями и сбереженіе тѣхъ, которые были уже у людей.

Съ этою цѣлью, стараніями командира и завѣдывающаго хозяйствомъ, устраивались хлѣбопекарныя печи, заготавливались сухари, а людямъ выдавали печеный хлѣбъ.

Запасшись, такимъ образомъ, силами и сухарями, починивъ, по возможности, одежду, въ назначенный день, ровно въ 11 часовъ утра, выступили мы изъ города и направились по Филиппопольскому шоссе, къ деревнѣ Чердаклы.

День былъ чудный. Тепло, какъ весной. Огромные сугробы снѣга таяли на солнцѣ и мелкими ручейками разливались по дорогѣ. Шоссе прекрасное. Идется по немъ легко, свободно. Весенній воздухъ мягкой теплотой пахнулъ въ лицо, и полной грудью, съ жадностью вдыхаешь его. На лицахъ стрѣлковъ видно оживленіе. Весело болтая, перекидываясь шутками, быстро подвигаемся мы впередъ, оставляя далеко позади рощи и деревушки. Хорошо вокругъ; но война на всемъ оставила свои неизгладимые слѣды разрушенія. Вотъ, на самой дорогѣ валяется трупъ, Богъ вѣсть, какою смертью умершаго, турка. Вотъ, разломанная каруца загородила дорогу и лежитъ на боку, въ массѣ всевозможнаго хлама. Вотъ, разрушенная, сожженная и опустѣвшая деревня, отъ которой и теперь, за нѣсколько верстъ, воняетъ гарью. Вотъ, въ сторонѣ, другая, видно только недавно оставленная черкесами. Черный дымъ поднимается надъ ней и столбами уходитъ въ тихое, ясное небо. Но всего не перечесть! Дальше, дальше отъ этихъ печальныхъ картинъ, отъ этого удушливаго запаха гари, въ чистое поле, на вольный, свѣжій воздухъ!

Въ 4 часа пополудни баталіонъ прибылъ въ деревню Чердаклы, такую же разрушенную и опустѣвшую, какъ встрѣчавшіяся по дорогѣ, и остановился частью — на бивуакѣ, частью — въ уцѣлѣвшихъ избахъ и сараяхъ.

Командиръ баталіона, имѣя въ виду предстоящее на дняхъ новое дѣло съ турками, напомнилъ стрѣлкамъ, въ приказѣ, главные правила, которыми они должны были руководствоваться при встрѣчѣ съ непріателемъ:

«1) На бѣшенный, безтолковый огонь, — говорилось тамъ, — стрѣлки отвѣчаютъ спокойной, осмысленной стрѣльбой. Непріатель, видя, что наша рѣдкая пуля дѣлаетъ свое дѣло: вырываетъ изъ его рядовъ одного, другаго бойца, — станетъ еще болѣе горячиться и бить по воздуху. Усиленная ружейная трескотня — вѣрный признакъ трусости. Противникъ, зачистившій огонь, бѣжитъ при первомъ смѣломъ движеніи противъ него.

«2) Ротамъ дѣйствовать и двигаться въ сферѣ огня не иначе, какъ цѣпами, такимъ образомъ: одна полурота въ цѣпи, возможно рѣдкой, другая — въ резервѣ за нею на большемъ или меньшемъ разстояніи, въ зависимости отъ мѣстности, уступомъ вправо или влево и также цѣпью.

«3) Долго на мѣстѣ не задерживаться, стараться какъ можно скорѣе подойти къ противнику на разстояніе дѣйствительнаго выстрѣла. Перебѣжки на ровной, открытой мѣстности дѣлать непременно бѣгомъ. Въ бѣгущаго, на встрѣчу выстрѣлу, попасть очень трудно, тѣмъ болѣе для турокъ, стрѣляющихъ для собственного ободренія.

«4) Бросаясь въ атаку, роты несутся безъостановочно, безъ оглядки. Стрѣльбы здѣсь уже нѣтъ. Одно грозное, могучее, побѣдоносное, русское «ура».

«Турокъ штыка не принимаетъ!»

Переночевавъ въ деревнѣ Чердаклы, баталіонъ, на слѣдующій день, выступилъ въ деревню Тырново. Вчерашней прекрасной погоды не было и помину. Небо заволокло тучами, подулъ вѣтеръ, повалилъ снѣгъ. Словомъ, капризная природа перевернула все вверхъ дномъ и на мѣсто весны настала опять зима, съ мятежью и морозомъ. Какъ на бѣду, и деревня Тырново, куда мы добрались къ вечеру, стояла на самомъ вѣтру, какъ говорится, на юру. Дуло и заносило снѣгомъ ее со всѣхъ сторонъ, такъ что тонкія стѣны черкесскихъ избышекъ едва удерживали сильные порывы вѣтра.

Отъ деревни Тырново дорога не шла уже по долинѣ, а поднималась въ гору, на отроги Троянова перевала. Съ грустью взглянули мы на нее, ожидая новыхъ усиленныхъ трудовъ надъ перевозкой артиллеріи, но на дѣлѣ вышло не такъ трудно, какъ казалось съ перваго взгляда и къ 4-мъ часамъ пополудни мы подходили къ небольшому городку Ихтиману. Отсюда уже не далеко было до непріятеля и его позицій, и отсюда же предполагалось начать правильное боевое наступленіе. Но тутъ случилось нѣчто, чего мы никакъ не могли ожидать. Встрѣтившіе насъ квартирьеры объявили, что турки кладутъ оружіе и не желаютъ сражаться потому будто бы, что ихъ паша ночью получилъ телеграмму изъ Константинополя, увѣдомлявшую о заключеніи перемирія. Не получая ничего подобнаго отъ своего начальства и зная всегдашнюю привычку турокъ

надувать съ цѣлью выиграть время, графъ Шуваловъ, въ отвѣтъ на это, послалъ имъ сказать, что пусть они или сдаются, или приготовятся къ нашему наступленію.

Сдаться они, конечно, не хотѣли, а равно не желали сражаться съ нами на Трояновомъ перевалѣ и въ ту же ночь отступили къ городу Татаръ-Базарджику.

Такое поспѣшное отступленіе съ сильныхъ позицій объясняется еще тѣмъ, что Сулейманъ-паша (тотъ самый, который, въ началѣ войны, находился противъ Шипки), принявшій теперь начальство надъ остатками войскъ, бѣжавшихъ изъ Арабъ-Конака и Софіи наканунѣ, т. е. 29-го декабря, получилъ извѣстіе о паденіи Шипки и плѣненіи всей турецкой арміи, защищавшей ее *). Опасаясь, чтобы наши войска, перешедшія Балканы черезъ Шипкинскій перевалъ, не отрѣзали ему дальнѣйшаго пути отступленія на городъ Адрианополь, онъ и началъ отступать, стараясь, по возможности, выиграть время.

На другой день, въ 9 часовъ утра, 31-го декабря, когда стало извѣстнымъ объ отступленіи Сулеймана, мы, тѣмъ же походнымъ порядкомъ, двинулись черезъ Трояновъ перевалъ.

Ясные, теплые дни вначалѣ, затѣмъ сильный морозъ и вѣтеръ сдѣлали то, что дорога, по которой приходилось двигаться, покрылась ледяной корой. Если

*) Шипкинскій проходъ взятъ нашими войсками послѣ кровопролитнаго боя 28-го декабря. Вся турецкая армія, оборонявшая его въ теченіи полугода, въ размѣрѣ 32,000 человекъ, при 93-хъ орудіяхъ, сдалась въ плѣнъ. Убыль наша въ этомъ дѣлѣ 135 офицеровъ и 5,464 нижнихъ чина.

прибавить къ этому кручи и длинный подъемъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, то станетъ понятно, сколько трудовъ пришлось перенести войскамъ прежде, чѣмъ достигнуть вершины. И дѣйствительно. Лошади, тащившія орудія, поминутно скользили и падали, люди, помогавшіе имъ, также. Пробившись еще нѣкоторое время и не разъ разбивъ носы о ледъ, мы скоро убѣдились, что такимъ способомъ далеко не уѣдешь и, не долго думая, какъ при переходѣ черезъ Балканы, выпрягли лошадей и на рукахъ потащили орудія. На сей разъ на нашемъ попеченіи была цѣлая батарея артиллеріи, что еще болѣе увеличивало трудность перехода.

Слѣдовавшіе при ротахъ офицеры, нѣсколько разъ, для подбодренія измучившихся людей, брались сами за канаты и вмѣстѣ съ ними тащили орудія.

— Ну, ребята, понатужимся еще, да живо вскатимъ пушку!—говорилъ командиръ баталіона, подходя вмѣстѣ съ командиромъ 1-й роты къ кучкѣ людей и хватаясь за канаты.

— Валяй! валяй!... Ну! ну! ну! пошла голубушка!—завопили въ одинъ голосъ стрѣлки.

Двигаясь такимъ образомъ, къ 12-ти часамъ ночи, т. е. какъ разъ къ наступленію новаго, 1878 года, подошли мы къ вершинѣ перевала, укрѣпленію Паланки, и расположились на отдыхъ. Здѣсь встрѣтили мы новый и проводили старый годъ.

— Съ новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ! — поздравляли другъ друга офицеры, прихлебывая прямо изъ бутылокъ какое-то неизвѣстное вино, захваченное въ Софіи.

— Что-то хорошаго принесетъ съ собой этотъ новый наступающій годъ и не хуже-ли онъ будетъ стараго?— мысленно подумалъ каждый, стараясь угадать недалекое будущее.

Наступившее утро новаго года освѣтило, далеко разстилающуюся передъ нами, долину рѣки Марицы и городъ Татаръ-Базарджикъ. Городъ горѣлъ и черные клубы дыма медленно расходились въ спокойномъ воздухѣ яснаго утра. Около 10-ти часовъ утра всѣ роты спустились съ перевала и, передохнувъ $\frac{1}{2}$ часа въ деревнѣ Вѣтреново, двинулись далѣе. Слышно было, что непріятель занялъ позицію посреди города и, по-видимому, намѣренъ драться. Наша кавалерія съ конной артиллеріей уже открыла по немъ пальбу и ожидаетъ прибытія пѣхоты. Въ 4 часа баталіоны бригады подошли къ деревнѣ Бушуля и нѣкоторое время держались наготовѣ за деревней. Однако, въ этотъ первый день наступившаго года ничего особеннаго не произошло, такъ что конная артиллерія, пострѣлявъ еще немного, смолкла, а пѣхота расположилась на тѣсныхъ квартирахъ. На другой же день предполагалось атаковать городъ, причемъ наша бригада, войдя въ составъ лѣвой колонны, подъ начальствомъ генералъ-маіора Элліса, должна была ударить на правый флангъ непріятеля.

Сообразно этому, въ 7 часовъ утра, 2-го января, мы выступили изъ деревни и первоначально направились по шоссе, но, дойдя до поворота на предназначенную намъ позицію, остановились. Въ это время, графъ Шуваловъ съ кавалеріей производилъ осмотръ мѣстности и, подвигаясь осторожно къ городу, скоро

убѣдился, что непріятеля тамъ нѣтъ. Воспользовавшись темнотой, онъ успѣлъ отступить по направленію къ городу Филиппополю.

Узнавъ объ этомъ, кавалерія продолжала свое движеніе по слѣдамъ убѣгающаго непріятеля, а скоро за нею двинулась и пѣхота со стрѣлками во главѣ.

Началось знаменитое преслѣдованіе по пятамъ; — преслѣдованіе, во время котораго стрѣлки, воодушевленные словами графа Шувалова, состязались въ быстротѣ движенія съ кавалеріей, забывали усталость, перенесенную при переходѣ черезъ Трояновъ переваль и стремительно подвигались впередъ, чтобы нагнать хвостъ отступающихъ турецкихъ колоннъ.

Черезъ городъ прошли мы не останавливаясь и только по выходѣ приостановились на минуту и оглядѣлись. Оказалось, что непріятель отступаетъ по двумъ путямъ: по шоссе и по полотну, начинающейся тутъ Константинопольской желѣзной дороги. Часть войскъ, а равно и мирные жители увезены изъ города въ теченіи ночи, другая бѣжитъ безъ оглядки пѣшкомъ по названнымъ двумъ путямъ и еще не совсѣмъ успѣла скрыться изъ вида.

Кое-гдѣ замѣтны кучки черкесовъ и баши-бузуковъ, прикрывающихъ отступление и удерживающихъ натискъ нашей кавалеріи. Разсказываютъ, что послѣдній поѣздъ, увезшій жителей и войска, отошелъ отсюда только за нѣсколько минутъ до нашего прибытія. И что это былъ за поѣздъ! Какой суетой и беспорядкомъ сопровождалось его отправленіе! Всякій, конечно, норовилъ удрать скорѣе изъ города и торопился занять малѣйшее свободное мѣстечко не только въ вагонѣ, но и на вагонѣ. Пере-

полненные такимъ образомъ внутри и сверху, вагоны еле выдерживали тяжесть облѣпившаго ихъ народа и медленно катились по рельсамъ, съ опасностью растерять по дорогѣ своихъ разнообразныхъ пассажировъ. Тѣмъ не менѣе, однако, намъ не удалось видѣть этотъ странный поѣздъ (онъ успѣлъ скрыться до нашего прихода) и мы могли только судить о немъ по рассказамъ оставшихся тутъ болгаръ. Въ самомъ городѣ также происходили не менѣе интересныя сцены. Неуспѣвшіе бѣжать турецкіе солдаты запрятались по погребамъ и шкафамъ опустѣвшихъ домовъ и теперь попадались въ руки нашихъ деньщиковъ и обозныхъ. Болгары также не дремали и, гдѣ возможно, вымѣщали свою накопившую злобу на этихъ отсталыхъ, а иногда просто и на мирныхъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Такъ, напримеръ, одинъ изъ нихъ схватилъ попавшагося ему по дорогѣ турка и, не долго думая, на глазахъ нашихъ деньщиковъ, давай тупымъ ножомъ пилить ему горло. Конечно, такое звѣрство сейчасъ же было остановлено и полузарѣзанный турокъ вырванъ изъ когтей кровожаднаго братушки. Но кто знаетъ, что совершалось тамъ, гдѣ не было насъ, и сколько крови напрасно проливалось такими мстителями!

Простоявъ нѣкоторое время у города и вдоволь наслушавшись различныхъ рассказовъ и налюбовавшись на нашихъ казаковъ, мы скорымъ шагомъ двинулись далѣе по шоссе. Въ это время, правѣ насъ, по полотну желѣзной дороги двигался отрядъ генерала Вельяминова, преслѣдовавшій ту часть турецкихъ войскъ, которая отступала по этому пути. Но такъ какъ желѣзная дорога въ этомъ мѣстѣ проходила по лѣсу, то мы

и не могли видѣть, что происходитъ тамъ и все свое вниманіе устремляли впередъ, гдѣ уже слышались ору-
дійные выстрѣлы нашей конной артиллеріи. Скоро,
однако, мы должны были измѣнить первоначальное на-
правленіе и сойти съ шоссе въ сторону. Случилось
это вотъ почему: графъ Шуваловъ получилъ отъ разъ-
ѣздовъ донесеніе, что вправо отъ шоссе, по желѣзной
дорогѣ, стоятъ нѣсколько турецкихъ баталіоновъ и,
видимо, не знаютъ куда имъ направиться, такъ какъ
со всѣхъ сторонъ тѣснятъ ихъ наши войска и слы-
шатся пушечные выстрѣлы. Упустить такой удобный
случай — побить ошалѣвшихъ турокъ, конечно, не хо-
тѣлось, и вотъ, мы сами тотчасъ же свернули съ
шоссе вправо и двинулись цѣликомъ, по указанію
разъѣзда, къ желѣзной дорогѣ.

— Ребята! сама судьба даетъ намъ турокъ въ
руки. Соберите же свои силы и смѣло ударимъ на
нихъ, — сказалъ графъ Шуваловъ, обращаясь къ стрѣл-
камъ.

— Рады стараться, ваше сіятельство! — дружно
крикнули въ отвѣтъ стрѣлки и привычной поступью
зашагали по вспаханному полю.

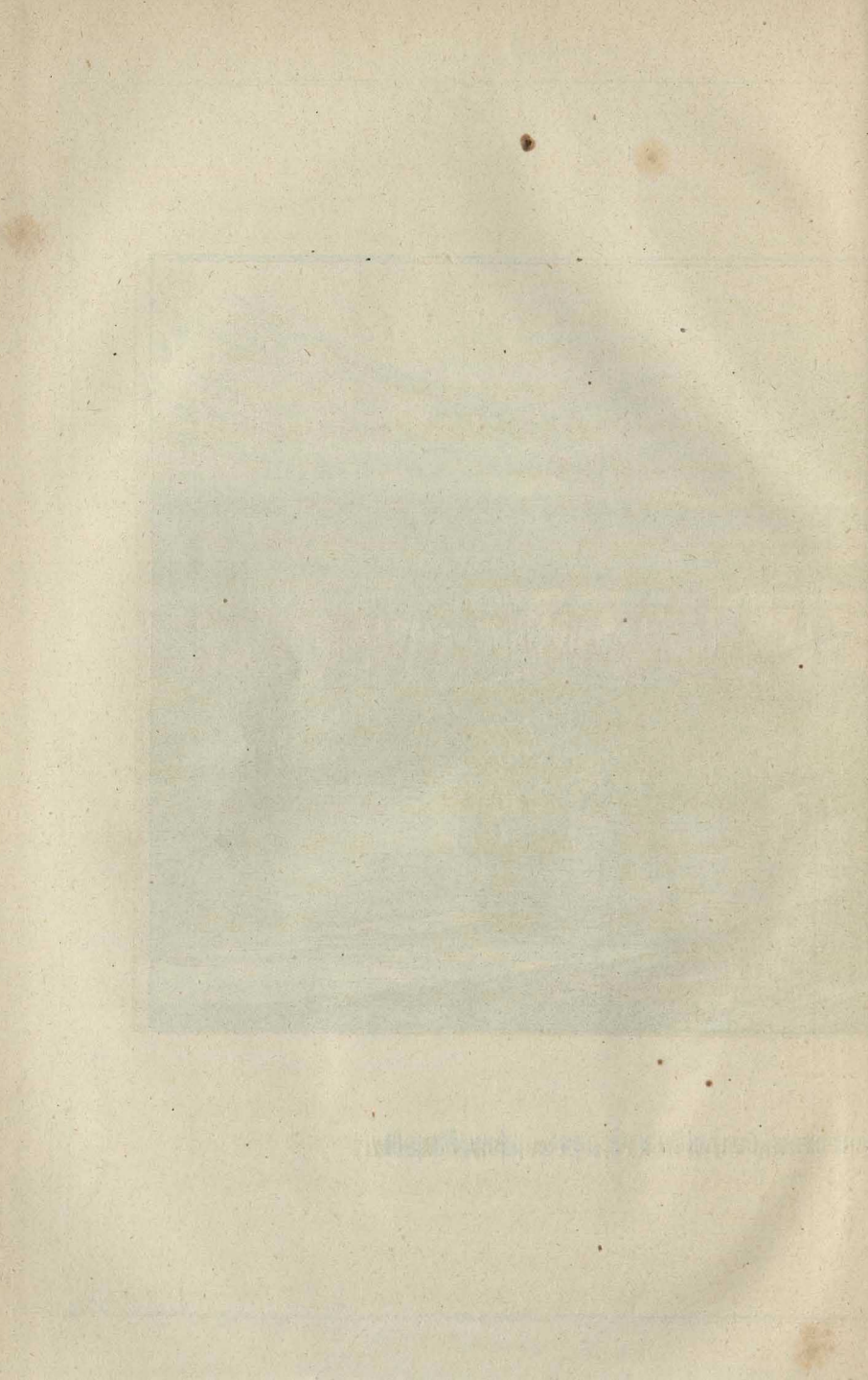
Быстро миновали поле. Голова баталіона подошла
уже къ небольшому ряду деревьевъ, скрывающихъ
впереди лежащую мѣстность и вдругъ остановилась.

Передъ нами была широкая рѣка Марица, и вдоба-
вокъ, по ней шелъ ледъ. Довольно толстые куски его,
шурша другъ о друга, растираясь въ болѣе мелкіе и
цѣпляясь за берега, быстро неслись внизъ по теченію.

Стрѣлки остановились на минуту передъ такимъ
неожиданнымъ и труднымъ препятствіемъ, не зная на

Переправа л.-гв. 1-го Стрѣлковаго Его Величества баталіона черезъ рѣку Марицу.

что рѣшиться и не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о глубинѣ рѣки, ни о томъ, на сколько она проходима въ бродъ въ это время.

— Думали, всего испытали, всего попробовали, а этого еще не доводилось, — говорили стрѣлки, глядя на рѣку и ожидая приказаній.

— Валяй, ребята, прямо! — приказалъ подъѣхавшій къ баталіону графъ Шуваловъ, махнувъ рукою по направлению того берега.

Разсуждать было нечего и, издавшіе виды стрѣлки, подобравъ шинели чуть не на голову и повѣсивъ патронныя сумки на штыки, двинулись въ воду. Вода текла вездѣ одинаково быстро, унося частицы льда и ни вблизи, ни вдали, не было видно чего-либо похожаго на бродъ. Собравшіеся по ту сторону рѣки, у деревни, братушки, указывали намъ прямо передъ собой и кричали что-то, но что именно — разслышать было невозможно за шириной рѣки и поднявшимся шумомъ отъ взбурдаженной воды. Съ каждымъ шагомъ рѣка становилась все глубже и глубже и на срединѣ вода дошла до самага пояса. Одежда быстро промокла, сапоги налились холодной водой.

— Давненько въ банѣ не бывали, пришлось въ рѣкѣ покупаться, — дрожа всеѣмъ тѣломъ и поднимая выше и выше надъ головой ружье, говоритъ какой-то стрѣлокъ, подсмѣиваясь надъ самимъ собой и стараясь выбраться на болѣе мелкое мѣсто.

— Ты вмѣсто мыла ледкомъ потришь, — совѣтуетъ на это другой.

— Лучше бани распарить, лучше огня разгонить разную тварь... Эхъ! казенные люди: на огнѣ не го-

римъ, на водѣ не тонемъ. Лѣзь, лѣзь сюда, тутъ точку помельче бу...

Но не успѣлъ докончить слова, какъ самъ почти по горло окунулся въ воду, оступившись въ яму.

По сторонамъ переходившихъ стрѣлковъ ѣхали, или, вѣрнѣе, переплывали рѣку верховые, погрузившись въ воду по самое сѣдло. Лошади фыркали, брыкались и съ ногъ до головы обдавали мелкими брызгами ледяной воды всадниковъ. Изрядный морозъ быстро леденилъ намокшую одежду и превращалъ ее въ совершенно твердую, незгибающуюся кору, которую не особенно пріятно было чувствовать на тѣлѣ.

Не смотря, однако, на все это, скоро баталіонъ перешелъ рѣку; вылили изъ сапогъ воду, выжали шинели и тотчасъ же разсыпавъ отъ 3-й и 4-й роты по полуротѣ въ цѣпь, построили боевой порядокъ и перешли въ наступленіе.

Вслѣдъ за нами переправился черезъ рѣку 4-й Стрѣлковый Императорской Фамиліи баталіонъ и часть лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

Пройдя деревню, мы, дѣйствительно, при слабомъ свѣтѣ сумерекъ, увидѣли влѣво непріятельскія колонны. Они стояли неподвижно на полотнѣ желѣзной дороги и, повидимому, ничего не предпринимали при нашемъ появленіи. Остановились и мы, не рѣшаясь подъ вечеръ начинать дѣло съ неизвѣстными непріятельскими силами. Пока поджидали остальные части, да старались развѣдать дѣйствительныя силы противника, — совершенно стемнѣло, и вопросъ объ атакѣ рѣшился, такъ сказать, самъ собой. Нельзя же было кинуться на непріятеля съ какими-нибудь 3—4 баталіонами,

не зная ни его силъ, ни мѣстности, ни намѣреній, да еще при наступившей темнотѣ. Поэтому, рѣшено было отвести войска нѣсколько назадъ, въ деревню Аддакой, и возобновить преслѣдованіе, а можетъ быть и вступить въ бой, съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Такое рѣшеніе нашего начальства, какъ оказалось впоследствии, было истиннымъ нашимъ спасеніемъ, ибо видѣнные нами войска составляли не 5—6 таборовъ, а цѣлую армію Сулеймана-паши, съ которой мы и столкнулись на другой день.

Но прежде чѣмъ начать описаніе этого знаменитаго сраженія, я долженъ еще сказать нѣсколько словъ о не менѣе знаменитомъ и памятномъ для всѣхъ насъ днѣ 2-го января, такъ блистательно законченномъ переправой въ бродъ рѣки Марицы во время ледохода. Если всѣ прошедшія событія безспорно показали міру русскую выносливость и храбрость, то это послѣднее еще разъ подтвердило эти качества и доказало, что для русскаго человѣка нѣтъ ничего невозможнаго. Онъ все перенесетъ, все вытерпитъ для блага своей дорогой родины и поддержанія славы русскаго оружія.

Итакъ, дальнѣйшее наступленіе пока приостановлено и наши баталіоны, въ ожиданіи слѣдующаго дня, отведены въ деревню Аддакой и расположены тамъ на ночлегъ по квартирамъ. Что-же, однако, представляли изъ себя теперь эти люди, только-что окунувшіеся въ ледяную ванну и спѣшившіе въ избы, чтобы у огня оттаять одежду и отогрѣть себя? Какое, хотя приблизительно, чувство долженъ былъ испытывать человѣкъ, промокшій до костей и простоявшій затѣмъ на морозѣ цѣлыхъ два часа?

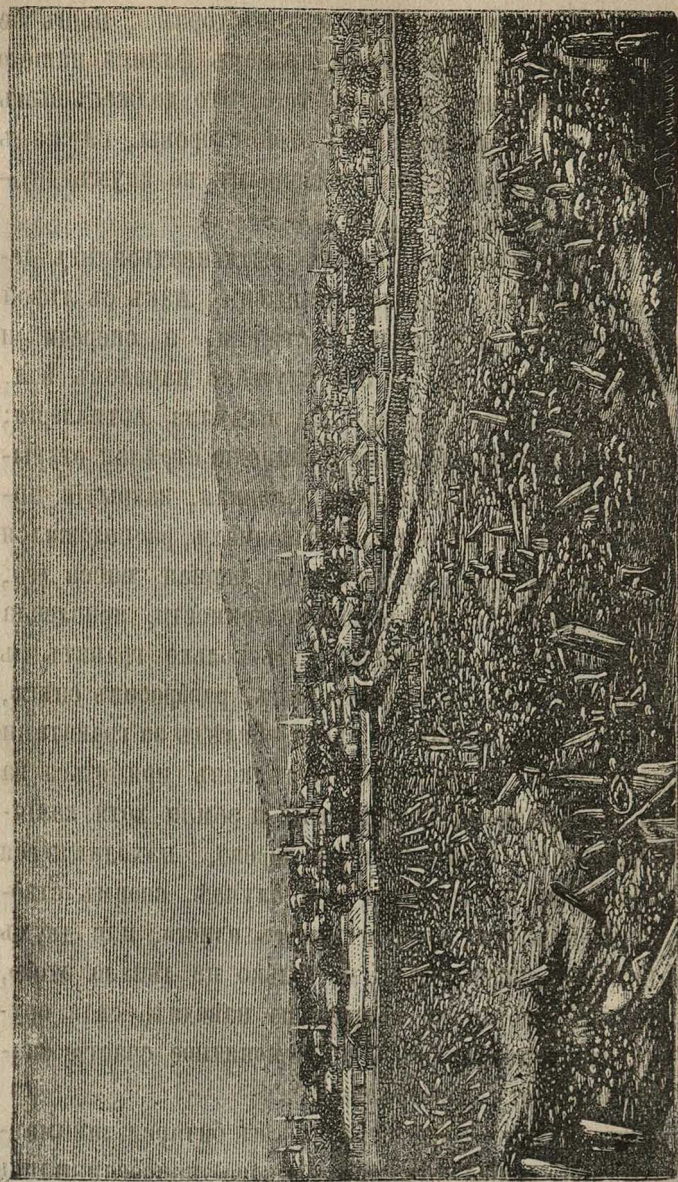
Далеко за полночь продолжалось высушивание одежды, а лишь только засвѣтилась заря, баталіоны начали собираться въ колонны и приготовляться къ выступленію. Въ это время, съ той стороны рѣки приходили новыя части войскъ и тоже строили колонны. Солдаты на минуту подбѣгали къ кострамъ, останавливались, чтобы обсушиться, ибо на ихъ долю выпало продѣлать сегодня то, что продѣлали вчера мы, показавъ имъ примѣръ. За пѣхотой начала прибывать артиллерія, такъ что къ 8-ми часамъ утра (3-го января) отрядъ собрался и выступилъ изъ деревни къ желѣзной дорогѣ, гдѣ наканунѣ мы оставили непріятеля. Теперь мы увидѣли его почти на томъ-же мѣстѣ, но уже занимавшаго небольшую горку влѣво отъ насъ, у деревни Кады-Кіой. Большія массы пѣхоты чернѣли на вершинѣ ея и виднѣлись, направленные прямо на насъ, дула дальнобойныхъ орудій. Впереди проходила желѣзная дорога, а за нею, приблизительно въ верстѣ, поднимались горы, склоны которыхъ также оказались занятыми непріателемъ, а справа, изъ лѣска, по линіи все той-же желѣзной дороги, двигались около двухъ полковъ непріятельской кавалеріи съ артиллеріей и направлялись къ подошвѣ впереди виднѣвшихся горъ, на соединеніе съ пѣхотой. Отсюда мы увидѣли, что первоначально противникъ окружалъ насъ съ трехъ сторонъ, сообразно съ чѣмъ и мы расположили свои войска слѣдующимъ образомъ:

4-й баталіонъ Императорской Фамиліи разсыпалъ цѣпь по направленію къ деревнѣ Кады-Кіой и занялъ позицію противъ главныхъ силъ непріятеля. Финскіе стрѣлки и лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ стали вдоль

линии желѣзной дороги, фронтомъ къ горамъ, нашъ же баталіонъ очутился на самомъ правомъ флангѣ нашего боевого расположенія, и кромѣ того, что долженъ былъ охранять его отъ нападенія съ этой стороны, служилъ поддержкой войскамъ, расположеннымъ по двумъ другимъ направленіямъ.

Лишь только отрядъ началъ вытягиваться изъ деревни и занимать описанное положеніе, какъ съ лѣвой горы раздались пушечные выстрѣлы, а спереди и справа засвистѣли пули. Это служило началомъ боя. Съ нашей стороны тотчасъ же выѣхала артиллерія; рассыпавшіеся Императорскіе и Финскіе стрѣлки открыли огонь. Мѣстность совершенно ровная, закрытія никакого. Баталіонъ, въ ротныхъ колоннахъ, расположился прямо на снѣгу и скоро громадная черная масса его, ясно обозначавшаяся на бѣлой поверхности, привлекла на себя вниманіе непріятеля. Нѣсколько гранатъ съ трескомъ разорвались по сторонамъ, разбросивъ снѣгъ, но не причинивъ никакого вреда. Вслѣдъ за гранатами зашипѣли пули и заставили стрѣлковъ приняться за лопаты и сдѣлать себѣ изъ снѣга и земли хотя какія-либо закрытія. Единственное дерево, находившееся возлѣ баталіона и могущее, при случаѣ, своимъ стволомъ прикрыть отъ пуль и гранатъ одного, или двухъ человѣкъ, на самомъ дѣлѣ, не только не дѣлало этого, а напротивъ—помогало непріятелю наводить свои орудія на насъ и только какое-то непонятное счастье спасло баталіонъ отъ разстрѣліянія.

Дѣйствительно, къ выстрѣламъ съ батареи, занимавшей позицію влѣво отъ насъ, скоро присоединились выстрѣлы съ вновь установленныхъ батарей спереди и

Видъ города Софіи (къ егран. 126).

справа, и всё гранаты, за малымъ исключеніемъ, летѣли въ нашу сторону, превративъ окружающую мѣстность въ вспаханное поле, но все-же не причиняя намъ вреда. Эту счастливую случайность можно до нѣкоторой степени объяснить такимъ образомъ: извѣстно, что артиллеристъ судить о томъ — попала или нѣтъ его граната въ цѣль — по дыму отъ разрыва. На наше счастье, дымъ рвавшихся гранатъ вѣтромъ несло на баталіонъ и онъ дѣлался виденъ туркамъ какъ-бы поднимавшимся изъ середины баталіона и, слѣдовательно, указывалъ имъ, что стрѣльба ихъ вѣрна и пораженіе должно быть громадно, а потому прицѣла мѣнять не слѣдуетъ. На самомъ же дѣлѣ, всё гранаты перелетали, или ложились нѣсколько правѣе, и иногда такъ близко, что разлетѣвшіеся вверхъ осколки и комья мерзлой земли падали въ баталіонъ.

Въ это время, какъ мы стояли въ такомъ положеніи, ежеминутно ожидая болѣе удачнаго выстрѣла, сзади, шагахъ въ 50-ти за нами, проходила рота Гренадеръ. Раздался выстрѣлъ и граната угодила въ самую средину ея, положивъ заразъ 6 человекъ. Этотъ случай, конечно, вызвалъ разсужденія среди стрѣлковъ о счастіи и несчастіи въ сраженіи.

— Вѣдь вотъ, поди-жь ты! сколько времени тутъ лежимъ, а хоть-бы одна упала, а они не успѣли подняться съ мѣста, какъ ужъ готово дѣло: — расшвыряла во всё стороны. Вѣдь надо-жь было въ это самое время подвернуться. Не по нимъ и стрѣляли-то. Что не говори, братцы, а ужъ такое ихъ, вѣрно, счастье поганое!

Между тѣмъ, бой разгорался и подходилъ уже къ

тому моменту, когда наступающая сторона начинает подготавливать себя атаку, а обороняющаяся готовится къ упорной защитѣ, или отступленію, и обѣ стороны не щадятъ патроновъ и снарядовъ, чтобы какъ можно болѣе ослабить другъ друга. Артиллерія громить залпами, пѣхота — учащеннымъ огнемъ. Выстрѣлы сливаются въ общій несмолкаемый гулъ, дымъ заволакиваетъ мѣстность, раненые ищутъ спасенія на перевязочныхъ пунктахъ, убитые валятся, какъ подкошенные, въ лужахъ собственной крови; ординарцы и вѣстовые, сломя голову, скачатъ по всѣмъ направленіямъ, развозя приказанія, а главные начальники властнымъ словомъ направляютъ тысячи бойцовъ на встрѣчу врага и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за ходомъ дѣла.

Во время поднявшейся такимъ образомъ ружейной перестрѣлки, одна изъ пуль прострѣлила насквозь унтеръ-офицера 2-й роты, Казанцева. Раненый со стономъ покатился на землю. Подбѣжали санитары, и пока они клали на носилки продолжавшаго стонать унтеръ-офицера, командиръ баталіона всячески старался утѣшить его и ободрить, чтобы прекратить этотъ стонъ, дурно дѣйствующій на окружающихъ. Вслѣдъ за симъ, другая пуля, съ рѣзкимъ звукомъ, ударила въ голову ефрейтору 2-й роты Пелимонову, да такъ удачно, что только искровянила и оставила на лбу глубокую царапину.

— Что съ тобой? спросилъ командиръ, быстро обернувшись въ сторону вскочившаго уже на ноги Пелимонова.

— Ничего, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ тотъ,

вытягиваясь и нащупывая рукой оставшійся шрамъ.— Пуля въ голову ударила, да, кажется, тутъ и осталась. Не видать что-то! Ужь больно звонко шлепнула,—въ ушахъ зазвенѣло.

— Нѣтъ, братъ, отскочила; вѣрно, прочный лобъ у тебя. Только на память слѣдъ свой оставила,—сказалъ командиръ, осматривая раненаго.—Больно?

— Никакъ нѣтъ. Саднѣтъ немножко,—пересиливая на самомъ дѣлѣ жгучую боль, отвѣчалъ Пелимоновъ.

— Молодецъ! Умѣешь терпѣть, какъ и слѣдуетъ солдату. Поздравляю тебя унтеръ-офицеромъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше высокоблагородіе! отвѣчалъ обрадованный вновь испеченный унтеръ-офицеръ.

Недалеко отъ раненаго Казанцева и Пелимонова, былъ убитъ фельдфебель роты Его Величества, Береговъ. Пуля ударила въ самую средину лба и только короткій вздохъ, похожій на мычанье, услышали окружающіе. Смерть настала мгновенно. Когда о ней узналъ командиръ баталіона, то приказалъ тотчасъ же, и на томъ же самомъ мѣстѣ, похоронить несчастнаго Берегова, чтобы, въ случаѣ чего, трупъ его не остался безъ погребенія. Неглубокая могила была быстро вырыта. Командиръ и офицеры перекрестили тѣло, два-три стрѣлка прошептали «царство ему небесное» и земля закрыла навсегда боеваго товарища.

Въ то же время, когда происходила простая, но трогательная церемонія похоронъ, за нами, въ деревнѣ Адакаіой, должно-быть казакъ, затанулъ во все горло какую-то русскую пѣсню и какъ странно было слышать ее въ самый разгаръ боя. Выпилъ-ли онъ и до-

шелъ до того состоянія, въ которомъ, какъ говорится, и море по колено, или же просто забубенная, развеселая голова его захотѣла позабавиться пѣсней, выбравъ не совсѣмъ удобное для этого время. Что бы тамъ ни было, тѣмъ не менѣе, пѣсня неумолкаемо раздавалась изъ деревни къ немалому удовольствію стрѣлковъ и странно звучала среди совершенно другаго рода звуковъ отъ рвавшихся гранатъ и шлепавшихся пуль.

Около 4-хъ часовъ огонь нашихъ батарей и берданокъ сдѣлалъ свое дѣло: у непріятеля появились первые признаки отступленія. Его кавалерія и пѣхота, занимавшая позицію по склонамъ впереди лежащихъ горъ, мало-по-малу, была оттѣснена нашими войсками къ главной позиціи, на лѣвой горѣ, и весь боевой порядокъ нашъ измѣнилъ теперь свое направленіе, завернувъ правымъ крыломъ впередъ и вытянувшись въ одну прямую линію. Баталіонъ былъ переведенъ съ праваго фланга, гдѣ стоялъ вначалѣ, на лѣвый и сталъ уступомъ за Императорскимъ, противъ главной позиціи непріятеля. На этой позиціи тоже замѣчалось приготовленіе къ отступленію. Значительныя массы кавалеріи, назначавшіяся для прикрытія отступленія, выѣхали впередъ и заняли мѣсто пѣхоты, продолжая пока поддерживать ружейный и артиллерійскій огонь. Съ нашей стороны также была выслана на правый флангъ кавалерія для преслѣдованія. Темнѣло. Перестрѣлка, видимо, ослабѣвала по всей линіи и только на правомъ флангѣ поддерживалась еще довольно долго и даже наступившая темнота не прекратила ее окончательно. Изрѣдка, изъ виднѣвшагося въ отдаленіи лѣска, сверкали огоньки отъ ружейныхъ выстрѣловъ, и

такъ какъ вѣтеръ былъ въ ту сторону, то мы, не слыша самихъ выстрѣловъ, видѣли только эти перебѣгающіе огоньки и долго любовались красотой ихъ.

Этимъ закончился первый день знаменитаго сраженія подъ Филиппополемъ. Самый городъ въ тотъ же день былъ занятъ нашими драгунами и, бѣжавшій оттуда, непріятель присоединился къ главнымъ своимъ силамъ, сбитымъ съ прямого направленія и отступающимъ теперь горами.

Баталіоны наши были опять поставлены по квартирамъ въ деревнѣ Аддакійю.

На слѣдующій день (4-го января) преслѣдованіе продолжалось тремя колоннами: правой—генерала Вельяминова, средней—графа Шувалова, и лѣвой—генерала Шильдеръ-Шульднера.

Оттѣсненный непріятель отошелъ верстъ 10 назадъ, занялъ новую позицію по склонамъ горъ и въ ночь укрѣпился на ней.

Мы, по прежнему, оставались въ колоннѣ графа Шувалова, и во главѣ ея, со всѣми предосторожностями, двигались по полотну желѣзной дороги. Правѣ насъ, вдоль горъ, шелъ генералъ Вельяминовъ; лѣвѣ, по шоссе, — генералъ Шильдеръ-Шульднеръ. Подойдя къ деревнѣ Кады-Кіюй, противъ которой еще вчера занималъ непріятель позицію, мы, какъ и слѣдовало ожидать, никого здѣсь не нашли и безъостановочно продолжали двигаться далѣе, не встрѣчая препятствій. Въ это же время, голова колонны генерала Вельяминова наткнулась уже на непріятеля и завязала съ нимъ артиллерійскій бой. Слѣдуя затѣмъ далѣе вдоль фронта непріятельскихъ позицій, мы скоро обратили на себя

его вниманіе и двѣ - три гранаты разорвались по близости, не долетѣвъ до цѣли. Длинная кишка нашей колонны, растянувшаяся на громадное разстояніе по полотну дороги и задерживаемая ежеминутно артиллеріей, которую пришлось переправлять черезъ сквозные желѣзнодорожные мосты, представляла такую великолѣпную цѣль непріятелю, что онъ, не обращая вниманія на недолеты, продолжалъ громить насъ, но бесполезно. Прошло еще нѣсколько времени. Всѣ мы уже успѣли привыкнуть къ безвреднымъ выстрѣламъ, какъ вдругъ, одна изъ гранатъ съ визгомъ пролетѣла между нашими 1-й и 3-й ротой, и тутъ же почти зарылась въ землю, не разорвавшись. Тѣмъ не менѣе, люди ускорили шагъ и подтянулись, ожидая повторенія выстрѣла. Неизвѣстно, однако, почему турки не только не повторили его, а даже совсѣмъ прекратили стрѣльбу. Не сдѣлай они этого, мы оказались-бы въ самомъ сѣверномъ положеніи, ибо, какъ я и говорилъ, впереди задерживала артиллерія, а по обѣимъ сторонамъ было болото.

Такъ какъ наступленіе съ нашей стороны на фронтъ непріятельскихъ позицій было невозможно во 1-хъ потому, что мѣстность была болотистая, а во 2-хъ совершенно открытая и, двигаясь по ней, мы могли-бы потерять очень много людей, то наше дѣло въ этотъ день ограничилось занятіемъ, на всякій случай, оборонительной позиціи, предоставивъ двумъ другимъ колоннамъ вести наступленіе на фланги непріятеля. И дѣйствительно. Выбравъ удобное мѣсто, графъ Шуваловъ развернулъ свою колонну въ боевой порядокъ и открылъ сильный орудійный огонь, облегчая тѣмъ дѣй-

Бр. Анфиловъ, СПб. Литейная 54.

Л.-гв. 1-й Стрѣлковый Его Величества баталіонъ въ бою подъ Филиппополемъ.

ствія колоннъ генераловъ Вельяминова и Шильдеръ-Шульднера. Нашему баталіону пришлось прикрывать одну изъ батарей, для чего мы и были переведены на лѣвый флангъ позиціи и поставлены въ небольшой рощищѣ. На этомъ мѣстѣ мы провели остатокъ дня и всю ночь съ 4-го на 5-е число. Орудія продолжали перестрѣливаться, но ружейнаго огня не было весь день. Къ вечеру все стихло и наступившая темнота застала непріятеля на тѣхъ же мѣстахъ. Что будетъ на слѣдующій день—никто не зналъ, да, по правдѣ сказать, и не думалъ объ этомъ. Мы такъ привыкли за эти дни къ непріятелю и къ его постоянному отступленію, что не обращали почти никакого вниманія и, зарывшись въ появившееся откуда-то сѣно, преблагополучно провели ночь въ рощѣ.

Послѣдній день кровавой битвы начался тихимъ, спокойнымъ утромъ. На позиціяхъ у непріятеля не было замѣтно никакого движенія,—точно вымерли всѣ за ночь, или убрались на другое мѣсто. Изрѣдка, по зади, у города Филиппополя, раздаются чьи-то одиночные выстрѣлы и опять все тихо. Погода прекрасная, ясная и теплая. Весеннія птички неумолкаемо звенятъ въ чащѣ деревьевъ и безконечными переливами разносится ихъ пѣніе по чистому воздуху. Близость города, а слѣдовательно и отдыха, заставляетъ скорѣе покончить съ этимъ непрерывнымъ, утомительнымъ преслѣдованіемъ и скорѣе доканать упорнаго непріятеля. Двухдневный бой, однако, не ослабилъ его еще настолько, чтобы бѣжать, или сдаваться безъ сопротивленія. Онъ твердо рѣшился защищаться до послѣдней крайности и только съ бою уступалъ залитыя кровью по-

зиціи. Въ эту ночь, такъ же какъ и въ прошлую, онъ снова отступилъ, но отступилъ не далеко и приготовился къ оборонѣ.

Притиснутый теперь окончательно къ горамъ и окруженный плотно съ трехъ сторонъ нашими войсками, непріятель потерялъ прямой путь отступленія на городъ Адріанополь и, въ случаѣ крайности, принужденъ былъ отступать черезъ горы, но и тутъ натыкался на грозные штыки 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, успѣвшій уже пробраться туда горными дорогами. Такое безвыходное положеніе непріятеля придавало ему отчаянную смѣлость. Численность всей арміи Сулеймана, расположенной въ настоящее время противъ насъ, простиралась, говорятъ, отъ 40 до 45 тысячъ человѣкъ, съ большимъ количествомъ артиллеріи.

Въ 10 часовъ утра колонна генерала Шильдеръ-Шульднера двинулась противъ праваго фланга непріятеля и среди полной тишины вдругъ раздались оглушительные орудійные залпы, потрясая воздухъ и далеко разносясь по окрестностямъ. Залпъ слѣдовалъ за залпомъ. Имъ вторилъ трескъ гранатъ и свистъ осколковъ. Непріятель, видимо, не щадилъ снарядовъ. Непрерывно сыпалъ ими въ наступающія колонны, чтобы стальнымъ дождемъ хотя не много задержать ихъ стремительное наступленіе. Скоро въ той же сторонѣ слышалась ружейная перестрѣлка. Сначала слабая, она, съ каждой минутой, учащалась и, мало-по-малу, переходила въ непрерывный гулъ. Десятки тысячъ винтовокъ сыпали пули, поражая направо и налево и вырывая сотни жертвъ изъ рядовъ наступающаго. Бой кипѣлъ на правомъ флангѣ непріятеля, когда къ лѣ-

вѣстому подходилъ генералъ Вельяминовъ, а съ фронта насѣдали мы. Безмолвныя доселѣ, непріятельскія позиціи, обращенныя къ намъ, задымились; съ обѣихъ сторонъ загрохотали пушки и черезъ полчаса вся она, изъ конца въ конецъ, ревѣла, какъ разъяренный левъ, отчаянно отбиваясь отъ напавшихъ съ трехъ сторонъ войскъ.

Около двѣнадцати часовъ дня, гвардейскіе стрѣлки были потребованы къ деревнѣ Марково, для поддержанія лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, намѣревавагося начать атаку непріятельскихъ батарей. Выйдя изъ рощи, мы сразу очутились на виду у непріятели и скорымъ шагомъ направились къ назначенному мѣсту, стараясь какъ можно быстрѣе миновать открытую мѣстность и ближе подойти къ непріятелю. Гранаты сыпались со всѣхъ сторонъ, но ни одна изъ нихъ не тронула баталіонъ, тогда какъ, шедшій за нами почти слѣдомъ, лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ былъ положительно растрепанъ ими. Подвигаясь такъ же благополучно далѣе, мы подошли къ деревнѣ Марково и остановились въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, среди рѣдкихъ фруктовыхъ деревьевъ, нисколько не скрывавшихъ насъ отъ непріятельскихъ пуль и гранатъ. Массы ихъ летали по всѣмъ направленіямъ, наполняя воздухъ какимъ-то шипѣніемъ и свистомъ. Въ это время бой снова усилился на правомъ флангѣ противъ колонны Шильдеръ-Шульднера. Непріятель, собравъ послѣднія силы, ринулся на нее, въ надеждѣ прорваться и еще разъ ускользнуть изъ нашихъ рукъ. Чтобы оттянуть оттуда часть войскъ, графъ Шуваловъ приказалъ нашей бригадѣ, не обращая вниманія на

батареи, двинуться на лѣвый флангъ турокъ и вмѣстѣ съ колонной генерала Вельяминова атаковать его. Между тѣмъ, непрерывно подходившія къ намъ новыя войска, неудачная попытка прорваться на правомъ флангѣ и смѣлое наступленіе на лѣвый и фронтъ, заставили непріятеля отказаться отъ дальнѣйшей обороны и по одиночкѣ убираться въ горы. Въ то время, какъ мы двигались для исполненія возложенной на насъ задачи, значительныя кучи его собирались уже на гребнѣ горы, надъ деревней Марково, и оттуда, со страшной высоты, продолжали еще отстрѣливаться, рани и убивая даже за домами. Генераль Вельяминовъ, чтобы разогнать эти кучи, приказалъ пустить по нимъ нѣсколько гранатъ. Средство оказалось весьма дѣйствительнымъ. Мѣткій наводчикъ, поставивъ пушку дуломъ къ верху, угодилъ въ самую средину одной изъ кучъ и заставилъ этимъ разбѣжаться и остальныхъ. Въ 5-мъ часу отступленіе началось со всѣхъ позицій. Часть разбитой арміи, наткнувшись на 3-ю гвардейскую пѣхотную дивизію, была окончательно разсѣяна; другая, подъ начальствомъ самаго Сулеймана-паши, побросавъ на позиціяхъ всѣ орудія, бросилась въ горы, и также на половину разсѣялась. Въ догонку ей была послана наша кавалерія, а мы размѣстились на ночлегъ вблизи завоеванныхъ позицій, въ деревнѣ Марково. Такъ кончился послѣдній день Филиппопольскаго боя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдній день боевой жизни баталіона. Разбитыя, разсѣяныя турецкія арміи не могли больше оказывать намъ серьезнаго сопротивленія и только небольшія остатки ихъ бродили въ разныхъ мѣстахъ и добывались теперь нашей кавалеріей.

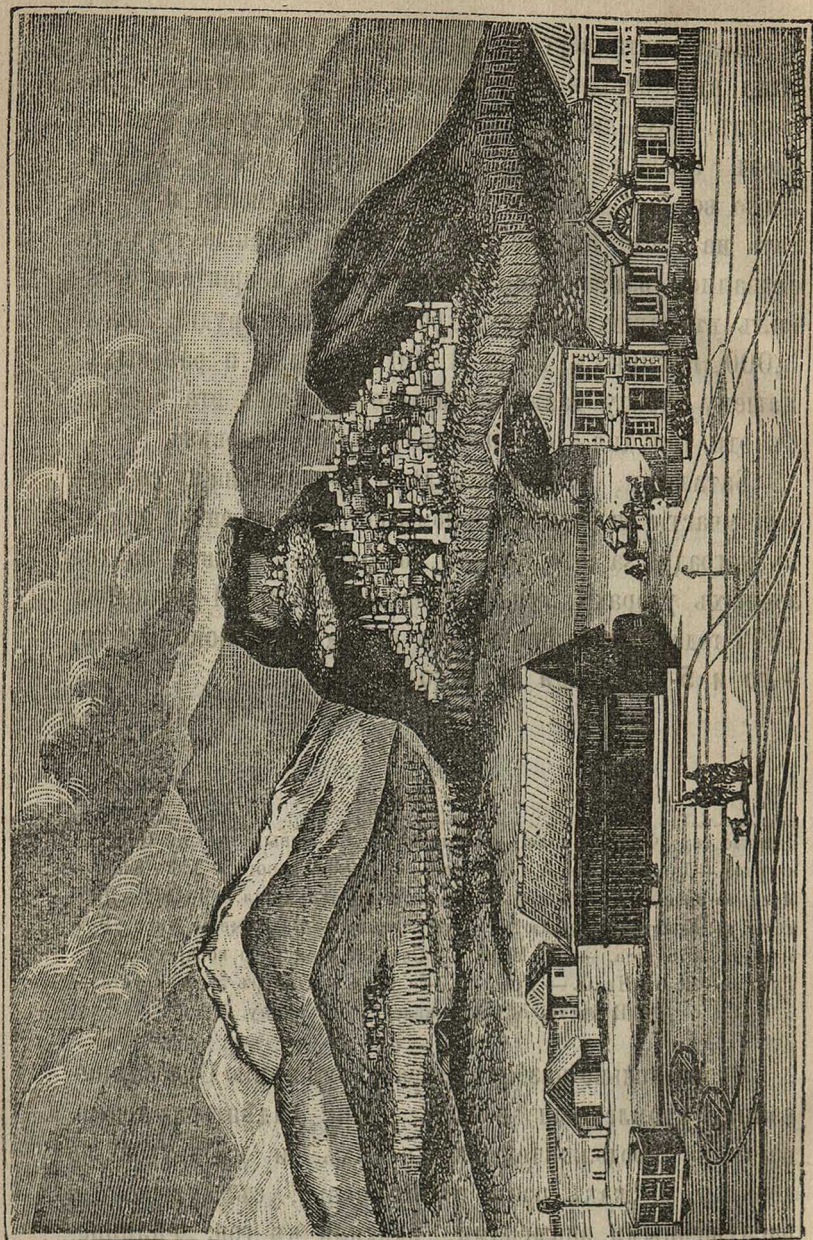
Полтора ста верстъ, пройденныя войсками безъ отдыха въ шесть дней, переправа въ бродъ Марицы и, наконецъ, трехъ-дневный непрерывный бой лучше всякихъ словъ говорить о силѣ и мужествѣ этихъ войскъ. Легко все это сказать, но не легко перенести и испытать на себѣ! Къ счастью, всѣ перенесенные труды не оказались напрасными. Разсѣянный непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ болѣе сотни орудій, около 3,000 плѣнныхъ и до 4,000 убитыхъ и раненыхъ. Нашему отряду также не дешево обошлась эта побѣда. Въ эти три дня, онъ потерялъ 2,000 человекъ.

Баталіону, какъ мы видѣли принимавшему со славою участіе въ окончательномъ погромѣ турецкой арміи, въ награду за это, послѣ войны, къ надписи на годовныхъ уборахъ: «за Правецъ 10-го и 11-го ноября 1877 года», было прибавлено и «за Филиппополь 3-го, 4-го и 5-го января 1878 года».

VI.

Занятіе гор. Филиппополя. — Новыя побѣды и новыя вѣсти. — Царская награда. — Движеніе къ Адрианополю. — Мертвая дорога. — Хасъ-Кіюй. — Мустафа-паша. — Адрианополь. — Заключеніе перемирія. — Чорлу. — Движеніе къ Константинополю. — Санъ-Стефано. — Заключеніе мира 19-го февраля 1878 года. — Ай-Мама. — Свѣтлое Христово воскресенье въ Турціи. — Кабы-Янлы. — Тревога 5-го іюля. — Смотръ 5-го августа. — Извѣстіе объ отправленіи на родину.

Окончательно разбивъ и разсѣявъ армію Сулеймана-паши, утомленныя войска могли надѣяться теперь на болѣе продолжительный отдыхъ, и на другой же день, т. е. какъ разъ въ Крещенье, съ музыкой и распущенными знаменами, входили въ гор. Филиппо-

Станція Филиппополь.

поль. Усталости какъ не бывало. Радость по случаю счастливаго окончанія боя, звуки давно забытой военной музыки придали силъ войскамъ и бодро проходили они церемоніальнымъ маршемъ мимо встрѣчавшаго ихъ генерала Турко. Это не былъ, конечно, блестящій парадъ, никто не могъ щегольнуть своей одеждой, но подъ этими растрепанными обносками бились закаленные въ бояхъ сердца, а загорѣлыя испачканные лица, нерѣдко со слѣдами сабельныхъ ударовъ, дышали силой. Толпы народа, во всевозможныхъ костюмахъ, тѣснились по сторонамъ улицъ и съ искреннимъ удивленіемъ смотрѣли на это торжественное шествіе своихъ освободителей.

Не смотря на то, что Сулейманъ-паша, отступая, приказывалъ все жечь и разрушать, городъ Филиппополь, благодаря быстротѣ нашего движенія, остался почти невредимымъ. Расположенный среди обширной равнины на двухъ скалахъ, снаружи онъ поражалъ своимъ красивымъ и страннымъ видомъ. Тѣ же узкія и кривыя улицы, которыя мы видѣли въ Софіи, были и здѣсь, но только въ нихъ замѣчалось больше движенія и жизни, а въ окружавшихъ домахъ—больше красоты и простора. По всему видно—городъ многолюдный и торговый. Съ одной стороны—желѣзная дорога, съ другой—судоходная рѣка Марица, достигшая тутъ почти 70-ти сажень ширины. Постоянный мостъ на ней былъ сожженъ тургами и теперь устраивался временный, нашими саперами. Провести въ такомъ городѣ на отдыхъ нѣсколько дней, пользоваться всеміи удобствами мирной жизни, было большимъ благополучіемъ для насъ, успѣвшихъ уже давно отвыкнуть отъ

всего этого и довольствовавшихся, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, чѣмъ Богъ послалъ.

Изъ окрестностей ежедневно приходили радостныя извѣстія о новыхъ побѣдахъ нашихъ войскъ, продолжавшихъ бить непріятеля при каждомъ удобномъ случаѣ. 7-го января, полковникъ Грековъ съ налету захватилъ 40 орудій сулеймановской колонны, разбивъ на голову, прикрывавшіе ихъ, пять таборовъ пѣхоты. Въ тотъ же день, полковникъ Панютинъ настигъ, на адріанопольскомъ шоссе, 2,000 турецкихъ повозокъ, съ прикрытіемъ въ шесть таборовъ, и также разбилъ и разсѣялъ ихъ. Наконецъ, 8-го января, передовой кавалерійскій стряжъ генераль-маіора Струкова занялъ вторую столицу турецкаго султана — городъ Адріанополь. На далекое разстояніе путь сдѣлался свободенъ и мы могли безпрепятственно двигаться почти вплоть до Константинополя, для защиты котораго со всѣхъ концовъ стягивались остатки разбитыхъ армій и набирались новыя войска.

Городъ Константинополь, или, иначе, Царьградъ, до занятія его турками (болѣе 400 лѣтъ тому назадъ), принадлежалъ христіанамъ, именно грекамъ, и давно былъ извѣстенъ русскимъ купцамъ, торговавшимъ съ ними разными товарами. Наши древніе князья, правившіе, во время оно, русскимъ народомъ, также не разъ посѣщали этотъ городъ и даже оттуда вывели въ Россію христіанскую вѣру. Стоитъ городъ Константинополь межъ двухъ морей: Чернаго и Мраморнаго. Черное принадлежитъ Россіи, Мраморное — Турціи, и, чтобы попасть изъ одного въ другое, нужно проѣхать широкимъ проливомъ, по имени «Босфоръ». По ту сто-

рону Босфора также Турція и границы ея подходятъ къ самому нашему Кавказу. Одновременно съ нашимъ движеніемъ на Константинополь съ этой стороны, русскія войска, расположенныя на Кавказѣ и также удачно колотившія турокъ на каждомъ шагу съ начала войны, двигались туда же съ другой стороны. Не смотря на свое безвыходное положеніе, турки, однако, не хотѣли еще мириться, вѣроятно, рассчитывая на поддержку какого-либо другаго государства и, чтобы заставить ихъ это сдѣлать, мы должны были двигаться и бить до конца, до полного истребленія.

Поэтому, отдохнувшіе немного въ Филиппополѣ, войска снова двинулись впередъ, сначала на Адрианополь, а затѣмъ и на Константинополь.

Эти переходы я буду описывать вкратцѣ, останавливаясь съ большей подробностью только въ болѣе замѣчательныхъ мѣстахъ и на болѣе важныхъ событіяхъ.

Отъ Филиппополя до Адрианополя 170 верстъ. Предполагалось пройти ихъ въ шесть дней и выступленіе было назначено на 10-е января.

Наканунѣ баталіонъ былъ обрадованъ милостивымъ вниманіемъ Государя Императора, неустанно слѣдившаго за нашимъ движеніемъ и, при первой возможности, награждавшаго заслуги своихъ стрѣлковъ. И теперь, 14 георгіевскихъ крестовъ были присланы Имъ на баталіонъ за переходъ черезъ Балканы и украсили груди наиболѣе отличившихся во время этого перехода и въ дѣлахъ подъ Ташкисеномъ и Враждебной.

Мы знаемъ уже, что лихіе набѣги полковниковъ

Грекова и Панютина очистили дорогу между Филиппополемъ и Адрианополемъ отъ непріятельскихъ шаекъ, а потому дальнѣйшее наше движеніе могло происходить самымъ мирнымъ походнымъ порядкомъ. И дѣйствительно, прежде чѣмъ выступить съ послѣдняго ночлега, мы высылали впередъ квартирьеровъ, которые должны были отводить помѣщенія и озаботиться пріисканіемъ дровъ для варки горячей пищи. Вслѣдъ за баталіонами шли цѣлые гурты воловъ и барановъ, везлись сухари, а нерѣдко даже печеный хлѣбъ. Словомъ, по части продовольствія, всего было въ избыткѣ, въ этомъ надо отдать полную справедливость неусыпному попеченію командира и ближайшихъ его помощниковъ. Не то совсѣмъ было съ обувью. При всѣхъ стараніяхъ, замѣнить чѣмъ-либо остатки ея, не было никакой возможности по той простой причинѣ, что еслибъ и нашелся матеріалъ, то, за краткостью оставокъ, не нашлось бы времени для шитья. Всю надежду возлагали на Адрианополь, куда, съ одного изъ ночлеговъ, и отправили офицера для закупки матеріала.

Изъ всего сказаннаго, мы видимъ, что матеріальное состояніе баталіона, во все время этого длиннаго пути, было въ наилучшемъ положеніи; то же самое можно было бы сказать и о его душевномъ настроеніи, еслибъ не цѣлый рядъ раздирающихъ душу картинъ, которыя поминутно проходили передъ нашими глазами и заставляли болѣзненно сжиматься сердца даже тѣхъ изъ насъ, которые успѣли уже наглядѣться на всевозможные кровавые ужасы.

Дорогу отъ Филиппополя до Адрианополя, по спра-

ведливости можно назвать «мертвой дорогой», ибо на всемъ протяженіи 170-ти верстъ, она положительно усеяна трупами мужчинъ, женщинъ, дѣтей и палыхъ животныхъ. Откуда же взялись они? А это остатки тѣхъ 20,000 повозокъ вооруженныхъ жителей, которые были настигнуты здѣсь полковникомъ Панютинымъ и, вмѣстѣ съ прикрывавшими ихъ войсками, разбиты имъ на голову. Конечно, послѣ него, не мало поработали здѣсь болгары, довершая разрушеніе и вымѣщая злобу на оставшихся еще въ живыхъ женщинахъ и дѣтяхъ. И теперь, какъ одичалыя собаки, бродятъ они, въ одиночку, межъ грудями разбросаннаго хлама и обдираютъ кожи съ палыхъ животныхъ.

На встрѣчу намъ, безконечной вереницей, тянется другой обозъ мирныхъ турецкихъ жителей, возвращающихся въ свои раззоренные и опустѣлые дома. Бѣжавшіе отъ насъ отчасти по желанію, но больше по приказанію турецкихъ военачальниковъ, они лишились всего и теперь находились въ самомъ плачевномъ положеніи, безъ пищи и питья и даже безъ достаточной одежды по этому времени года. Нерѣдко изъ кибитки встрѣчной повозки, прячась за спины взрослыхъ и со страхомъ выглядывая оттуда на насъ, торчали головы маленькихъ голодныхъ и прозябшихъ дѣтей. Замѣтя ихъ, стрѣлки вытаскивали изъ кармановъ и мѣшковъ кусочки сахара, запасы сухарей и все это передавали несчастнымъ. Нерѣдко встрѣчались дѣти въ еще худшемъ положеніи. То были дѣти, находившіеся въ разбитомъ обозѣ и лишившіеся матерей и отцовъ при общемъ погромѣ.

Въ однихъ рубашенкахъ, босикомъ, на половину

уже замерзшіе, при морозѣ въ 3—4 градуса, лежали они въ сторонѣ отъ дороги, или же, болѣе крѣпкіе, бѣжали на встрѣчу намъ по ледяному шоссе. Такихъ мало было кормить сухарями и сахаромъ, ихъ нужно было спасти отъ вѣрной, неминуемой смерти, и вотъ, не смотря на военное время, на походъ, не смотря на то, что и сами мы не знали, что будетъ завтра и куда заброситъ насъ судьба, не смотря на все это, ихъ забирали, кутали въ солдатскія шинели и несли съ собой, а по окончаніи войны, многіе изъ нихъ были привезены въ Петербургъ и разсѣяны затѣмъ по матушкѣ—святой Руси.

Пройдя полъ-пути по этой страшной дорогѣ, мы остановились въ городѣ Хасъ-Кіюй на ночлегъ и, отыскивая себѣ помѣщеніе, наткнулись, между прочимъ, на такого рода зрѣлище: домъ былъ сверху до низу набитъ трупами зарѣзанныхъ турокъ. Связанныя руки и искаженные лица доказывали перенесенныя страданія и всю дикость, съ которой было произведено это преступленіе болгарами. Война идетъ своимъ чередомъ, а рядомъ съ ней, въ глухихъ закоулкахъ, идетъ кровавая расправа сильного надъ слабымъ, борьба, не на животъ, а на смерть, угнетенныхъ съ своими угнетателями.

Не разъ приходилось намъ встрѣчать, вооруженныхъ допотопными ружьями и револьверами, братушекъ, которые съ восторгомъ объявляли намъ, что идутъ въ горы, на охоту за разбѣжавшимися турками. Самый смиренный изъ нихъ не могъ пропустить такого удобнаго случая, чтобы не отомстить своему исконному врагу, и глухая борьба все больше и больше разлива-

лась по городамъ и селамъ, въ дикихъ горныхъ ущельяхъ, по дорогамъ и полямъ.

Напрасно проискавъ домъ, въ которомъ не было бы кровавыхъ слѣдовъ, мы, въ концѣ концовъ, принуждены были остановиться въ одномъ изъ болѣе чистыхъ и, признаюсь, не совсѣмъ спокойно провели ночь въ сосѣдствѣ съ трупами.

Изъ Хаст-Кіоя отрядъ перешелъ въ Германлы, а 14-го января направился къ небольшому городку Мустафа-Паша.

Съ утра накрапывалъ дождикъ, небо заволакивалось густыми облаками; лохматые обрывки ихъ, гонимые поднявшимся вѣтромъ, поминутно застилали собою солнце, оставляя на землѣ темныя тѣневые пятна, быстро перебѣгающія съ одного мѣста на другое. Такая погода съ утра, когда солнечные лучи, пробиваясь межъ разорвавшихся облаковъ, то яркимъ свѣтомъ заливаютъ землю, то меркнуть за ихъ рыхлой массой, — предвѣщаетъ къ вечеру ливень. И дѣйствительно. Съ каждымъ часомъ все рѣже и рѣже выглядывало солнышко, плотнѣе сдвигались облака, все чаще и чаще накрапывалъ дождикъ, а когда подошли къ Мустафа-Пашѣ, онъ лилъ какъ изъ ведра и быстрыми грязными потоками переливался изъ улицы въ улицу. Стрѣлки и офицеры промокли насквозь; промокли до того, что хранившійся у меня въ боковомъ карманѣ сюртука походный дневникъ, не смотря на теплое пальто и надѣтое сверху гутаперчевое, — обратился въ какую-то мокрую, грязную тряпку, на которой, вмѣсто словъ, красовались черныя пятна отъ расплывшихся чернилъ.

Шлепая по грязи, добрался баталіонъ до отведенныхъ ему квартиръ и стрѣлки скоро размѣстились по сараямъ и хатамъ, а офицеры, за неимѣніемъ здѣсь мѣста, принуждены были пройти въ бродъ знакомую уже рѣку Марицу и расположиться по ту сторону ея. Квартиры были удобныя и теплыя. Хозяева-болгары—привѣтливы и угостительны; но на утро пришлось горько раскаяться въ выборѣ этихъ квартиръ, ибо, за ночь, отъ сильнаго дождя, рѣка Марица превратилась въ бурный, широкій потокъ, переправиться черезъ который не такъ-то было легко, какъ наканунѣ. Кругомъ темно. Дождь продолжаетъ лить; рѣка реветъ. Что дѣлать!? Какъ переправиться на ту сторону? Собравшіеся въ кучки, офицеры блуждаютъ во мракѣ по берегу, стараясь отыскать какую-либо переправу. Появились фонари; огоньки ихъ засвѣтились въ различныхъ направленіяхъ, но все напрасно: вода кругомъ и больше ничего. Между тѣмъ, переправляться все же надо. Выступление назначено въ 8 часовъ утра и стрѣлки приготавливаются уже къ нему. Тогда рѣшено было переправиться вплавъ, на лошадяхъ. И вотъ, по двое садились на лошадей и погружались въ черную пучину воды. Лошади упирались, фыркали, брыкались и продѣлывали всевозможныя каверзы, чтобы не идти въ воду, но, подбодряемые нагайками и криками собравшихся на берегу, бросались, наконецъ, въ рѣку. Такимъ-то образомъ, съ опасностью быть снесенными вмѣстѣ съ лошадьми быстрымъ теченіемъ, перебрались мы на ту сторону и присоединились къ баталіону.

Въ этотъ день намъ вообще не везло. Направляясь уже къ Адрианополю, мы, на половинѣ дороги, были

задержаны разливомъ другой рѣки и простояли на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ въ ожиданіи постройки моста. Гвардейскіе саперы, находившіеся при нашемъ отрядѣ, принялись тотчасъ же за работу; но такъ какъ кругомъ, кромѣ телеграфныхъ столбовъ, не было никакого матеріала, то постройка шла крайне медленно. Артиллерія рискнула переправиться въ бродъ; за ней было двинулась чья-то карета; но, достигнувъ самой середины, она застряла и такъ и осталась стоять, постепенно погружаясь все болѣе и болѣе въ воду. Думали было поискать мелкаго мѣста и съ этой цѣлью нѣкоторые офицеры нашего баталіона отправились верхами вдоль рѣки, иногда переплывая ее и измѣряя глубину. Мелкаго мѣста, однако, не нашли, а одинъ изъ нихъ чуть не заплатилъ жизнью, упавъ среди рѣки съ оступившейся лошади.

Имѣя въ виду, что, задержанная переправой, бригада не можетъ попасть за свѣтло въ городъ Адрианополь, генераль Эллисъ отправилъ впередъ баталіонныхъ адъютантовъ, чтобы они выбрали гдѣ-либо, по близости, мѣсто ночлега. Четыре всадника сѣли на лошадей и тронулись. На самой дорогѣ ничего не было, но въ сторонѣ виднѣлась деревушка. Свернувъ съ дороги и приближаясь къ ней, всадники были поражены необычайной тишиной, царствовавшей въ этой деревушкѣ. Ни единого звука не было слышно; даже собаки, обыкновенные предвѣстники близости жилья, не лаяли. Съ невольнымъ трепетомъ въѣхали они въ первую улицу—та же пустота и мертвая тишина. Заглянули въ одинъ дворъ и сразу поняли значеніе этой тишины: деревня вся была вырѣзана. Трупы женщинъ и дѣтей

(деревня была болгарская и, какъ оказалось, вырѣзана баши-бузуками), съ странными какими-то сверленными ранами на шеѣ, наполняли дворы и избы. Охватившій ужасъ и жалость не позволили дольше оставаться въ этой могилѣ и, заглянувъ еще въ два — три такихъ же дома, адъютанты выѣхали изъ деревни на дорогу и поѣхали далѣе, искать болѣе удобное мѣсто для ночлега.

Между тѣмъ, баталіоны успѣли уже переправиться черезъ рѣку и, въ ожиданіи пріѣзда адъютантовъ, медленно подвигались впередъ по шоссе. Ждать пришлось не долго. По счастію, не вдалекѣ отъ вырѣзанной деревни, была другая, гдѣ мы и расположились на ночлегъ, а утромъ двинулись къ Адрианополю.

Около 3-хъ часовъ, отрядъ втягивался уже въ предмѣстья этого города. Обширные персиковые сады окружаютъ его со всѣхъ сторонъ, а на виднѣвшихся вблизи и вдали холмахъ, чернѣютъ грозныя земляныя укрѣпленія. Ихъ грозный видъ не смущаетъ, однако, насъ, ибо онѣ давно уже пусты и мы продолжаемъ двигаться тѣмъ же порядкомъ, незамѣтно переходя изъ предмѣстій въ улицы самаго города. По дорогѣ встрѣчаемъ своихъ квартирьеровъ, которые ведутъ насъ на другую окраину города и указываютъ баталіону мѣсто вблизи турецкаго кладбища. Здѣсь мы нашли значительные запасы кожи, сдѣланные высланными впередъ офицерами и тотчасъ же принялись за шитье и починку сапоговъ.

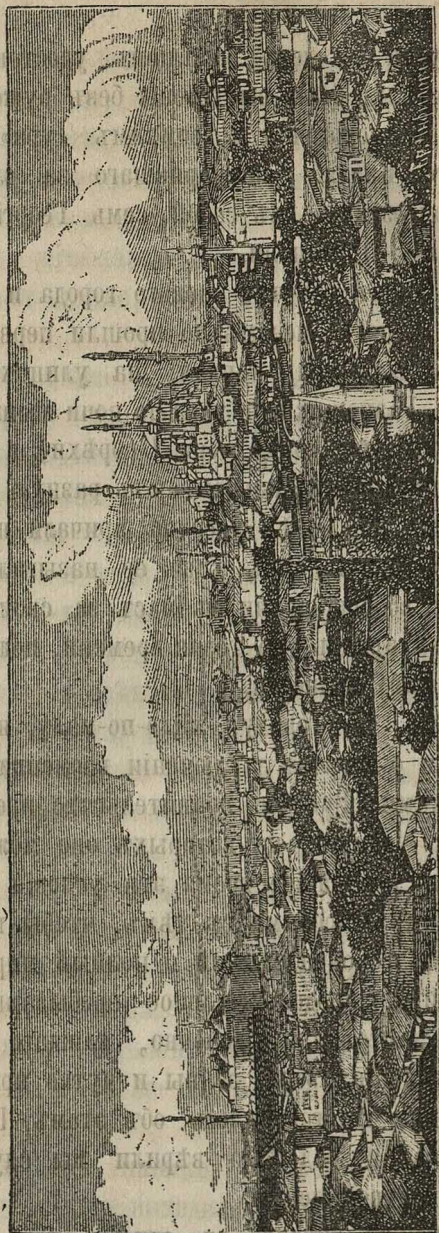
Во времени нашего прибытія въ городъ Адрианополь, тутъ уже находился Главнокомандующій, Его Императорское Высочество Николай Николаевичъ Стар-

шій, и на другой же день баталіонъ удостоился Его посѣщенія. Стрѣлки были выстроены безъ ружей вдоль улицъ своего расположенія и громкимъ «ура» встрѣтили Великаго Князя, благодарившаго за службу и раздавашаго привезенные съ собой семь Георгіевскихъ крестовъ 2-й и 3-й степени.

Какъ всегда, въ осмотрѣ новаго города и усиленной постройки сапогъ, незамѣтно прошли первые дни. Погода стояла весенняя, теплая; на улицахъ грязь невообразимая. Разношники съ утра до ночи звонкими голосами выкрикиваютъ: «ори», «ори»! (орѣхи), и всякому проходящему настойчиво навязываютъ разную дрянъ со своихъ лотковъ. Не менѣе усердно кричали продавцы отвратительной водки, или, какъ ее называли тутъ, «раки», и всѣ вообще драли съ насъ за свои товары немилосердно, стараясь, не теряя времени, поживиться на счетъ русскаго воинства.

Между тѣмъ, по городу, мало-по-малу, начинали носиться слухи о скоромъ заключеніи временнаго перемирія съ турками. Русское правительство предложило уже имъ свои условія, на которыхъ оно можетъ помириться, и въ настоящее время эти условія разсматривались обѣими сторонами съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи заключить окончательный и полный миръ. Утомительная война, продолжительное пребываніе вдали отъ родины, заставляли, конечно, каждого желать скорѣйшаго окончанія этой войны и чутко прислушиваться ко всему, что говорилось объ этомъ. Поэтому, понятно, съ какой радостью вѣрили мы слухамъ и ожидали ихъ подтвержденія.

Вечеромъ, 19-го января, въ одномъ изъ отдален-

Видъ Адрианополя.

ныхъ отъ насъ концовъ города, слышалось «ура». Все ближе и ближе переливается оно изъ улицы въ улицу и доходитъ, наконецъ, до нашего расположенія. Каждый, конечно, объясняетъ причину его по своему; но большинство склонно думать, что оно именно относится къ ожидаемому перемирію, съ восторгомъ подхватываетъ его и передаетъ далѣе. Громко раздается русское «ура» въ улицахъ полузаснувшего города, вызывая вездѣ вопросы и недоумѣніе, но не давая разъясненій. Только на утро узнали мы, что вчерашнее «ура» было дѣйствительно, по случаю заключеннаго перемирія, и въ тотъ же день всѣ офицеры, находившіеся въ городѣ, собрались на молебень въ православный Адрианопольскій храмъ, куда скоро пріѣхалъ и самъ Главнокомандующій.

Итакъ, первый шагъ къ миру сдѣланъ. Предварительныя условія его подписаны 19-го января, въ городѣ Адрианополь. Война, на время, пріостановлена. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, воюющія стороны назначаютъ между собою пограничную линію, которую, до окончанія перемирія, обязуются не переходить.

Такая точно линія была условлена и между нами и турками. Проходила она не далеко уже отъ стѣнъ самого Константинополя, и мы должны были, на всякій случай, какъ можно ближе придвинуть свои войска къ ней. Съ этою цѣлью, на другой же день, по заключеніи перемирія, начинается дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ отъ Адрианополя къ Константинополю, а 25-го января выступили и мы первоначально въ городъ Чорлу (120 верстъ отъ Адрианополя).

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Адрианопо-

полѣ, въ баталіонѣ прибыли, изъ Царскаго Села, на пополненіе, 22 стрѣлка, и была прочитана телеграмма Государя Императора къ Великому Князю, Главнокомандующему, въ которой Государь Императоръ благодарилъ войска за Филиппопольское сраженіе.

«Телеграмму твою о славныхъ дѣлахъ 3-го, 4-го и 5-го января получилъ только сегодня вечеромъ, — писалъ Его Величество Великому Князю. — Передай всѣмъ Нашимъ молодцамъ Мое сердечное спасибо. Радуюсь, что Моя старая команда продолжаетъ отличаться на каждомъ шагу».

Еще однимъ городомъ стало у турокъ меньше; и съ каждымъ шагомъ впередъ, мы все ближе и ближе надвигаемся на ихъ послѣднее убѣжище — столицу всего царства. Нечего и говорить, что для насъ, привыкшихъ къ походу, пройти какія-нибудь 120 верстъ не представляло теперь никакого труда, и черезъ пять дней — этого разстоянія какъ не бывало! Точно на крыльяхъ, перенеслись мы изъ Адрианополя въ Чорлу и начали здѣсь устраиваться, такъ какъ стоянка предполагалась продолжительная.

Городъ Чорлу даже нельзя сказать — почему назывался городомъ. По нашему — это простая деревня, да еще и не изъ очень хорошихъ. Куда не ткнешься — всюду грязь и вонь. На улицахъ и въ окрестностяхъ масса всевозможной падали, наполняющей воздухъ зловоніемъ; и вотъ, почти съ перваго же дня, мы должны были заняться очищеніемъ своего новаго мѣстопробыванія отъ этой дряни.

Работы велись съ такимъ стараніемъ и послѣшностью, что черезъ два дня городъ сдѣлался неузна-

ваемъ. Покончивъ съ чисткой, въ первый разъ послѣ Дольняго Дубняка, приступили къ занятіямъ въ ротахъ ружейными приѣмами, маршировкой и проч. и проч. Дни летѣли за днями, и не успѣли мы оглянуться, какъ пролетѣла цѣлая недѣля и было получено приказаніе двигаться далѣе, къ самой пограничной линіи.

Въ 12 часовъ дня, 7-го февраля, баталіоны выступили изъ Чорлу. Дорога, мало-по-малу, приближалась къ Мраморному морю, такъ что, на другой же день, мы могли, хотя еще не ясно, разглядѣть безграничную синеву его, сливающуюся съ небосклономъ. Подвигаясь затѣмъ далѣе и пристально всматриваясь въ эту, многими не виданную, картину, мы скоро уже отчетливо видѣли громадную поверхность воды, съ дымящимися кое-гдѣ пароходами и бѣлѣющими парусами. Берегъ— то круто поднимается надъ водой, то спускается почти до нея и набѣгающія непрерывно волны хлещутъ по его песчанымъ отлогостямъ.

Занятые пріятнымъ зрѣлищемъ, мы незамѣтно прошли нѣсколько верстъ и приближались къ гор. Силиври, расположенному у самаго моря, на крутомъ берегу и утопавшему въ зелени кипарисовыхъ деревьевъ. Въ самомъ городѣ нашли отличныя помѣщенія въ опрятныхъ турецкихъ домахъ, вкусный обѣдъ во французскомъ ресторанѣ, въ которомъ, въ первый разъ по выходѣ изъ Петербурга, офицеры поѣли по человѣчески, т. е. хорошія кушанья, на чистыхъ тарелкахъ, и не руками, какъ зачастую случалось даже въ Филипполѣ и Адрианополѣ, а ножами и вилками. Насладившись такимъ образомъ, мы, на другое утро, двинулись далѣе по берегу моря. Это былъ не переходъ, а скорѣе,

пріятная прогулка вдоль живописнаго морскаго берега, среди начинающихъ зеленѣть и разцвѣтать окрестностей, среди оживающей, подъ благотворнымъ дыханіемъ весны, природы. Остановливаясь на привалахъ, подвигаясь не спѣша далѣе, мы не переставали любоваться открывавшимися, одна другой лучше, картинами. И радостно, и легко на душѣ при видѣ этихъ мирныхъ, очаровательныхъ уголковъ далекой страны. Дойдя до деревни Кшастеро, баталіоны расположились въ ней на ночлегъ, и такъ какъ отсюда до пограничной линіи было всего нѣсколько верстъ, а срокъ заключеннаго въ Адрианоуполь перемирія еще не кончился, то дальнѣйшее движеніе къ Константинополю возможно было только съ согласія турокъ, или-же, въ противномъ случаѣ,—силою, т. е. атаковавъ стоявшіе за этой линіей турецкія войска, а затѣмъ и самый городъ. Не смотря на то, что турки успѣли уже занять превосходную позицію и усилить себя свѣжими войсками, набранными со всѣхъ концовъ своего отечества, они не рѣшились, однако, противиться нашему дальнѣйшему движенію, и согласились, чтобы мы мирно заняли ихъ столицу и даже для помѣщенія тамъ войскъ приготовляли казармы. Въ виду этого, по приказанію Главнокомандующаго, былъ сформированъ особый отрядъ изъ частей Гвардіи и между прочимъ всей Гвардейской стрѣлковой бригады, который долженъ былъ тотчасъ-же перейти пограничную линію и торжественно вступить въ Константинополь.

Ровно въ полночь, съ 10-го на 11-е февраля, баталіоны выступили изъ д. Кшастеро. Лунная ночь, тихій плескъ волнъ о берега и изрѣдка набѣгающій

вѣтерокъ дѣлали это передвиженіе такимъ таинственнымъ, что мы невольно сдерживали голоса и со вниманіемъ прислушивались къ малѣйшему шороху. Однако ничего особеннаго не произошло. Луна, по прежнему, ярко освѣщала нашъ путь, волны разбивались о скалистые берега и тысячами серебристыхъ брызгъ разлетались во все стороны, когда отрядъ началъ приближаться къ цѣли своего ночнаго путешествія. Впереди виднѣлась небольшая возвышенность, которая, до поры до времени, скрывала отъ нашихъ глазъ дальнѣйшую мѣстность и турецкое расположеніе. Подойдя къ ней ближе, мы увидѣли здѣсь уже колонны нашихъ войскъ, расположившихся на отдыхъ, въ ожиданіи прибытія остальныхъ, и сами остановились. Начинало свѣтать. Командовавшій отрядомъ, графъ Шуваловъ, послалъ одного изъ кавалерійскихъ офицеровъ къ туркамъ, узнать: дѣйствительно-ли они намѣрены пропустить насъ далѣе, а въ ожиданіи этого отвѣта, мы пока оставались стоять на мѣстѣ, скрытые отъ турокъ упомянутой возвышенностью.

Почти вслѣдъ за посланнымъ офицеромъ (парламентаромъ), нѣкоторые изъ насъ также вышли на гребень возвышенности и начали наблюдать, что происходитъ впереди. Прямо передъ нами оказался длинный и широкій заливъ, поперекъ него тянулась плотина и соединяла насъ съ противоположнымъ берегомъ, по крутымъ и обрывистымъ скатамъ котораго виднѣлись многочисленныя турецкія укрѣпленія, а за ними — не менѣе многочисленные лагеря. Нашъ парламентаръ, съ небольшимъ кавалерійскимъ конвоемъ, выѣхалъ на средину гати (плотина). Вскорѣ показался, съ такимъ

же конвоемъ, турецкій парламентарь, и направился также къ срединѣ ея. Начались переговоры. По знакамъ и движеньямъ, мы старались, по возможности, угадать результаты этихъ переговоровъ; но, конечно, узнали его только тогда, когда возвратился парламентарь и объявилъ графу Шувалову отвѣтъ Мухтара-паши, командовавшаго турецкой арміей. Оказалось, что турки безпрепятственно согласились пропустить насъ впередъ и только просили обождать немного, чтобы самимъ успѣть разоружить укрѣпленія и убраться назадъ. Получивъ такой отвѣтъ, графъ Шуваловъ тотчасъ же перевелъ войска на другую сторону возвышенности и расположилъ ихъ на виду у турокъ. На томъ берегу поднялась спѣшная работа. Палатки, мало по малу, исчезали; орудія вывозились и черныя колонны непріятеля потянулись по разнымъ направленіямъ назадъ.

Какъ не торопились, однако, турки очистить намъ дорогу, тѣмъ не менѣе, прошелъ цѣлый день и начинало уже смеркаться, а небольшія ихъ части все еще оставались на прежнихъ мѣстахъ и задерживали насъ. Тогда графъ Шуваловъ рѣшилъ, не ожидая окончательнаго очищенія позиціи, перейти на ту сторону залива и слѣдовать далѣе. Наскучивъ безцѣльной стоянкой въ теченіи цѣлаго дня, мы съ радостью поднялись съ мѣста и двинулись черезъ гать; а когда проходили черезъ дер. Бучукъ—Чекмедже, наполненную турецкими войсками, то съ любопытствомъ всматривались въ нихъ и какъ-то странно было видѣть, носъ къ носу, вооруженнаго врага и мирно проходить сквозь его ряды. Ночь застала насъ у дер. Галатерія, откуда, на утро, двинулись къ монастырю Санъ-Стефано. Этотъ

монастырь представлялъ изъ себя небольшое мѣстечко, населенное турками и греками и расположенное на берегу Мраморнаго моря, верстахъ въ трехъ отъ предмѣстій Константинополя.

Вотъ онъ — предметъ всѣхъ нашихъ стремленій! Вотъ онъ — Царьградъ, съ своими высокими минаретами, съ безконечно разнообразными постройками, широко раскинувшійся межъ двухъ морей! Наконецъ-то, ты въ нашихъ рукахъ, а вмѣстѣ съ тобою и вся Турція! Подобныя восклицанія невольно рвались съ языка при видѣ очаровательнаго города и еще болѣе очаровательныхъ окрестностей его. По ту сторону моря, въ утреннемъ туманѣ, видѣлся гористый азіатскій берегъ. Снѣжныя вершины его, точно свинцовыя тучи, поднимаются надъ водой, а по самому морю, шныряя по всѣмъ направленіямъ и бороздя воду, дымятъ пароходы и бѣлѣются паруса всевозможныхъ судовъ.

Ко времени нашего прибытія въ Санъ-Стефано, здѣсь уже находился Главнокомандующій и встрѣчалъ вступающія и проходившія мимо него церемоніальнымъ маршемъ войска.

Конечно, наша побѣдоносная война, а въ особенности — приближеніе къ самой столицѣ Турціи, не могли быть пріятны различнымъ государствамъ, желавшимъ видѣть Россію, не побѣдительницей, а побѣжденною, завидывавшимъ всегда ея могуществу и никакъ не ожидавшимъ такого быстраго оборота дѣла. И вотъ, лишь только мы очутились подъ стѣнами этой столицы и съ минуты на минуту готовы были занять ее, какъ со всѣхъ концовъ земли посыпались угрозы, просьбы,

а вслѣдъ за ними англійскіе броненосцы появились на водахъ Мраморнаго моря.

Уступая общему желанію и вѣря въ обѣщаніе, что миръ будетъ заключенъ на самыхъ выгодныхъ для Россіи условіяхъ, если мы и не займемъ Константинополя, войска были остановлены у Санъ-Стефано и расположены въ его окрестностяхъ въ ожиданіи этого мира.

Нашъ баталіонъ, вмѣстѣ съ баталіономъ Императорской Фамиліи, былъ расположенъ недалеко отъ Санъ-Стефано, въ отдѣльномъ, двухъ-этажномъ, деревянномъ домѣ, съ небольшими каменными сараями, называемомъ Чифлиъ-Ай-Мама. Вокругъ—поля, и только видъ на городъ и море красили нѣсколько наше одинокое убѣжище.

Во время этой стоянки, Главнокомандующимъ былъ отданъ приказъ по дѣйствующей арміи, въ которомъ еще разъ перечислялись всѣ славные подвиги войскъ, приведшіе ихъ къ столицѣ Турціи:

«Доблестные вожди и войны ввѣренной мнѣ арміи!

«Когда перешагнули вы черезъ Балканы, я, не смотря на вашу усталость, потребовалъ отъ васъ еще новыхъ усилій. И вы не пошли, а полетѣли!

«Менѣе, нежели въ мѣсяць, вы перенесли почти черезъ всю Турцію и подошли чуть-ли не къ стѣнамъ Царьграда. По пути, какъ бы мимоходомъ, вы разнесли цѣлую армію турокъ у Филиппополя, отнявъ у нея всю артиллерію; налетомъ захватили вторую столицу непріятеля—Адріанополь и появились на берегахъ Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго морей.

«Врагъ не выдержалъ и склонилъ свою побѣжден-

ную голову. Онъ согласился на все наши требованія и я остановилъ васъ.

«Такіе блистательные, небывалые успѣхи одержаны не только вашимъ мужествомъ и безпримѣрною храбростью, но въ особенности вашею беззавѣтною готовностью перенести все труды и лишенія. Васъ не остановили ни невылазная грязь, ни непогода, ни переходы въ бродъ черезъ рѣки по грудь въ водѣ, въ морозъ и холодъ. Не нахожу словъ, чтобы благодарить васъ, герои, отъ самыхъ старшихъ начальниковъ до послѣдняго погонщика въ обозѣ. Все вы исполнили свято свой долгъ, все вы перенесли то, что подъ силу только богатырямъ.

«Отдыхайте-же теперь и приготовьтесь возвратиться со славою домой; но если врагъ вздумаетъ не подписать требуемаго отъ него мира, будьте готовы снова ринуться въ бой, чтобы доканать его.

«А пока мы будемъ отдыхать, докажите, что русскіе богатыри, не имѣющіе себѣ равныхъ въ честномъ бою, служатъ примѣромъ порядка и твердой охраной для мирныхъ жителей, какой бы народности и вѣроисповѣданія они ни были, ихъ имущества и чести, и покажите, что не будетъ даже отдѣльныхъ случаевъ, которые могли-бы наложить даже малѣйшее пятно на добытую потомъ и кровью новую славу русскаго оружія».

«Отдыхайте-же и приготовьтесь возвратиться со славою домой!»

Эти слова настоящаго приказа ясно показывали, что тотчасъ же по заключеніи мира, мы будемъ отправлены на родину, туда, гдѣ давно ждутъ нашего возвращенія, гдѣ каждая новая побѣда застав-

ляла радостно биться сердца, гдѣ каждый полуграмотный мужикъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за нами и несъ свои послѣднія, потомъ заработанные гроши, чтобы чѣмъ-нибудь помочь своему дорогому Отечеству, своимъ воинамъ, сражавшимся во славу его. Воспрянула святая Русь и вся, какъ одинъ человѣкъ, устремила свои взоры на Константинополь, ожидая заключенія славнаго мира. Со дня на день ждали его и мы. Ходили слухи, что миръ будетъ подписанъ 19-го февраля и, слѣдовательно, въ этотъ знаменитый день будутъ соединены два великихъ событія: освобожденіе нѣсколькихъ милліоновъ русскаго народа отъ крѣпостной зависимости и освобожденіе братьевъ-славянъ отъ турецкаго владычества.

И дѣйствительно. Наканунѣ, т. е. 18-го февраля, намъ стало извѣстно, что на слѣдующій день, въ два часа дня, назначенъ смотръ всеѣмъ войскамъ, собраннымъ у Константинополя.

Съ утра, 19-го февраля, со всеѣхъ сторонъ начали собираться войска и строиться въ нѣсколько линій у Санъ-Стефано, по берегу моря. Грозный лѣсъ штыковъ стотысячной арміи блестѣлъ на солнцѣ, а мужественныя, загорѣлыя лица солдатъ выражали такую неустрашимую рѣшимость, что, при взглядѣ на нихъ, никто не сомнѣвался въ благопріятномъ окончаніи начавшихся въ это время въ Санъ-Стефано мирныхъ переговоровъ. Толпы народа, верховые, великолѣпные экипажи съ расфранченными дамами непрерывной вереницей двигались по дорогѣ изъ Константинополя и плотной стѣной окружали войска, съ любопытствомъ всматриваясь въ ихъ добрыя лица и истрепанную одежду.

Въ два часа дня, къ войскамъ подъѣхалъ генералъ Гурко и, провожаемый тысячею любопытныхъ глазъ, объѣзжалъ ряды и громко здоровался. Главнокомандующаго все еще не было. Черезъ нѣсколько времени, изъ Санъ-Стефано пріѣхалъ адъютантъ Великаго Князя и объявилъ, что вслѣдствіе затянувшихся переговоровъ, начало смотра можетъ состояться не ранѣе, какъ черезъ часъ, или два. Это обстоятельство вызвало всевозможныя догадки и вопросы, но такъ какъ разъяснить ихъ было некому, то, волей-неволей, приходилось терпѣливо ждать окончанія переговоровъ и пріѣзда главнокомандующаго.

Въ исходѣ четвертаго часа, Его Высочество показался на выѣздѣ изъ Санъ-Стефано, а почти вслѣдъ за нимъ, стоя въ открытой коляскѣ и держа надъ головой какую-то бумагу, летѣлъ нашъ посланникъ, графъ Игнатъевъ. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ графомъ, Великій Князь направился къ войскамъ и, ставъ передъ серединой ихъ, громкимъ голосомъ и отчетливо произнесъ:

— Поздравляю васъ! Богу угодно было даровать намъ славный миръ!

Какъ по сигналу, вся стотысячная армія грянула въ отвѣтъ оглушительное «ура». Долго неумолкало оно среди ликующихъ войскъ и переливаясь волной изъ части въ часть и потрясая воздухъ, раздавалось по окрестностямъ, по спокойной поверхности моря, по обширной равнинѣ, достигая стѣнъ самаго Константинополя. Тысячи шапокъ летѣли вверхъ и звукъ поцѣлуевъ и поздравленій смѣшивался съ гуломъ толпы. Вслѣдъ за симъ, Великій Князь вызвалъ изъ рядовъ

всѣхъ офицеровъ и, обращаясь къ офицерамъ Гвардіи, сказалъ:

— Господа! Когда Мнѣ приходилось говорить съ вами еще въ Красномъ Селѣ, вы часто выражали опасеніе, что если-бы и пришлось Гвардіи участвовать въ войнѣ, то васъ держали-бы въ резервѣ. Я же вамъ говорилъ: что если Я буду Главнокомандующимъ, то пущу васъ въ первый огонь. Я сдержалъ слово, но и вы оправдали надежды на васъ. Вы доказали всему свѣту то, въ чемъ Я былъ всегда увѣренъ, — что для васъ невозможнаго нѣтъ, если Царь прикажетъ. Благодарю васъ отъ всего сердца за вашу славную службу. Вы поддерживали славу Русскаго народа передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Новое громкое «ура» поднялось изъ смолкнувшихъ было рядовъ.

Наконецъ, когда солнце уже опустилось за горы и только послѣднія лучи его, вырываясь изъ за нихъ, широкими полосами прорѣзали небо, начался благодарственный молебенъ. Послѣ громогласнаго многослѣтія за весь Царствующій Домъ и Всероссійское побѣдоносное воинство, священникъ, перемѣнивъ тонъ, провозгласилъ: «вѣчную память на браняхъ за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившимъ». Стройный хоръ пѣвчихъ подхватилъ и вся масса народа и войскъ опустилась на колѣни, затаивъ дыханіе, прислушиваясь къ пѣнію, и невольныя слезы заблестѣли на глазахъ молящихся. Образы убитыхъ товарищей, одинъ за другимъ пронеслись передъ глазами, оставивъ въ душѣ какое-то тяжелое, грустное чувство.

Уже при полной темнотѣ начали расходиться войска по своимъ стоянкамъ и разъѣзжаться публика.

Итакъ, миръ подписанъ. Миръ славный, достойный такой великой державы, какъ Россія, достойный тѣхъ жертвъ, которыми добытъ былъ онъ. Война окончена. Знаменитый день 19-го февраля соединилъ въ себѣ воспоминаніе двухъ великихъ событій и къ славному царствованію Императора Александра II-го прибавилъ новое дѣяніе, заслужившее ему, вполнѣдствіи, названіе «Освободителя».

Такъ думали всѣ, начиная отъ главнокомандующаго до послѣдняго рядоваго. Такъ думали милліоны русскихъ людей. Такъ думали освобожденные народы и благословляли своихъ освободителей. Такъ, наконецъ, думалъ весь міръ, и этотъ-то міръ, завистливый и злобный, постарался, во чтобы-то ни стало, затмить русскую славу, испортить законченное дѣло.

Обѣщанія, которыми прельщали насъ при приближеніи къ Константинополю и благодаря которымъ мы не заняли его, — оказались обманчивыми.

Лишь только турецкія власти подписали миръ и оказалось, что мы вполнѣ можемъ вознаградить имъ себя за понесенныя жертвы, какъ англичане, нѣмцы и австрійцы въ одинъ голосъ завопили противъ него и требовали пересмотрѣть условія мира въ общемъ собраніи представителей всѣхъ государствъ. Немедленная отправка войскъ на родину пріостановилась; и кто-бы могъ сказать, что цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ пришлось еще простоять у Константинополя, ожидая окончанія начавшихся переговоровъ и не зная, что ожидаетъ насъ — миръ, или война со всѣми государствами!

Это тревожное время, начавшееся почти тотчасъ-же за 19-мъ февраля, было чуть-ли не худшимъ временемъ въ теченіи всей кампаніи. Ложась спать, мы не могли быть увѣрены, что ожидаетъ насъ на завтра. Слухи — то отрадные, то грозные не переставали разноситься среди войскъ, то воскрешая надежду на скорое возвращеніе, то окончательно убивая ее. Турки, ободренные заступничествомъ другихъ государствъ, также заговорили и принялись за укрѣпленіе Константинополя. Сначала появились небольшіе стрѣлковые ровики, затѣмъ — батареи, редуты и, наконецъ, три линіи грозныхъ укрѣпленій непрерывной стѣной протянулись отъ моря до моря. И все это происходило на нашихъ глазахъ, даже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ. Аванпосты наши стояли почти лицомъ къ лицу съ турецкими; но вражды, однако, межъ нами уже не было и не рѣдко турецкіе солдаты приходили къ нашимъ стрѣлкамъ попробовать русскихъ щей и каши. Тоже самое дѣлали и ихъ офицеры, въ минуты затишья, навѣщая насъ и приглашая къ себѣ.

Съ прибытіемъ войскъ, небольшое мѣстечко Санъ-Стефано разрослось въ многочисленный торговый городъ. Русскіе рубли ежедневно привлекали сюда массу всевозможныхъ торговцевъ, комедіантовъ, актеровъ. Появились рестораны, театры и различныя увеселенія, въ которыхъ убивалось свободное отъ занятій время и шли разговоры объ ожидаемыхъ событіяхъ. Въ чифликѣ Ай-Мама, наши баталіоны, пользуясь продолжительнымъ пребываніемъ, устроили для нижнихъ чиновъ отличную русскую баню, въ которой, за неимѣніемъ другихъ развлеченій, стрѣлки отводили свою душу.

Вскорѣ офицерамъ было разрѣшено посѣщать Константинополь, сначала въ статскомъ платьѣ, а потомъ и въ военномъ. Уличные мальчишки толпами бѣгали за офицерами, заглядываясь на ихъ красивые мундиры и стараясь поживиться чѣмъ-нибудь отъ щедротъ ихъ.

Весь мартъ мѣсяцъ дули сильные вѣтры и нашъ чифликъ грозилъ ежеминутно разрушиться и похоронить насъ подъ своими развалинами; а однажды, не помню уже, котораго именно числа, мы были встревожены необычайнымъ явленіемъ: вдругъ дрогнула земля*), да такъ сильно, что стекла задребезжали въ окнахъ и одна изъ стѣнъ каменнаго сарая рухнула. Къ счастью, стрѣлки, имѣвшіе привычку спать у этой стѣны, на этотъ разъ почему-то измѣнили ей и расположились у другой. Не будь этого — нѣсколько человѣкъ навѣрно были-бы раздавлены. Всю ночь, однако, никто не рѣшался войти обратно въ помѣщенія, предпочитая провести ее подъ открытымъ небомъ.

Между тѣмъ, приближалась Пасха. И ее, какъ и Рождество Христово, пришлось встрѣтить и провести на чужбинѣ. Въ 12 часовъ ночи, два баталіона собра-

*) Землетрясенія, часто случающіяся въ теплыхъ краяхъ, происходятъ вотъ по какой причинѣ: гдѣ-нибудь въ землѣ образуется пустое мѣсто. Въ этой пустотѣ, мало-по-малу, накаплиются пары и начинаютъ искать себѣ выхода на просторъ. Происходитъ давленіе, похожее на давленіе пороховыхъ газовъ на пулю въ минуту выстрѣла. Верхніе слои земли не выдерживаютъ этого давленія и съ страшной силой лопаются, потрясая землю на далекое разстояніе вокругъ. Пары вырываются наружу, а вмѣстѣ съ ними нерѣдко вылетаютъ куски земли, желѣза, огонь, дымъ и пепель. Есть страны, въ которыхъ эти явленія повторяются часто и цѣлыя горы непрерывно дымятся, выбрасывая пламя и засыпая пепломъ цѣлыя города и селенія.

лись вокруг анаоя, для служенія утрени. Ночь стояла тихая, темная. Восковые свѣчи ярко горѣли и торжественное пѣніе «Христось Воскресе» стройно раздавалось въ окружающей тишинѣ. Кто изъ насъ не понимаетъ значенія этой великой заутрени? Кто изъ насъ не испытывалъ радостнаго чувства, услыша пѣніе «Христось воскресе»? Если все это чувствуется при обыкновенныхъ условіяхъ, стоя въ какой-нибудь сельской церкви, то что-же должны были чувствовать мы, встрѣчая Великій День Воскресенія Спасителя подъ открытымъ небомъ, вблизи турецкой столицы!

По окончаніи службы началось христосованье, а затѣмъ, по русскому обычаю, розговенье. Пасхи и куличи были привезены изъ Константинополя, оттуда же добыли и красныя яйца. Все это, конечно, стоило большихъ денегъ, такъ какъ цѣны стояли высокія. Большой недостатокъ чувствовался въ дровахъ. За нихъ платили по 1½ серебрянныхъ рубля за шпалу, а то такъ приходилось покупать на вѣсъ, по фунтамъ.

Въ чифликѣ Ай-Мама мы простояли слишкомъ два мѣсяца. Затѣмъ, 4-го мая, были переведены на новую позицію, къ чифлику Кады-Янлы, и здѣсь, вмѣстѣ съ войсками 30-й пѣхотной дивизіи, составили средній отрядъ на случай наступленія на Константинополь.

Великій Князь, Главнокомандующій, уѣхалъ въ Россію, а мѣсто его занялъ генераль Тотлебенъ.

По переходѣ на новое мѣсто, мы занялись устройствомъ дорогъ въ другія части и приготовленіемъ матерьяловъ для постройки укрѣпленій. Турецкіе позиціи были отъ насъ шагахъ въ 300, за оврагомъ, и представляли сплошную линію редутовъ и траншей. Для

наблюденія за ними, кромѣ аванпостной цѣпи, была устроена еще вышка, на которой помѣщался человекъ и все замѣченное передавалъ начальнику цѣпи. Изъ за этой вышки, однажды, чуть не разыгралось дѣло. Туркамъ не понравилась она, и вотъ, они прислали къ намъ требованіе убрать. Когда объ этомъ было доведено до свѣдѣнія главнокомандующаго, то онъ отвѣчалъ туркамъ коротко и ясно: «придите и снимите», а самъ, между тѣмъ, приказалъ войскамъ изготавиться. Съ утра 5-го іюля начали стягиваться къ намъ резервы. Хотя одинъ выстрѣлъ и дѣло загорѣлось-бы. Но турки оказались храбры только на словахъ. Увидя наши не шуточные приготавленія, они смирились и болѣе ни разу не рисковали дѣлать намъ замѣчанія на счетъ вышекъ, или чего-либо другаго.

Послѣ этого маленькаго происшествія, обычная жизнь потекла своимъ порядкомъ. Наступили жары. Палатки накаливались до такой степени, что оставаться въ нихъ днемъ не было никакой возможности, а другаго убѣжища отъ солнца не было. Только по вечерамъ, да рано утромъ, можно было вздохнуть свободно, и въ это время, обыкновенно, производились ротныя ученія, по окончаніи которыхъ стрѣлки устраивали различныя игры и забавы. Между прочимъ сдѣлали огромный бумажный змѣй, на хвостъ его привязали фонарь и, къ немалому удивленію турокъ, запустили его, однажды, въ самое ихъ расположеніе.

Между тѣмъ, различныя слухи неумолкали. Все чаще и чаще начинали опять говорить о посадкѣ войскъ на суда и отправленіи въ Россію. Слухамъ этимъ, однако, никто уже не вѣрилъ и болѣе или менѣе равнодушно отно-

сились къ нимъ. 5-го августа былъ назначенъ новый смотръ войскамъ у Санъ-Стефано. На него собралось, за исключеніемъ небольшихъ частей, оставленныхъ на позиціяхъ, болѣе 80,000 человѣкъ. Публики опять было множество. Всѣ иностранные посланники въ Константинополѣ съѣхались посмотрѣть на насъ. Къ этому времени мы успѣли уже привести себя въ надлежащій порядокъ и представились во всемъ блескѣ, какъ-бы на мирномъ положеніи. Всѣ ожидали услышать на смотру что-либо новенькое, тѣмъ болѣе, что происходившее обсужденіе условій мира въ нѣмецкой столицѣ—Берлинѣ, близилось къ концу и должно было, рано или поздно, прійти къ какому-нибудь окончательному рѣшенію.

Однако, на смотру мы ничего еще не узнали и разошлись по мѣстамъ съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришли, и только черезъ два дня, т. е. 8-го августа, намъ объявили, что судьба наша рѣшена и что мы, наконецъ, можемъ благополучно отправляться въ Россію. Это давножданное извѣстіе не имѣло, однако, того дѣйствія, которое можно-бы было ожидать отъ него. Шестъ мѣсяцевъ непрерывнаго ожиданія на столько охладили наше рвеніе, что особенной радости никто не выказывалъ даже тогда, когда опредѣленно сказали, что мы отправляемся изъ Санъ-Стефано на пароходѣ въ городъ Николаевъ 22-го августа.

Въ заключеніе настоящаго разсказа о шестимѣсячной стоянкѣ подъ Константинополемъ, надо еще прибавить, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ которыхъ были войска во все время этой продолжительной стоянки, какъ-то: жары, полиѣйшее

бездѣйствіе, отсутствіе развлеченій, болѣзни отъ тифа, — войска твердо помнили приказъ Главнокомандующаго: «служить примѣромъ порядка и твердой охраной мирныхъ жителей», и не единымъ случаемъ не помрачили «славу русскаго оружія» и не нарушили этого приказа.

Въ частности, о нашемъ баталіонѣ можно сказать, что стрѣлковый духъ и здѣсь, такъ же какъ въ походѣ и сраженіяхъ, остался неизмѣннымъ и поведеніе стрѣлковъ заслуживаетъ самой полной похвалы.

VIІ.

Изъ Кады-Янлы въ Санъ-Стефано. — Нагрузка на суда. — Ночь при входѣ въ Босфоръ. — Виды Босфора. — Выходъ въ Черное море. — Буря. — Морская болѣзнь и времяпрепровожденіе на суднѣ. — Затишье. — Разговоры по случаю возвращенія на родину. — Первые признаки роднаго берега. — Николаевъ. — Встрѣча войскъ и завтракъ отъ города. — Дальнѣйшее путешествіе по русскійскимъ желѣзнымъ дорогамъ. — Гатчино. — Торжественное вступленіе Гвардейской стрѣлковой бригады въ Царское Село 13-го сентября 1878 года.

12-го августа баталіонъ покинулъ Кады-Янлы и, въ ожиданіи своей очереди для посадки на суда, остановился вблизи Санъ-Стефано. Какъ ни пріятно было сознавать, что наконецъ-то отправляемся въ Россію, тѣмъ не менѣе, мы не безъ сожалѣнія оставляли мѣста, на которыхъ, ни много, ни мало, простояли цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Въ эти шесть мѣсяцевъ мы такъ успѣли сродниться со всѣмъ окружающимъ, что право, невольное чувство сожалѣнія чего-то охватило насъ, когда мы бросили послѣдній взглядъ на одинокое дерево, не разъ спасавшее насъ отъ дневнаго зноя, на

опустѣвшія мѣста палатокъ, на знакомыя лица грековъ и армянъ, снабжавшихъ баталіонъ всевозможной провизіей, даже на приставшихъ къ баталіону собакъ и теперь оставшихся безъ хозяина.

Черезъ 10 дней, 22-го августа, началась посадка на суда и нагрузка. *) Посадка шла медленно, такъ какъ громадное англійское судно, по имени «Ньюкестль» нанятое для перевозки насъ въ Россію, не могло подойти къ самому берегу; и прежде чѣмъ понасть на него, нужно было проплыть по морю саженой 200 на баркѣ.

День клонился къ вечеру, а на берегу оставалось еще много народа, выжидающаго своей очереди. Прилегающія къ пристани улицы, биткомъ набиты стрѣлками. Нѣкоторые стояли прислонившись къ какому-либо строенію, другіе лежали и, покуривая трубки, безмолвно смотрѣли вверхъ, въ голубое небо, на которомъ исчезали послѣдніе остатки зари и начинали появляться раннія звѣзды.

Взошла луна. Длиннымъ серебристымъ столбомъ отразилась она въ спокойной водѣ Мраморнаго моря, тысячами блесковъ заиграла на штыкахъ и еще прекраснѣе, еще величественнѣе сдѣлалась окружающая мѣстность. Вдали неподвижно стоятъ на якоряхъ пароходы. Ихъ мачты, точно громадный лѣсъ раскинулся по морю, а за этимъ лѣсомъ, сквозь чащу его, виднѣются далекія горы азіатскаго берега.

— И далѣ же Господь Богъ туркамъ такую землю —

*) Вмѣстѣ съ нами, на этомъ же пароходѣ отправлялся 2-й стрѣлковый баталіонъ.

привольную, да красивую! — разсуждали стрѣлки. — Самъ на чорта похожъ, а въ такой странѣ живетъ!

— Если-бъ не англичанинъ помѣшалъ — быть бы ей нашей. Ловили-бъ рыбу въ этомъ морѣ!

— Говорять, и рыбы-то тутъ страсть. Кишмя кишить. Раки въ полъ аршина ростомъ попадаются. Опять же — устрицы, вотъ, которыя господамъ офицерамъ нашимъ грекъ-ресторанщикъ привозилъ. Только не знаю, что въ нихъ хорошаго. Одна слизь какая-то. По нашему, просто лягушачья раковина, — вставилъ отъ себя какой-то стрѣлокъ, должно быть, большой охотникъ до рыбы.

— Четвертая рота, садись! — вдругъ послышался голосъ фельдфебеля.

Нѣсколько человѣкъ подхватили команду. Разговаривавшіе прекратили разговоръ и медленной, лѣнливой походкой потянулись къ пристани.

Черезъ часъ, или два, послѣдняя рота нашего баталіона была уже на пароходѣ. Стрѣлки размѣщались по палубѣ и въ трюмѣ, офицеры — въ каютахъ. Большинство, впрочемъ, за недостаткомъ мѣстъ, осталось также на палубѣ, наслаждаясь великолѣпнымъ воздухомъ теплой лѣтней ночи. Въ различныхъ мѣстахъ слышались разговоры. Возбужденіе по случаю ожидаемаго возвращенія на родину и непривычнаго путешествія по морю, не давало спать.

Вотъ, въ одномъ мѣстѣ, свѣсившись за бортъ и наблюдая серебристые переливы морской воды, подъ однообразный шумъ ея, ведутъ стрѣлки такой разговоръ:

— Наконецъ-то, братцы, и наша очередь пришла въ матушку Россію отправляться. Насилу дождались!

— Ужъ точно, что насилу дождались. Такъ и думалось, что на вѣкъ въ этой бусурманской странѣ останемся.

— Да ты, землякъ, не спѣши еще уѣзжать. Можеть, съ дороги вернуть; ничего, что на пароходъ забрались, ссадятъ назадъ. Сколько разъ такъ-то собирались, да все не съ мѣста.

— Чего каркаешь, ворона! — огрызнулись въ одинъ голосъ нѣсколько человѣкъ на стрѣлка, позволившаго себѣ сдѣлать такое непріятное предположеніе.

— Не каркаю, а дѣло говорю. Задурить опять турка, ну, и вернуть...

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы начавшееся пирательство, если бы общее утомленіе и уже довольно поздній часъ не заставили-бъ разойтись спорщиковъ и поискать удобнаго мѣста для сна. Скоро весь пароходъ погрузился въ глубокій сонъ. Наступившая повсемѣстно тишина лишь изрѣдка прерывалась шипѣніемъ громадной машины, да храпомъ счастливыхъ путешественниковъ, и кто знаетъ, какіе сны видѣлись имъ въ эту послѣднюю ночь передъ возвращеніемъ на родину!

Лишь только стало свѣтать и яркій свѣтъ луны, мало-по-малу, смѣнялся бѣлесоватымъ отблескомъ утренней зари, какъ все было снова на ногахъ. Машина зашипѣла, засвистѣла, громадный винтъ съ шумомъ повернулся въ водѣ. Взмолновавъ ее на далекое пространство, пароходъ дрогнулъ и двинулся съ мѣста.

Толпившіеся на палубѣ, мысленно прощались съ остающимися позади, постепенно скрывающимися изъ вида, знакомыми мѣстами. Снова мимолетное чувство

жалости охватило на минуту, но тотчас же и заглохло при видѣ тѣхъ очаровательныхъ мѣстъ, мимо которыхъ приходилось плыть.

Городъ Константинополь, во всемъ своемъ великолѣпнѣи представился нашимъ глазамъ. Широко раскинулся онъ по берегамъ Мраморнаго моря и Босфора. Разнообразнаго вида домики, тѣсными кучами лѣплятся по небольшимъ возвышенностямъ; извилистыя улицы, змѣйками разбѣгаются во всѣ стороны, а по самому краю берега, отражаясь въ водѣ и ежеминутно готовая рухнуть въ нее, тянется древняя, полуразвалившаяся стѣна. Не мало видовъ видала на своемъ вѣку эта древняя стѣна, защищая городъ, въ былыя времена, отъ непріятеля, но теперь ея жалкія развалины годны только для птичьихъ гнѣздъ, да для прогулокъ жителей, нерѣдко лазающихъ на нее, чтобы полюбоваться видомъ на море.

Подойдя къ Босфору, пароходъ остановился, чтобы заpastись на дорогу прѣсной водой*). Взошло солнце. Утренній туманъ, слегка затягивавшій море и окрестности, началъ, мало-по-малу, расходиться. Освѣтились сначала вершины горъ азіатскаго берега, затѣмъ длинныя башни минаретовъ и скоро весь городъ былъ залитъ яркимъ свѣтомъ восходящаго свѣтила.

Не смотря на ранній часъ, остановившійся пароходъ тотчасъ же былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ маленькими лодочками съ продавцами винограда, грушъ,

*) Морская вода—соленая, такъ что пить ее невозможно, и потому каждый пароходъ, отправляющійся въ море, запасается рѣчной или колодезною водой, годной къ употребленію.

яблокъ и прочей снѣди. Всѣ они на перерывѣ спѣшили распродать свой товаръ и лѣзли чуть не подъ самый пароходъ, чтобы занять мѣсто какъ можно ближе къ его борту. Но такъ какъ бортъ этотъ возвышался надъ водой не менѣе трехъ саженей, то обмѣнъ товаровъ происходилъ при помощи шапокъ, привязанныхъ на длинныя веревки.

— Эй, братушка, давай на галаганъ *) винограду! слышится въ одномъ мѣстѣ и шапка съ галаганомъ спускается въ лодку продавца и черезъ нѣсколько минутъ, тѣмъ же путемъ, возвращается назадъ, наполненная виноградомъ.

Въ другомъ мѣстѣ покупаютъ арбузы, дыни, и по всему борту только и видны спускающіяся и поднимающіяся шапки.

Уже болѣе двухъ часовъ стоимъ мы при входѣ въ Босфоръ. Кажется, все уже готово, вода давно набрана и даже неугомонные продавцы успѣли успокоиться и тихо покачиваются теперь въ своихъ опустѣвшихъ лодкахъ. Чѣмъ выше восходитъ солнце, тѣмъ болѣе и болѣе оживаетъ городъ и море. Къ маленькимъ лодочкамъ перевозчиковъ и продавцевъ присоединились громадныя пароходы и парусныя суда. Всѣ они задвигались по различнымъ направленіямъ, пробираясь между другихъ пароходовъ, стоящихъ еще на мѣстѣ и ожидающихъ пассажировъ, или товаровъ, чтобы развозить ихъ по всѣмъ концамъ свѣта. Улицы проснувшегося города также ожили, и только горы, по прежнему, мрачно высятся надъ всѣмъ этимъ суетящимся міромъ

*) Галаганъ—мѣдная монета, около нашихъ 2-хъ копѣекъ.

и гордо отражаютъ свои безжизненные вершины въ зеркальной поверхности моря.

Продолжительныя остановки начинали уже беспокоить нѣкоторыхъ и дѣлать предположенія: ужь не случилось-ли чего-нибудь? Не вернуть-ли, дѣйствительно, обратно усмирять турокъ, или не въ мѣру разгулявшихся англичанъ? Шесть мѣсяцевъ, проведенные нами въ постоянныхъ ожиданіяхъ, ужь приучили насъ ко всевозможнымъ случайностямъ, а потому и не удивительно, что каждая задержка заставляла ожидать чего-либо особеннаго. На самомъ же дѣлѣ, въ теперешней нашей остановкѣ ничего особеннаго не было и, какъ оказалось, мы стояли въ ожиданіи прибытія другаго меньшаго судна, на которомъ былъ нагруженъ нашъ обозъ. Скоро оно прибыло и толстымъ канатомъ соединилось съ нашимъ пароходомъ.

— Ну, теперь все готово! — сказалъ капитанъ; и снова зашипѣла машина, выбрасывая изъ трубы громадныя клубы дыма, снова завертѣлся винтъ и медленнымъ ходомъ мы начали двигаться по Босфору.

Съ каждымъ поворотомъ, передъ нами открывались, одна другой лучше, картины.

Палуба полна зрителями. Всѣ съ любопытствомъ всматриваются въ красивый городъ и въ рядъ блестящихъ дворцовъ турецкаго султана, расположившихся по обѣ стороны широкаго пролива. Миновавъ ихъ, мы стали подходить къ небольшому мѣстечку Беюкъ-дере, гдѣ въ это время помѣщалось русское посольство. Музыка заиграла «Боже, царя храни», а стрѣлки прокричали громко «ура», прощаясь съ представителемъ Русскаго Царя въ Турецкой землѣ. Въ отвѣтъ на это

прощальное привѣтствіе, на берегу также заиграла музыка.

Пароходъ прошелъ не останавливаясь. Впереди виднѣлось уже море. Берега Босфора суживались и незамѣтно переходили въ почти отвѣсныя голыя скалы. Входъ въ Босфоръ со стороны Чернаго моря защищенъ цѣлымъ рядомъ батарей, длинными линіями протянувшимися по обѣимъ сторонамъ его. Жерла орудій грозно выглядываютъ изъ-за земляныхъ насыпей и каждую минуту, готовы разнести пароходъ, осмѣлившійся проникнуть въ проливъ безъ дозволенія султана.

Но вотъ, и батареи остались позади; два-три одинокихъ домика, пріютившихся у самой воды, также промелькнули незамѣтно и передъ нами очутилось безбрежное море. Темныя волны его съ шумомъ налетаютъ на пароходъ и, разбившись, мелкими брызгами отскакиваютъ назадъ. Огромный пароходъ, среди необъятной массы воды уже не кажется такимъ огромнымъ, а ровный, спокойный ходъ его смѣнился качкой изъ стороны въ сторону. Съ каждымъ часомъ вѣтеръ усиливается. Зловѣщіе бѣлые зайчики забѣгали по всему обширному пространству моря, предвѣщая бурю.

Къ вечеру, дѣйствительно, разыгралась непогода. Хотя тучъ нигдѣ не было видно, но вѣтеръ дулъ съ страшной силой, завывая въ мачтахъ и канатахъ и заставляя несчастное судно наше дѣлать неимоверныя усилія, чтобы побороть разъяренныя волны и хотя медленно подвигаться впередъ. Привязанная къ намъ шкуна (небольшое судно) съ обозомъ, точно орѣховая скорлупа, ныряла въ волнахъ, то исчезая въ нихъ, то подымаясь на гребнѣ.

«Этого еще не доставало,—думали мы, лежа почти въ безчувственномъ состояніи отъ разбивавшей насъ тошноты *) и прислушиваясь къ завываньямъ вѣтра. Спастиcь отъ пуль и утонуть въ родномъ морѣ, на пути возвращенія!

Скоро, однако, по приказанію капитана, всѣ убрались съ палубы въ каюты, такъ какъ волны начинали уже хлестать черезъ бортъ и, чего добраго, могли снести въ море. Въ душныхъ каютахъ положеніе наше оказалось еще хуже. Тошнота разразилась рвотой и большинство, какъ офицеровъ, такъ и солдатъ, испытывало прескверное чувство, которое очень хорошо знакомо каждому, хотя разъ бывшему въ морѣ во время качки и отъ котораго, къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ средствъ избавиться. Только люди, привыкшіе къ морю и не разъ испытывшіе всевозможныя бури и качки, не подвержны этой болѣзни, и въ то время, какъ большинство лежитъ въ безчувственномъ состояніи, они преспокойно расхаживаютъ взадъ и впередъ, не стучаясь на каждомъ шагу о стѣны и не задѣвая столовъ и стульевъ.

Нашъ капитанъ и буфетчикъ-англичанинъ именно принадлежали къ такимъ счастливцамъ. Если капитану наше безпомощное состояніе не приносило ни вреда, ни пользы, то буфетчику, обязавшемуся кормить офицеровъ во все время переѣзда, оно было какъ разъ на руку, ибо никто изъ насъ не прикасался къ приготовленнымъ кушаньямъ и они уносились обратно со

*) Отъ качки, у людей непривычныхъ, поднимается тошнота, а затѣмъ и рвота. Такое состояніе называется «морской болѣзнью».

стола въ такомъ же видѣ, въ какомъ подавались на столъ.

Ужъ много часовъ носимся мы по безбрежному морю, предоставленные на произволъ судьбы и волю Божию. День смѣнился ночью, ночь утроемъ, а вѣтеръ нисколько не стихаетъ и разъяренные волны, по прежнему, продолжаютъ безжалостно бросать насъ изъ стороны въ сторону. По расчетамъ, мы давно должны были-бы быть у береговъ Одессы, но нигдѣ не видно ни клочка земли и никакихъ признаковъ близости ея. Море, одно море вокругъ, безъ конца!

Къ вечеру слѣдующаго дня, вѣтеръ началъ понемногу успокоиваться. На палубѣ показались офицеры и стрѣлки, спѣшившіе, при первой возможности, вырваться изъ душныхъ помѣщеній, чтобы вздохнуть свѣжимъ морскимъ воздухомъ и посмотреть на море.

— Ну, довольно, довольно. Пошалило, да и перестань! — разсуждали стрѣлки, обращаясь къ морю и все еще не твердыми шагами разгуливая по палубѣ.

— Чуть не задохлись; жарница — смерть. И теперь никакъ еще не угомонится.

Не смотря на стихнувшій вѣтеръ, море, дѣйствительно, волновалось еще съ страшной силой и пѣнилось, освѣщенное серебристымъ свѣтомъ полной луны.

Съ наступленіемъ утра, послѣдніе остатки бури исчезли, волны не съ такой уже силой ударили о носъ парохода; качка стала ровнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ просіяли лица пассажировъ и слышались оживленные разговоры. Конечно, прежде всего, каждый старался вознаградить себя за двухсуточное голоданье и съ особеннымъ удовольствіемъ поѣдалъ все, что попадалось

подъ руку и чѣмъ могъ угостить буфетчикъ-англичанинъ.

Послѣ завтрака, часть офицеровъ осталась въ каютахъ, большинство-же вышло опять на палубу и, за неимѣніемъ какого-либо другаго дѣла, занялось стрѣльбой въ цѣль изъ берданокъ. Первоначально, мишенью для этой стрѣльбы служили особыя рыбы (дельфины), огромными стадами слѣдовавшія за пароходомъ; затѣмъ началась стрѣльба въ пустыя бутылки, бросаемыя въ воду, въ коробки и пр. Стрѣляли на пари и просто для развлечения. Стрѣльба эта забавляла всѣхъ и сотни головъ, свѣсившихся за бортъ, внимательно слѣдили за результатомъ cadaго выстрѣла.

Въ такихъ занятіяхъ прошелъ еще день, и солнце окунулось въ воду, далеко позолотивъ видимую поверхность моря. Утомленные безсонной ночью, всѣ поспѣшили разойтись по своимъ мѣстамъ и пароходъ погрузился въ глубокій сонъ...

Чуть брежжитъ утренній свѣтъ. Холодный воздухъ августовскаго утра проникаетъ въ каждую скважину, дрожью пробѣгаетъ по всему тѣлу и прогоняетъ сладкій утренній сонъ. Досадно, страшно досадно! Еще бы минутку соснуть на свѣжемъ воздухѣ, да нѣтъ—невозможно! Невольно открываешь глаза и устремляешь дремлющій взоръ прямо передъ собой. А тамъ—далеко, далеко, почти надъ самымъ моремъ, въ утреннемъ туманѣ, блеститъ догорающая звѣздочка и виднѣтся черная полоса—не то дыма, не то облаковъ. Растетъ эта полоса и все ближе подходитъ къ намъ. Ужъ не берегъ-ли? Да, дѣйствительно—берегъ, а эта мерцающая

звѣздочка — маякъ *). Съ каждой минутой отчетливѣе вырисовывается пологій берегъ Одессы. Начинающійся день будить заснувшихъ пассажировъ и зоветъ ихъ на палубу.

— Вотъ онъ, вотъ дорогой берегъ! Вотъ она — матушка Россія! — слышатся смѣшанные голоса и сотни глазъ впиваются въ туманные очерки дорогой родины.

— Здравствуй, родная, кормилица наша! Привель Господь увидѣть тебя. Ура, ребята, дома!

— Ура! подхватили тысячи голосовъ и ликующій кликъ далеко разнесся по водѣ.

Подойдя къ берегу на разстояніе 3—4 верстъ, мы круто повернули вправо и пошли вдоль него. Небольшая деревушка ютилась почти у самой воды и, не смотря на ранній часъ, кое-гдѣ дымились трубы. Какъ-то особенно привѣтливо, гостепрѣймно смотрять на море эти маленькіе домики своими блестящими окошечками, въ которыхъ уже играютъ первые лучи восходящаго солнца. Какое-то необъяснимо пріятное чувство охватываетъ при взглядѣ на эту простую русскую избу, на этого рыбака, отчаливающаго отъ берега свою дырявую лодочку, на эти необозримыя поля скошеннаго хлѣба!... Не даромъ говорится: «и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!»

Близость роднаго берега отразилась на всѣхъ. Стрѣлки замѣтно оживились, — поднялся смѣхъ, говоръ.

*) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегу моря устраиваются высокія башни; на нихъ помѣщаются большіе фонари, которые указываютъ плавающимъ по морю близость берега и направленіе. Такія башни съ фонарями называются — маяками.

Нѣкоторые, заспавшіеся, свѣсились за бортъ и на скоро промывали себѣ глаза.

— Вотъ, и воды стали давать вдоволь. А то отмѣ- ривали по манерочки въ сутки на питье и умыванье; какъ хошь, такъ и распоряжайся: и рыло-то грязное, и пить-то хочется. Хоть теперь-то всласть помыться, чтобы на родину показаться умытымъ, а то за нехристя черномазаго примутъ, — разбѣгутся.

— Ты, братъ, ни то что на нехристя похожъ, а на самого чорта: ишь, опалило-то! — подсмѣивался маленький, также сильно загорѣвшій стрѣлокъ.

— Да что — опалило, вмѣшался третій; — сроду та- ковъ былъ. Извѣстно, — ташкенецъ. Изъ второй войны цѣлехонекъ возвращается; только крестовъ нахваталъ полную грудь. Домой придетъ, — всѣ рты разинуть!

— А тебѣ, видно, завидно, — промолвилъ угрюмый ташкенецъ, не переставая хлопать себя по лицу мок- рыми руками и отдуваться.

— Не даромъ дали кресты-то. Сколько разъ охот- никомъ ходилъ. Подъ Правцею чуть турокъ самому животъ не прокололъ. Да нѣтъ — миловалъ Богъ, — не удалось ему.

Въ это время, какъ шли подобные разговоры между стрѣлками и всякій привѣтствовалъ появленіе роднаго берега по своему, пароходъ все ближе и ближе подхо- дилъ къ пристани, пробираясь межъ множествомъ су- довъ, стоявшихъ на якорѣ. День былъ праздничный (26-го августа). Погода великолѣпная. Каждый испыты- вавалъ нѣкотораго рода волненіе, ожидая ту торже- ственную встрѣчу, о которой давно мечтали мы, и на- конецъ-то, — думали, — дождались.

Но что-же это? Пристань пуста. Гдѣ-же тѣ толпы, которыя, мы полагали, встрѣтятъ возвращающіеся на родину войска? Эта неожиданность, въ первое время, глубоко поразила насъ. Мы не знали, чѣмъ объяснить такое непонятное равнодушіе со стороны своихъ земляковъ; но скоро успокоились, сообразивъ, и совершенно основательно, что вѣдь нельзя-же по цѣлымъ днямъ сидѣть на пристани въ ожиданіи. И быстро выгрузившись съ парохода, мы ступили на русскую, родную землю. Не далеко виднѣлась триумфальная арка. Успѣвшій уже собраться, народъ съ любопытствомъ осматривалъ стрѣлковъ, стройными рядами проходившихъ подъ арку, украшенную множествомъ разноцвѣтныхъ флаговъ, съ надписями тѣхъ сраженій, въ которыхъ участвовалъ баталіонъ. Миновавъ арку, баталіоны свернули въ сторону и направились, по глубокому песку, къ мѣсту бивуака, на которомъ должны были простоять до дальнѣйшаго движенія по желѣзнымъ дорогамъ. Привыкшіе ждать отъ возвращенія на родину чего-то особаго, мы всѣ были, такъ сказать, немного не въ своей тарелкѣ и молча шагали по песчанымъ улицамъ гор. Николаева.

— Что, землякъ, приунылъ? Забылъ, что-ли, что въ Россію возвратились,—по Турціи скучаешь?—обратился одинъ изъ стрѣлковъ къ своему сосѣду, съ трудомъ волочившему ноги по глубокому песку.

— Чего забылъ!—помню. Да російскій-то песокъ не хуже турецкой пыли глаза ѣстъ.

— Правду говоришь. А не слышно, сколько времени мы въ этомъ самомъ пескѣ простои́мъ?

— Сказываютъ, три дня, пока весь бусурманскій духъ выйдетъ, чтобы съ собой не привезти въ Царское.

И одежду всю, говорятъ, обкуривать будутъ. Чумы боятся.

— Какая такая чума?

— Чума? Это, братецъ ты мой, все одно, что моръ. Въ Туретчинѣ отъ всякой ихней падали, да нечистоты чума бываетъ.

— Разберись, разберись въ рядахъ, ребята! слышался голосъ ротнаго командира. Бивуакъ близко.

Разговаривавшіе замолкли и стали разбираться въ рядахъ. Мѣсто для бивуака было отведено на берегу рѣки, недалеко отъ города. Стрѣлки въ послѣдній разъ разбили тутъ свои походныя палатки, а офицеры отправились на отведенныя отъ города квартиры.

Проснувшись на другой день довольно поздно, мы узнали, что городъ въ этотъ день устраиваетъ для нижнихъ чиновъ торжественный обѣдъ и завтракъ для офицеровъ. Къ 12-ти часамъ баталіонъ былъ приведенъ въ особое помѣщеніе, красиво убранное снаружи и внутри, гдѣ уже были приготовлены длинные столы съ различными кушаньями. Стрѣлки съ наслажденіемъ, конечно, уничтожали все, что любезно предлагали имъ хозяева и взамѣнъ рассказывали имъ о походѣ и сраженіяхъ.

Черезъ три дня, раннимъ утромъ, мы покинули городъ Николаевъ и двинулись въ дальнѣйшій путь. Офицеры довольно удобно размѣстились въ вагонѣ I-го класса; стрѣлки, какъ обыкновенно, въ товарныхъ, приспособленныхъ для перевозки войскъ. Локомотивъ свистнулъ и поѣздъ медленно двинулся отъ станціи. Стрѣлки запѣли пѣсни, музыка заиграла и все пошло обычнымъ порядкомъ.

Вотъ, и опять мы въ вагонѣ, какъ годъ тому назадъ. Передъ нами мелькають поля, покрытыя сжатимъ хлѣбомъ, родныя села, знакомыя русскія лица крестьянъ-хлѣбопашцевъ. Немного прошло времени — всего годъ какой-нибудь, а много воды утекло. Какими-то обновленными, возмужалыми, возвращаемся мы въ Отечество, и какъ нѣкогда стремились на войну, полные надеждъ и мечтаній, такъ теперь стремимся въ давно оставленные, родныя гнѣзда. Какъ нѣкогда насъ вездѣ провожали съ пожеланіями и благословеніями, такъ теперь встрѣчали съ поздравленіями и благодарностью.

Всѣ города, которые пришлось проѣхать на этомъ обратномъ пути (Кіевъ, Вильно) старались чѣмъ-либо выразить свою признательность побѣдоноснымъ войскамъ. Путешествіе было долгое, но пріятное. Последнее-же, полное торжество ожидало насъ впереди, на мѣстѣ нашей постоянной стоянки, въ Царскомъ Селѣ.

12-го сентября, варшавскій поѣздъ привезъ насъ въ Гатчино, а на слѣдующій день, въ 4½ часа утра, мы, уже пѣшкомъ, выступили въ Царское.

Засидѣвшись въ вагонахъ, стрѣлки съ удовольствіемъ теперь дѣлали эту пріятную прогулку въ сухой, ясный, осенній день. Трудно описать то чувство радости и тревоги, которое овладѣвало нами все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія и которое, вѣроятно, охватываетъ каждого, кто послѣ продолжительнаго отсутствія возвращается домой!

Золотой куполъ церкви Царскосельскаго дворца блестѣлъ высоко надъ желтѣющею зеленью обширныхъ парковъ, когда мы двинулись съ послѣдняго привала.

Вдали виднѣлись толпы народа. Вотъ, наконецъ, голова колонны подошла къ деревушкѣ на углу Софійскаго плаца и начала втягиваться въ толпу. Родные, знакомые, съ трепетомъ искали глазами въ рядахъ дорогія лица. Находили ихъ, и слезы радости катились по лицу, спѣшившему укрыться отъ постороннихъ взоровъ въ широко раскрытыхъ родственныхъ объятіяхъ. Тысячи рукъ съ цвѣтами потянулись изъ толпы и въ нѣсколько секундъ грозный лѣсъ штыковъ обратился въ движущійся пестрый цвѣтникъ.

Подойдя къ триумфальной аркѣ, выстроенной на углу Софійскаго плаца, баталіоны остановились въ ожиданіи прибытія Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора) и Цесаревны.

Ровно въ часъ дня, коляска Ихъ Высочествъ показала въ воротахъ парка. Началось торжественное прохожденіе подъ арку, за которой, плотной стѣной, стояли толпы народа, духовенство съ хоругвями и образами, представители дворянства, офицеры, запасный стрѣлковый баталіонъ, воспитанники и воспитанницы царскосельскихъ гимназій. Засыпанные цвѣтами, стрѣлки и офицеры церемоніальнымъ маршемъ проходили мимо Ихъ Высочествъ и всей этой пестрой толпы подъ звуки музыки. Неумолкаемое «ура» лилось со всѣхъ сторонъ и заглушало громкіе отвѣты стрѣлковъ на милостивое привѣтствіе Наслѣдника. На баталіонномъ знамени красовался громадный лавровый вѣнокъ, перевитый георгіевскими лентами. Лошадь командира также была увѣшана вѣнками.

По окончаніи церемоніальнаго марша, тутъ, на плацу, начался благодарственный молебенъ. Офицеры удостои-

лись изъ рукъ Цесаревны получить по небольшому лавровому вѣнку, украсившему ихъ сабли, а жители города поднесли баталіону хлѣбъ-соль на серебрянномъ блюдѣ. Къ довершенію всего, этотъ, торжественный и на всегда памятный для насъ, день былъ законченъ роскошнымъ обѣдомъ, устроеннымъ въ Гусарскомъ манежѣ жителями города въ честь возвратившихся стрѣлковъ.

Этимъ закончилась наша походная жизнь и мы снова очутились на старыхъ мѣстахъ, въ своихъ казармахъ. Подводя теперь итогъ всему тому, что сдѣлано баталіономъ въ 13 мѣсяцевъ его отсутствія, должно сказать, что кромѣ постоянныхъ трудовъ и лишеній, которые всегда переносились съ твердостью, достойной стрѣлковъ Его Величества, на долю баталіона выпало участіе въ шести славныхъ сраженіяхъ, начавшихся на одномъ концѣ непріятельской страны и завершившихся на другомъ полнымъ истребленіемъ врага.

Должно сказать, что молодой баталіонъ, едва успѣвшій просуществовать четверть столѣтія со дня своего сформированія, безпримѣрными подвигами, мужествомъ и храбростью покрылъ себя неуывдаемой боевой славой, заслужившей ему почетное мѣсто въ ряду старѣйшихъ частей Россійской арміи. Да пребудетъ эта слава его во вѣки и да поможетъ намъ славное прошедшее баталіона прибавлять все новыя и новыя блестящія страницы къ Исторіи стрѣлковъ Его Величества!

А. Райсбергъ

Потери баталіона въ минувшую войну.

Сраженія.	Убито.	Ранено.	Потеряно отъ несчастныхъ случаевъ.
Подъ Горнымъ Дубнякомъ, 12-го октября 1877 года	10	71	—
При взятіи Правецкихъ высотъ, 11-го ноября 1877 г.	1	7	—
При оборонѣ Арабъ-Конакской позиціи, 21-го ноября 1877 г.	—	5	—
При переходѣ черезъ Балканы	—	—	4
При взятіи моста на р. Искеръ, у дер. Враждебной, 21-го декабря 1877 г.	1	6	—
Въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ, 3-го, 4-го и 5-го января 1878 г.	2	2	—
Всего	14	91	4

Награждено знакомъ отличія Военнаго ордена.

За какія дѣла.	1-й ст.	2-й ст.	3-й ст.	4-й ст.
За Горный Дубнякъ	—	—	—	18
За Правецъ	—	—	—	14
За Арабъ-Конакъ	—	—	—	6
За переходъ черезъ Балканы и дѣла подъ Ташкисеномъ и Враждебной	—	1	6	15
За бой подъ Филиппополемъ и добавочные за переходъ черезъ Балканы	—	1	—	66
Всего	—	2	6	119

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I.—Отъ начала войны до боя подъ Горнымъ Дубнякомъ	3
Глава II.—Отъ боя подъ Горнымъ Дубнякомъ, до боя подъ Правцемъ	25
Глава III.—Отъ боя подъ Правцемъ до приготовлений къ переходу Балканъ	56
Глава IV.—Переходъ черезъ Балканы и занятіе города Софіи .	89
Глава V.—Отъ занятія Софіи до боя подъ Филиппополемъ . .	125
Глава VI.—Отъ занятія Филиппополя до прибытія въ С.-Стефано	157
Глава VII.—Отъ Санъ-Стефано до Царскаго Села	189

Въ Главной Конторѣ Редакціи журнала «Чтеніе для Солдатъ» можно получить слѣдующія книжки:

Наваринская битва. Съ 1 рис. Изд. 1878 г. Цѣна 10 коп.

Описаніе Восточной войны 1853—1856 гг., со включеніемъ подробнаго описанія безпримѣрной геройской защиты Севастополя. Посвящено Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, издано для войска и народа вообще. «Описаніе Восточной войны» отпечатано въ 8-ю долю обыкновеннаго формата, на 35-ти листахъ (560 стран.), съ 62-мя портретами и рисунками. Цѣна 1 р. 75 коп., за перес. 25 коп., а всего 2 рубля.

Севастополь и его доблестные защитники. Изд. 4-е, дополненное. Съ 20 рис. 1873 г. Цѣна 45 коп., съ перес. 50 коп.

Мужественная защита укрѣпленія Ахты въ 1848 году (на Кавказѣ). Изд. 1873 г. Съ 5 рис. Цѣна 15 коп. сер.

Геройская защита 40 русскихъ противъ 1,500 повстанцевъ въ дѣлѣ при дер. Сендзювице, 14-го августа 1863 г. Изд. 1871 г. Съ 2 рис. Цѣна 12 коп., съ перес. 15 коп.

Осада и штурмъ текинской крѣпости Геокъ-Тепе. Съ двумя планами. Изд. 1882 г. Цѣна 25 коп.

Сраженіе при Фершампенуазѣ въ 1814 году. Изд. 1884 г. Цѣна 5 коп.

Шесть мѣсяцевъ на Шипкѣ. Изд. 1884 г. Цѣна 40 коп.

Взятіе Хивы въ 1813 году. Изд. 1884 г. Цѣна съ перес. 25 коп.

Взятіе Парижа въ 1814 году. Изд. 1884 г. Цѣна 10 коп.

Нападеніе на Петропавловскій портъ англо-французской эскадры въ 1854 году. Изд. 1884 г. Цѣна 10 коп.

Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау. Изд. 1885 г. Цѣна 5 коп.

Сраженіе подъ Фридландомъ (съ планомъ). Изд. 1885 г. Цѣна 10 коп.

Разсказы о военныхъ подвигахъ (36 разсказовъ). Съ 1 рис. 1872 г. Цѣна 20 коп.

Военные подвиги частей войскъ и отдѣльныхъ лицъ, совершенные, во славу русскаго оружія, въ турецкую войну 1877—1878 гг. Изд. 1878 г. Съ 16 рис. Цѣна 60 коп., съ перес. 75 коп.

Доблести русскихъ войскъ. Посвящается новобранцамъ. Изд. 1878 г. Цѣна 10 коп.

1938

„ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ“,

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

имѣеть цѣлью содѣйствовать умственному и нравственному развитію и самообразованію солдатъ.

Журналъ „Чтеніе для Солдатъ“ рекомендованъ войскамъ бывшимъ Комитетомъ по устройству и образованію войскъ и помѣщенъ въ „Систематическомъ Каталогѣ“, объявленномъ при циркулярѣ Главнаго Штаба отъ 11-го сентября 1879 года, за № 343.

Цѣна за годовое изданіе журнала „Чтеніе для Солдатъ“, съ *бесплатными* приложеніями, 3 р. 50 к.; кромѣ того, за пересылку слѣдуетъ прилагать: въ Россіи — 50 коп., а за границу — 90 коп.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

для РОТНЫХЪ БИБЛІОТЕКЪ и ШКОЛЬ.

Редакціею журнала «Чтеніе для Солдатъ», издаваемого съ Высочайшаго соизволенія, издано, по настоящее время, *370 отдѣльных книжекъ разныхъ наименованій, для школъ*. Книжки изданы тщательно, цѣною отъ 2 коп. до 1 рубля, и какъ пособія, полезны для *начальнаго научно-нравственнаго самообразованія*. Большая часть означенныхъ книжекъ *одобрена* Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для школъ, а также и бывшимъ Комитетомъ по устройству и образованію войскъ и внесена въ *Систематическій каталогъ*.

Каталогъ этимъ книгамъ высылается желающимъ *бесплатно*.

Воспоминанія Стрѣлка. — Цѣна 75 коп. сер.

2020229558